

ФРЕДРИК БАКМАН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ВТОРАЯ ЖИЗНЬ УВЕ»

ПОСЛЕ БУРИ

“

...Говорят, что историю пишут победители,
но в этой истории победителей нет.

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

18+

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ
ТРИЛОГИИ «МЕДВЕЖЬИЙ УГОЛ»

Фредрик Бакман

После бури

Серия «Медвежий угол», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70403284

После бури: Синдбад; Москва; 2024

ISBN 978-5-00131-585-8

Аннотация

«После бури» – заключительная часть трилогии о жителях двух соперничающих хоккейных городов, которой предшествуют книги «Медвежий угол» и «Мы против вас».

Прошло два года после событий, о которых все стремятся забыть, чтобы двигаться дальше. Мая Андерсон и Бенни Ович возвращаются домой и воссоединяются с близкими друзьями. Они чувствуют в Бьорнстаде атмосферу оптимизма и целеустремленности, воплощением которой стал построенный на берегу озера впечатляющий ледовый дворец. Но проблемы, вызванные последствиями сильнейшей бури, вновь разжигают старое соперничество между Бьорнстадом и соседним Хедом, соперничество, которое начинается на ледовой площадке, но никогда ею не ограничивается. Нарастающая напряженность переходит во взаимное запугивание, а затем и в насилие...

Всеобщая хоккейная одержимость все больше раздражает четырнадцатилетнего Маттео. Кроме того, те, кого он считает

виновными в смерти сестры, – хоккеисты. Маттео полон решимости отомстить. У него есть пистолет. И план действий, осуществление которого приведет к трагедии.

Эта пронзительная история предлагает нам пересмотреть свои взгляды на то, что значит победить и что значит проиграть, что значит терять и что значит прощать.

Содержание

1	8
2	9
3	17
4	29
5	33
6	42
7	45
8	58
9	70
10	82
11	92
12	94
13	103
14	105
15	118
16	120
17	132
18	146
19	156
20	160
21	172
22	178
23	195

24	207
25	212
Конец ознакомительного фрагмента.	223

Фредрик Бакман

После бури

Той, которая слишком много говорит, слишком громко поет, слишком часто плачет и любит кое-

что в жизни больше, чем следует

Fredrik Backman
VINNARNA

Copyright © Fredrik Backman, 2021

Published by arrangement with Salomonsson Agency

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.

Издательство «Синдбад», 2023

1

Сказки

Все, кто знал Бенъямина Овича, – особенно мы, для которых он был просто Беньи, – в глубине души понимали, что он не из тех, кого ждет счастливый конец.

Но все-таки мы надеялись. Господи, как мы надеялись. Розовые очки – последняя линия защиты для любви, мы всегда внушаем себе, что тех, кого мы любим, не коснутся страдания и горе, что наших любимых беда обойдет стороной. Ради них мы мечтаем о вечной жизни, хотим обладать суперспособностями и пытаемся строить машины времени. Мы надеемся, господа, как мы надеемся.

Но правда в том, что в сказках о парнях вроде Беньи главный герой почти никогда не стареет. Это короткие сказки, их герои умирают, не дожив до спокойной старости в доме престарелых.

Такие парни, как Беньи, уходят молодыми. Они умирают насильственной смертью.

2

Бури

Будь проще. Основной совет хоккеисту и не только. Не усложняй жизнь, меньше думай, а лучше не думай вообще. Возможно, к историям вроде нашей он тоже вполне приложим: что тут рассказывать, начнется она прямо сейчас, а закончится меньше чем через две недели, много ли успеет случиться за это время в двух маленьких городках, где жизнь сосредоточена вокруг хоккея? Не то чтобы много!

А всё.

И в хоккее, и в жизни проблема одна: простое здесь редкость. Все остальное – борьба. Эта история началась не сегодня, она длится уже два года, с тех пор как Мая Андерсон уехала из этих краев. Оставив Бьорнстад, она отправилась через Хед на юг. Эти два городка, затерянные в лесах, расположены так близко друг к другу и так далеко от всего остального, что уехать отсюда – все равно что эмигрировать в другую страну. Однажды Мая споет о том, что человек бок о бок с дикой природой и сам становится диким, – это, конечно, и перебор, и недобор, как и все, что говорится о нас. Если вы вдруг окажетесь в наших краях и забредете в бар «Шкура»

и вам хватит ума не спрашивать у стоящей за стойкой Рамоны, сколько ей лет, или просить добавить в коктейль ломтик лимона, то, возможно, она расскажет вам кое-что важное: у нас в глубинке люди связаны друг с другом крепче, чем в больших городах. Хочешь не хочешь, а связь эта настолько крепка, что если один во сне перевернется с боку на бок, то стянется одеяло с другого в противоположном конце городка.

Хочешь понять законы, которые правят в наших краях? Тогда для начала попробуй разобраться в этих связях, увидеть незримые нити общности, верности и вины, которые связывают ледовый дворец и фабрику, хоккейную команду и политиков, место команды в таблице и деньги, спорт и рабочие места, друзей детства и товарищей по команде, соседей, коллег, семьи. Эти связи удерживают нас вместе и позволяют выживать, но они же толкают на ужасные преступления друг против друга. Всего тебе Рамона, как и остальные, не расскажет, но правда ли ты хочешь понять? Точно? Тогда послушай, как мы до этого дошли.

Полтора года назад, зимой, Маю изнасиловал на вечеринке Кевин Эрдалъ, лучший хоккеист Бьорнстада. Понятное дело, теперь никто не называет это «изнасилованием» — люди говорят «скандал», или «то, что случилось», или «ну, ты понимаешь». Всем стыдно, никто не забыл. С той вечеринки запустилась цепочка событий, которые привели к политическому решению перевести все деньги из одного городка в другой. Потом последовали весна и лето подлого предатель-

ства, осень ненависти и зима насилия. Началось все с драки в ледовом дворце, а закончилось уличной войной: люди в черном, которых полиция Бьорнстада зовет хулиганами, а жители – Группировкой, напала на своих врагов в Хеде; те в ответ подожгли бар «Шкура». В погоне за мстостью Группировка потеряла в автокатастрофе молодого парня, своего любимца, – Видара. Это стало апогеем, закономерным следствием многолетней агрессии, последней каплей для всех. Видара похоронили, двое из Хеда оказались за решеткой, было заключено перемирие – не только между хулиганами, но и между городами. С тех пор все худо-бедно держалось, но с каждым днем становилось все более хрупким.

Кевин и его семья уехали – они никогда не вернутся, такого никто не допустит. Бьорнстад вычеркнул все воспоминания о Кевине, и, хотя никто в этом не признался, все вздохнули с облегчением, когда Мая собрала чемодан. Она уехала в столицу, поступила в музыкальную школу и сделалась практически другим человеком, а те, кто остался, все реже вспоминали пресловутый «скандал», и в конце концов всем стало казаться, что его и вовсе не было.

Беньи Ович, когда-то лучший друг Кевина, тоже собрал чемодан. Хоть тот и был гораздо меньше Маиного, уехал Беньи гораздо дальше, и если Мая знала, куда едет, то Беньи знал только откуда. Мая искала ответ в свете, а Беньи – во тьме, Мая – в искусстве, а Беньи – в бутылке, впрочем, никто из них не преуспел.

Они оставили за плечами постепенно приходивший в упадок «Бьорнстад-Хоккей», и в городе, всегда мечтавшем о невозможном, теперь больше не мечтали ни о чем. Отец Май, Петер Андерсон, уволился с должности директора клуба и ушел из хоккея. Спонсоры разбежались, и в коммуне даже поговаривали о том, чтобы прикрыть клуб совсем и передать все ресурсы и гранты хоккейному клубу Хеда. И только в последний момент Бьорнстад спасли новые денежные вливания и упорство местного предпринимателя. Новым владельцем фабрики стал иностранец, который рассматривал клуб как возможность встроиться в местное сообщество, а политик-оппортунист Ричард Тео усмотрел в этом шанс завоевать голоса, и благодаря обоим в нужный момент появились деньги, спасшие клуб от развала. Тогда же сменился состав правления, состоялась его встреча по поводу «торговой марки» клуба, а следом презентация «новой системы ценностей». Началась рассылка брошюры со слоганом: «Вложись в “Бьорнстад-Хоккей”, не ошибешься!»

Несмотря ни на что, ситуация в корне изменилась – сначала в ледовом дворце, потом за его пределами. Тренер Бьорнстада Элизабет Цаккель пыталась устроиться в клуб побольше, но вакансия досталась тренеру Хеда, и тот уехал и увез лучших игроков. Хед остался без лидера и вскоре, как и все клубы в таком положении, погряз в интригах и борьбе за власть. Тем временем Цаккель собрала в Бьорнстаде новую команду, взяв в помощники молодого игрока по имени Бубу,

и капитаном этого пиратского брига поставила шестнадцатилетнего Амата. Теперь Амату восемнадцать, он главная звезда города, яркий талант, и всю прошлую зиму ходили слухи, что его позовут в НХЛ и он сделает профессиональную карьеру в Северной Америке. Аamat лидировал во всех матчах прошлого сезона, пока весной не получил травму, – весь город был уверен, что, если бы не это, Бьорнстад давно бы выиграл всю серию матчей и поднялся бы в турнирной таблице. А если бы Хед в последних матчах чудом не набрал очков, он бы в ней опустился.

То, что казалось невероятным, когда Мая и Беньи покидали город, два года спустя стало вопросом времени: зеленый город двигался вверх, а красный – вниз. Казалось, у Бьорнстада каждый месяц появляются новые спонсоры, а в Хеде все приходит в упадок, бьорнстадский ледовый дворец успели отремонтировать, а в хедском грозила обвалиться крыша. Крупнейший работодатель Хеда, больница, каждый год сокращала рабочие места. Теперь все деньги оказались у Бьорнстада, вся работа была у нас: мы – победители.

Хочешь понять почему? Тогда имей в виду, что дело не только в месте на карте. С высоты мы выглядим как два самых обычных, затерянных в лесу городка, наверное, чуть больше деревень, разделенных разве что дорогой, петляющей между деревьями. На первый взгляд не такой уж и длинной, но, приехав сюда, ты быстро поймешь, что идти по ней будь здоров, особенно когда мороз и ветер в лицо, а другой

погоды здесь не бывает. Мы ненавидим Хед, а Хед ненавидит нас, и пусть мы выиграем хоть все остальные матчи в сезоне, а продует один – весь год, считай, пропал. Пусть дела у нас идут хорошо, но для полного счастья нужно, чтобы у Хеда все было ни к черту. Бьорнстад играет в зеленой форме с медведем на груди, а Хед – в красной с быком; казалось бы, все просто, но из-за разности наших цветов невозможно понять, где кончается хоккей и начинается другое. В Бьорнстаде нет ни одного красного забора, а в Хеде – зеленого; неважно, интересуются владельцы домов хоккеем или нет, поэтому никто не знает, откуда изначально взялись эти цвета – то ли заборы покрасили в честь команд, то ли наоборот. То ли взаимная ненависть породила хоккейные клубы, то ли клубы стали причиной этой ненависти. Ты хочешь понять, как устроена жизнь в городках, завязанных на хоккее? Тогда запомни: спорт здесь гораздо больше, чем просто спорт.

Ты все еще хочешь понять людей? Правда? Тогда знай – скоро грянет страшная катастрофа, которая уничтожит то, что мы любим. Мы хоть и живем в городе, но прежде всего мы народ лесной. Кругом – деревья, камни и земля, где звери и травы зарождались и вымирали на протяжении тысячелетий, мы могли бы прикинуться большими и сильными, но против земли не поспоришь. Однажды подует ветер, наступит ночь – и нам покажется, что она не кончится никогда.

Скоро Мая сочинит песню о нас, кого дикая природа окружает снаружи и в ком прорастает изнутри. Она сплет о

том, что город, где она выросла, отмечен трагедиями, жертвами и виновниками которых стали мы. Она поет о той осени, когда лес развернулся к нам в полную силу. О том, что любое общество – сумма принятых нами решений, и единственное, что в конце концов удерживает нас вместе, – это наши истории. Она поет:

Это все началось с непогоды...

Такой страшной бури в наших местах не помнили. Может, мы так говорим про каждую бурю, но эта была невероятная. Мы ждали, что снег в этом году выпадет поздно, но ветры задули рано, в конце августа стояла зловещая удушающая жара, а потом осень распахнула ногой дверь в сентябрь, и температура быстро упала. Природа стала непредсказуемой и агрессивной, сначала это почуяли собаки и охотники, а вскоре и все остальные. Едва мы заметили первые признаки бури, когда она обрушилась на нас со всей силы. Она вывернула деревья с корнями и затмила небо, набросилась на наши дома и города, точно взрослый мужчина на маленького ребенка. Древние деревья сгибались под ее ударами, непоколебимые, словно скалы, они вдруг складывались, как травинка под подошвой сапога, а ветер ревел в ушах так, что не было слышно треска падающих деревьев. Кровельное железо и черепица срывались с крыш и металась в воздухе, словно остроугольные снаряды в поисках заплутавших жертв. Падающие стволы перегораживали дороги, и вскоре невозможно

стало ни въехать, ни выехать из города; ночью города ослепли из-за обрыва электросети, а мобильные телефоны работали лишь в некоторых местах. Каждый, кому удавалось дозвониться родным и близким, кричал: «Никуда не ходи! Никуда не ходи!»

Но молодой человек из Бьорнстада, судорожно вцепившись в руль маленького автомобиля, упорно пробирался лесными дорогами в больницу Хеда. Он не решался выйти из дома, но и остаться не мог – рядом сидела беременная жена: буря бурей, а ей пришло время рожать. Он молился, как атеист в окопе под пулями; она закричала, когда дерево безжалостно рухнуло на капот и железо прогнулось с такой силой, что ее бросило на лобовое стекло. Их никто не услышал.

3

Пожарные

Хочешь понять людей, которые живут в хоккейных городках? Точно? Тогда тебе надо узнать про худшее, на что мы способны.

* * *

Ветер не просто выл над домом на окраине Хеда, он вопил во всю глотку. Фасад прогнулся, пол вибрировал так, что тряслись висевшие на стенах вымпелы и красные хоккейные майки с символикой «Хед-Хоккея». Четверо детей, находившихся в доме, скажут потом, что у них было чувство, будто Вселенная задумала их погубить. Тесс было семнадцать, Тобиасу пятнадцать, Теду тринадцать, а Тюре семь. Им было страшно, как и всем детям, но они были готовы ко всему, поскольку кое-что отличало их от обычных детей. Их мама была акушеркой, а папа пожарным, и иногда казалось, что эта семья живет по-настоящему только в экстренных ситуациях. Едва поняв, что происходит, дети стали собирать садовую мебель, качели и турник, чтобы те не пробили окна, когда ветер вывернет их из земли. Папа Йонни побежал помогать соседям в другой конец улицы. Мама Ханна обзва-

нивала друзей и знакомых и спрашивала, нужна ли помощь. Звонков оказалось немало, потому что Ханна знала практически всех, они с Йонни родились и выросли в Хеде, а когда один работает в пожарном депо, а другая в больнице, то в конце концов узнаёшь в городе всех. Это было их место на земле, дети учились кататься на велосипеде на той же площадке между домами, на которой когда-то учились они, и воспитывались по самым простым принципам: люби родных, прилежно трудись, радуйся, когда «Хед» выигрывает, радуйся еще больше, когда ему удастся навалить «Бьорнстаду». Помогай тому, кто нуждается в помощи, будь хорошим соседом и никогда не забывай, откуда ты родом. Последнему родители учили детей не словом, а делом. Ссорьтесь сколько душе угодно, но в беде держитесь вместе, потому что иначе не выжить.

Буря снаружи прервала бурю внутри: родители очередной раз поругались, причем по-крупному. Маленькая и легкая Ханна стояла на кухонном подоконнике, кусая губы и потирая синяки. Она вышла замуж за идиота. Йонни, высокий и плечистый, с густой бородой и тяжелыми кулаками, в команде славился тем, что первым снимал перчатки и лез в драку: бешеный бык с логотипа хоккейного клуба в Хеде был бы хорошей карикатурой на Йонни. Нетерпеливый и упрямый, старомодный и с кучей предрассудков, из тех задир-старшеклассников, что навсегда застревают в переходном возрасте, Йонни играл в хоккей до тех пор, пока это было возмож-

но, а потом пошел в пожарные, сменил одну раздевалку на другую и продолжил соревноваться с другими во всем: кто сделает больше жимов лежа, быстрее пробежит по лесу, выпьет больше пива на вечеринке. Ханна с самого начала знала, что в один прекрасный день его обаяние может обернуться опасной стороной, те, кто не умеет проигрывать, становятся агрессивными, горячий темперамент приводит к насилию. «Длинный фитиль и много пороха – опасное дело», – говаривал ее свекор. В прихожей стояла ваза, разбившаяся на мелкие кусочки и заботливо склеенная, чтобы Ханна не забывала.

Йонни вернулся из сада. Он искоса посмотрел на нее, проверяя, не перестала ли она злиться. Их ссоры всегда кончались так, потому что она замужем за идиотом, который никогда не слушает, и всякий раз что-нибудь разбивается.

Люди думают, будто он крутой и суровый, но никто, кроме Ханны, не знает, какой он хрупкий и нежный. Когда проигрывает команда Хеда, проигрывает и сам Йонни. Когда весной местная газета написала: «“Бьорнстад-Хоккей” олицетворяет собой все новое и современное, тогда как “Хед-Хоккей” – устаревшее и неактуальное», Йонни воспринял это на свой счет, как будто в газете написали, что вся его жизнь, его взгляды и мнения были ошибкой. Клуб и есть город, а город – это семья, Йонни был предан им беззаветно и ради них пускался на любые крайности. Он всегда выглядел крутым, ничего не боялся и первым бросался в эпицентр катастрофы.

В том году страну охватили страшные лесные пожары, ни Хед, ни Бьорнстад не пострадали, но в нескольких часах езды от них людям пришлось несладко. Впервые за долгое время Йонни и Ханна с детьми собрались в отпуск, они услышали новость по радио на полпути к аквапарку на юге Швеции. Они поругались еще до того, как зазвонил телефон, а когда раздался звонок, Ханна уже знала, что Йонни развернется и поедет обратно. Дети съежились на заднем сиденье микроавтобуса, им это было не в новинку: скандал, крик, сжатые кулаки. Да, она замужем за идиотом.

Каждый день Йонни тушил лесные пожары, и каждый день новости по телевизору становились страшнее; по вечерам Ханна притворялась, что все в порядке, но дети засыпали в слезах, а ночью она в одиночестве корчилась от страха перед кухонным окном. Наконец он вернулся домой – возможно, прошла лишь неделя, но казалось, будто два года; он был изможденный и такой грязный, что так никогда и не смог отмыть до конца копоть, въевшуюся под кожу. Ханна видела из окна, как Йонни оставил машину на перекрестке и шатаясь проделал остаток пути до дома пешком – ей почудилось, что в любой момент он может рухнуть, превратившись в кучу пыли. Она побежала к двери, но дети уже увидели папу в окно, слетели по лестнице и столпились перед выходом из дома, спотыкаясь друг о друга и закрывая ей путь. Она стояла у окна, глядя, как они бросились на отца и повисли на его огромном туловище, как обезьянки: Тобиас и Тед обнимали

его за шею, Тесс взгромоздилась на спину, а малыш Тюре сидел у него на руках. Отец, чумазый, потный и невероятно уставший, вошел в дом, держа на себе всех четверых так, будто они ничего не весили. Ночью он положил себе на пол матрас в комнате Тюре, но остальные дети тоже притащили матрасы туда же, и только на четвертую ночь Йонни вернулся к Ханне. Наконец она почувствовала, как он обнимает ее, и смогла вдохнуть запах его рубашки. В последнее утро она так извелась от ревности к собственным детям, так злилась на себя и так устала сдерживаться, что швырнула проклятую вазу об пол.

Пока Ханна склеивала ее заново, никто не решался с ней заговорить. Затем муж, как обычно, сел на пол у ее ног и прошептал: «Не сердись на меня, я не выношу, когда ты на меня сердишься». Треснувшим голосом она ответила: «Это был не твой пожар, дорогой, горело даже не в *нашем* городе!» Йонни осторожно наклонился, так что она почувствовала его дыхание на своих ладонях, поцеловал их и сказал: «Все пожары – мои». Как она ненавидела и боготворила этого идиота. «Твоя единственная работа – возвращаться домой. И точка», – напомнила она. А он улыбнулся в ответ: «Разве я ее не выполнил?» Ханна со всей силы вмазала ему по плечу. Она встречала много идиотов, которые исповедовали принцип «первыми бросаться в огонь и спасать других», но ее идиот был из тех, кто так поступал. Каждый раз, когда Йонни уходил на работу, у них начинался один и тот же скан-

дал, потому что каждый раз она злилась на себя за то, что ей страшно. Скандал всегда кончался одинаково: она что-нибудь разбивала. В тот раз это была ваза. В этот – костяшки собственных пальцев. Когда началась буря и он ринулся заряжать телефон, она ударила кулаком по мойке. А теперь растирала руку и ругалась. Потому что и хотела, чтобы он уехал, и была из-за этого в бешенстве.

Йонни вошел на кухню, и Ханна почувствовала, как его борода щекочет затылок. Он воображал себя крутым и суровым, а на самом деле был самым нежным на свете, поэтому никогда не кричал на нее в ответ. Буря стучала в окно, оба знали, что скоро зазвонит телефон и ему придется уехать, а она опять будет злиться. «Будь начеку в тот день, когда она перестанет злиться, – это значит, она тебя разлюбила», – сказал отец, когда Йонни с Ханной поженились. «Берегись, у этой женщины фитиль длинный, зато и пороха много!» – смеялся отец в другой раз.

Возможно, Ханна замужем за идиотом, но и сама не сахар, характер такой, что иногда она доводит Йонни до ручки, а от постоянного бардака в доме у него просто голова идет кругом. Йонни с ума сходит, если вещи не разложены по порядку, он вечно не может найти то, что надо, – будь то в пожарной машине, в гардеробе или в кухонном шкафчике, а женщина, на которой он женился, не считает, что у каждого должно быть свое место в кровати. Ханна запросто может в один день лечь справа, а в другой – слева, никакой логики, от

этого у Йонни едет крыша. Как так – нет своего места в постели? К тому же она ходит по квартире в уличной обуви, не моет после себя раковину и меняет местами нож для масла и сырорезку, так что каждый завтрак превращается в чертов поиск сокровищ. Хуже ребенка.

Но вот она протянула руку и погладила его бороду, а он обнял ее за талию – и все остальное стало не важно. Они хорошо знают друг друга. Ханна смирилась, что жизнь с пожарным – то, чего остальным никогда не понять. Например, она научилась писать в темноте, потому что стоило зажечь свет ночью, как он просыпался, принимая его за мигающий сигнал экстренного вызова на пожарной станции. Одевался во сне и мгновенно прыгал в машину, а она, чертыхаясь, бежала за ним в одних трусах и пыталась выяснить, в чем дело. Прошло немало ночей, прежде чем Ханна поняла, что он никогда не отвыкнет от этого, а в глубине души она и не хотела, чтобы он отвыкал.

Йонни был из тех, кто бросается в огонь. Ни сомнений, ни вопросов, прямо в огонь. Такие люди – большая редкость, их узнаешь с первого взгляда.

* * *

Восемнадцатилетняя Ана выглянула в окно из дома на окраине Бьорнстада, где они жили с отцом. Ана немного хромала – повредила колено на соревнованиях по борьбе, после

того как ее ровесник сказал, что девчонки не могут нормально бить. Она сломала ему ребро и ударила коленом по голове – внутри-то было пусто, но снаружи, к сожалению, имелась твердая оболочка, так что колено она повредила. Тело у нее всегда было проворное, ум за ним не поспевал, ей было трудно понять людей, зато она хорошо понимала природу. Глядя в окно, Ана увидела, как деревья сгибаются под порывами ветра, она заметила это еще с утра и задолго до всех поняла, что будет буря. Если твой отец хороший охотник, такие вещи ты чувствуешь за версту, а лучшего охотника, чем ее папа, в наших краях не найдешь. Он провел в лесу столько времени, что частенько забывал разницу между рацией и телефоном и, беря трубку дома, говорил «прием» после каждого ответа.

В этом лесу Ана училась ползать и ходить, потому что только так она могла быть вместе с папой. Лес стал ее детской площадкой и школой, отец рассказывал ей о диких зверях и невидимых силах земли и воздуха. Так проявлялась его любовь. Когда Ана была маленькой, папа учил ее выследивать добычу и стрелять, а когда подросла, брал ее на поиски подранков или зверей, сбитых машиной, которых муниципальные власти поручали найти и пристрелить. Когда живешь в лесу, привыкаешь его защищать и понимаешь, что лес тоже тебя защищает. Замечаешь те же вещи, что и растение, ждешь весны и солнца, боишься того же, что и они: огня, а еще больше – ветра. Потому что ветер нельзя остановить или погасить, ни кора, ни кожа для него не преграда,

ветер рвет, ломает и убивает все на своем пути.

Ана услышала непогоду в шелесте макушек деревьев, почувствовала ее в груди, хотя кругом все было тихо и неподвижно. Она набрала воды во все канистры и ведра, принесла из подвала газовую плитку, вставила новые батарейки в налобные фонарики, достала чайные свечи и спички. В последующие несколько часов Ана деловито и сосредоточенно рубила дрова и стаскивала их в большую комнату. Когда в Бьорнстад пришла буря, Ана закрыла двери и окна и стала мыть посуду, громко звякая тарелками и ножами под песни своей лучшей подруги Май, звучавшие из колонок, потому что голос Май ее успокаивал, а привычные звуки кухни успокаивали собак. Когда Ана была маленькой, собаки ее защищали, теперь все наоборот. Если вы спросите Маю, кто такая Ана, она ответит: «Воительница». Не только потому, что Ана может навалить кому угодно, но главным образом потому, что жизнь с самого рождения пыталась навалить Ане, но у нее ничего не вышло. Ана была нестигаемой.

Она училась в гимназии Бьорнстада последний год, но повзрослела раньше, чем остальные, как это бывает с дочерьми тех, кто привык прятаться на дне бутылки. Когда Ана была еще совсем маленькой, папа научил ее поддерживать в печи огонь, в нужное время подкладывать больше дров, чтобы огонь не потух. Когда отец уходил в запой – на несколько дней, а то и месяцев, – он так же тщательно поддерживал в себе хмель. Никогда не злился и даже не орал, просто

ни на миг не трезвел. Во время бури он спал, похрапывая в кресле в гостиной среди Аниных кубков по борьбе, которыми так гордился, и ее детских фотографий, с которых она когда-то аккуратно вырезала маму. Сейчас он был слишком пьян, чтобы услышать, как звонит телефон. Она мыла посуду, сделав погромче музыку, собаки лежали у ее ног и тоже не слышали. А телефон все звонил и звонил.

Наконец позвонили в дверь.

* * *

– Ничего страшного, просто ветер, – прошептал Йонни.

Ханна старалась поверить. Он ведь не на пожар едет, просто команда пожарных с бензопилами будет чистить дорогу от упавших деревьев, чтобы могли проехать машины спасателей и экстренных служб. Быть пожарным в наших краях означает на девяносто процентов быть лесорубом, часто бормочет он, но Ханна знает, что он гордится своей профессией. Ведь он часть этого леса.

Обернувшись, она встала на цыпочки и укусила его за щеку – у него подкосились ноги. Обычно Йонни самый большой и сильный, куда бы он ни пришел, но что бы люди ни думали, если по ту сторону горящей стены окажутся дети, Ханна прорвется в дом быстрее, чем он. Она непростой человек, строптивый и дерзкий, ей тяжело угодить, но он любит ее

больше всего на свете за ее дьявольский и бескомпромиссный инстинкт защитницы. «Мы помогаем всем, кому можем помочь», – шепчет она ему на ухо в худшие дни, когда кто-то погибает у него на пожаре или у нее в роддоме. Пожарный готов столкнуться со смертью в любой момент, а акушерка – в самый страшный: в первое мгновение жизни. Эти слова утешают их и напоминают о долге. Мы помогаем, если можем, когда можем и кому можем. Вот такая у них работа, и они ей под стать.

Йонни медленно разжал руки – никогда ему не привыкнуть, что от этой неряшливой задиры внутри все переворачивается. Он пошел проверить, зарядился ли телефон, а она долго смотрела ему вслед – никогда ей не привыкнуть к тому, что после двадцати лет совместной жизни ей по-прежнему хочется сорвать одежду с этого занудного педанта, достаточно ему лишь посмотреть ей в глаза.

В прихожей зазвонил телефон. Пора. Ханна зажмурилась, выругалась и пообещала себе, что не будет ссориться с Йонни. Он никогда не обещал, что вернется домой невредимым, – это плохая примета. Просто вновь и вновь повторял, что любит ее, а она отвечала: «Тем лучше для тебя». Телефон продолжал надрываться – наверное, Йонни в туалете и не может ответить; она окликнула его во весь голос, чтобы перекричать оглушительный дребезг оконных стекол на ветру. Дети выстроились на лестнице, чтобы обнять папу на прощание. Тесс обхватила троих братьев: Тобиаса, Теда, Тю-

ре. Папа считал, что глупо давать всем детям имена, начавшиеся на «т», но договорился с их мамой, когда они полюбили друг друга, что она будет придумывать имена детям, а он – собакам. Собак они так и не завели. Да, Ханна всегда была более практичной.

Тюре плакал, уткнувшись в футболку Тесс, никто из братьев не пытался его одернуть. Они и сами плакали, когда были помладше, потому что в семье не бывает одного пожарного, так уж устроена жизнь, пожарной командой становится вся семья. Они не могут позволить себе думать: «С нами такое никогда не случится» – нужно быть готовыми ко всему. Поэтому у родителей есть простое соглашение: никогда не рисковать одновременно. Кто-то один должен остаться с детьми, если произойдет худшее.

Йонни стоял в прихожей и все громче кричал в трубку, но без толку. Может, он нажал не на ту кнопку? Он проверил список звонков: странно, последний от мамы – десять минут назад. Прозвучало еще несколько звонков, и тут он понял, что все это время звонил телефон Ханны. Она в растерянности взяла трубку, посмотрела на номер и услышала голос шефа. Через тридцать секунд она вылетела из дома.

Ты хочешь понять людей? Правда? Тогда тебе надо узнать про лучшее, на что мы способны.

Дикари

Беньи проснется от грохота. Он сядет в кровати и не поймет, где находится, – от похмелья у него нарушились ощущения пространства – кажется, он слишком велик для этой комнаты, будто проснулся в кукольном домике. Ничего удивительного, это продолжается много дней, каждое утро он просыпается в ужасе от того, что до сих пор жив.

Это случится на следующий день после бури, о которой он пока что не знает, он еще не понимает, забыл он свой сон или до сих пор спит. Длинная челка упадет на глаза, боль пронзит каждый сустав и сухожилие по-прежнему мускулистого тела, накачанного за время жизни в хоккее, хотя теперь Беньи двадцать, и он скоро два года как не вставал на коньки. Тощий, насквозь прокуренный, он попытается встать с кровати, но упадет на колено, пустые бутылки покатятся по полу, заваленному бумагой для самокруток, зажигалками и остатками фольги, а головная боль навалится с такой силой, что, даже зажав уши, он не поймет, откуда этот грохот – изнутри или снаружи. Раздастся еще один залп, стена задрожит, Беньи в испуге присядет на корточки, потому что стекло в окне над кроватью вот-вот треснет и погребет его под своими осколками. А в углу будет звонить, и звонить, и зво-

нить телефон.

Два года назад Беньи уехал из Бьорнстада и все это время скитался по свету. Оставив город, где прошла его жизнь, он ехал автостопом, на поездах, плыл на пароходах до тех пор, пока вдоль дороги не перестали появляться города с хоккейными клубами. Он уехал черт знает куда и разрушал свою жизнь всеми возможными способами, но с удивлением обнаружил, что есть вещи, которых ему не хватает. Взгляды, руки, дыхание на затылке. Танцпол без вопросов. Чтобы стать свободным, ему нужен был хаос, а чтобы не чувствовать себя одиноким – одиночество. У него и в мыслях не было возвращаться, теперь любая чужая планета могла стать ему домом.

Был ли он счастлив? Раз у тебя возникает такой вопрос, ты совершенно не знаешь Беньи. Он никогда не возлагал особых надежд на счастье.

Заспанный и похмельный, он будет стоять на подоконнике в маленьком гостиничном номере, глядя на мир за окном и не ощущая себя его частью. Внизу на дороге столкнутся две машины – от этого грохота он проснется. Закричат люди. Так, что у Беньи зазвенит в ушах. До тех пор, пока он не поймет, что это телефон.

– Алло? – выдавит он голосом, севшим от долгого молчания, а до этого надорванным от крика.

– Это я, – устало и обреченно прошепчет его старшая сестра на другом конце провода.

– Адри? Что случилось?

Она будет осторожно подбирать слова – сейчас он слишком далеко, чтобы сообщать ему эту новость, как старшая сестра сообщает младшему брату. Он выслушает молча, он всю жизнь тренировался не подавать виду, когда внутри что-то гаснет.

– Умерла? – наконец произнесет он, и сестре придется повторить, как будто он забыл часть слов своего языка.

В конце концов он прошепчет «понятно», шорох дыхания в трубке – вот и все, чем даст себя знать маленькая ударная волна от разорвавшегося сердца.

Беньи нажмет «отбой» и начнет собирать сумку. Раз-два и готово, он путешествует налегке и всегда готов двинуться в путь.

– *What's going on? What time is it?*¹ – донесется шепот из кровати.

– *I have to go*², – ответит Беньи, направляясь к двери, голый по пояс. Большая татуировка с медведем, набитая на плече, успеет поблекнуть после нескольких месяцев на солнце, а бесчисленные шрамы вспыхнут розовым на загорелой, как у дикаря, коже. На костяшках пальцев их окажется больше, чем на лице, ведь по части дикости Беньи мог многим дать сто очков вперед.

– *Go where?*

¹ – В чем дело? Который час? (англ.)

² – Мне надо идти (англ.).

– *Home*³.

Голос крикнет еще что-то вслед, но Беньи уже бежит вниз по лестнице. Надо было в ответ хотя бы пообещать, что позвонит, но если Беньи что-то и понял за годы жизни в Бьорнстаде, так это то, что он больше не в состоянии никому врать.

³ – Куда?– Домой (*англ.*).

5

Акушерки

Той ночью буря прокатится по двум хоккейным городкам, сокрушая людей и деревья. А утром приедут юноша и девушка: у него на руке татуировка с медведем, у нее – с гитарой и ружьем; они вернутся домой, чтобы пойти на похороны. Так начнется эта история. В местах по соседству с дикой природой людей связывают не только невидимые нити, но и острые крючья, так что, когда один человек поворачивается слишком резко, он может не только сдернуть с другого одеяло. Он может вырвать у него сердце из груди.

* * *

Йонни бегал за женой по всему дому, поднимался по лестнице в спальню, а она на ходу собирала акушерский набор и давала ему краткие объяснения: молодая пара с хутора к северу от Бьорнстада, первые роды, воды отошли, супруги отправились в больницу Хеда, недооценив масштаб бури. Хотели сократить путь и добраться с восточной стороны проселочными дорогами, вместо того чтобы ехать по шоссе, и оказались посреди леса между двумя городами, когда дорогу им преградило упавшее дерево. Они не увидели, как пада-

ет следующее дерево, и машина прочно застряла, непонятно где. Им удалось дозвониться в больницу поблизости, но тамошние врачи не были уверены, что смогут добраться к ним сквозь этот хаос, когда по лесным дорогам проехать нереально. Единственным шансом для женщины и ребенка была акушерка, которая тем вечером оказалась свободна, жила достаточно близко и, если потребуется, готова была пройти последний отрезок пути пешком.

Йонни стоял в дверях спальни, ему хотелось спросить жену, не сошла ли она с ума, но после двадцати лет совместной жизни он заранее знал ответ. Внезапно она повернулась так резко, что ударила его головой в грудь, его руки нежно сомкнулись вокруг, и она утонула в его объятиях.

– Я люблю тебя, люблю, чертов ты идиот, – прошептала она.

– Тем лучше для тебя, – ответил он. – На чердаке в сундуке лежат запасные одеяла, а фонарики...

– Знаю, за нас не беспокойся, только ты не... ты, черт побери, не... – Она зарылась лицом в его футболку и почувствовала, как он дрожит. – Не злись на меня, дорогой. Злиться – это моя привилегия, а ты у нас мудрый, – пробормотала она в футболку. Он старался. Очень старался.

– Возьми с собой кого-нибудь. Кого-то, кто знает лес, дорогая, ведь будет темно и...

– Ты должен остаться. Сам знаешь. Никогда не летать на одном самолете, не выходить вместе из дома в бурю, дети

должны...

– Знаю. Конечно *знаю*, – прошептал он в отчаянии. Никогда еще он не чувствовал такого бессилия – для пожарного это невыносимо.

Из-за его глупых суеверий она никогда не могла сказать ему: «Возвращайся целым и невредимым», когда он уезжал на вызов, поэтому обычно она вспоминала какое-нибудь рутинное дело, предстоявшее на следующий день, чтобы он не мог отвертеться: «Не забудь завтра отвезти на помойку мусор» или «В двенадцать обедаем у твоей мамы». Это был их маленький тайный ритуал.

Поэтому и сейчас он не сказал ей: «Возвращайся целой и невредимой». Он не стал ее отговаривать, поскольку знал по себе, *что* услышит в ответ. Он должен быть сильным, но даже он не может остановить ветер. Она может принять роды, поэтому нужнее сейчас она. Мы помогаем, если можем помочь, когда можем и тому, кому можем. Поэтому по дороге из спальни он просто схватил ее за руку, чтобы сказать о каком-нибудь рутинном деле и напомнить о завтрашнем дне, но единственным, что пришло ему в голову, было:

– Завтра я собираюсь заняться с тобой сексом!

Она рассмеялась, прямо ему в лицо, прямо в самое сердце:

– Все-таки у тебя с головой не в порядке.

– Заруби себе на носу, завтра будем заниматься любовью!

У него на глазах были слезы, у нее тоже, за окном выл ветер, и оба прекрасно понимали, что не бессмертны.

– Не знаешь, кто бы смог меня туда проводить? – спросила она, стараясь говорить ровным голосом.

– Да, знаю одного человека. Позвоню, скажу, что ты скоро приедешь, – ответил Йонни и дрожащими руками записал адрес.

Ханна села в микроавтобус и отправилась в ночь наперекор буре, которая ломала деревья, как спички, и убивала все на своем пути. Она не обещала, что вернется целой и невредимой. Йонни и дети глядели ей вслед в окно кухни.

* * *

В конце концов собаки почуяли, что у входной двери кто-то есть, и залаяли, скорее инстинктивно, потому что звонка никто не услышал. Ана вышла в прихожую и осторожно выглянула в окно. Кого еще черт принес? На крыльце виднелась хрупкая женская фигурка в капюшоне, изо всех сил сопротивляющаяся напору ветра.

– ОТЕЦ ДОМА?! – прокричала женщина, когда Ана рванула дверь. Лес ревел и сотрясался от бури, как будто они находились в консервной банке, которую великаны гоняли по футбольному полю.

Микроавтобус, на котором приехала женщина, стоял чуть поодаль, трясаясь от ветра. Как можно в бурю выехать из дома на этом дебильном корыте, думала Ана. Кроме того, на женщине был красный дождевик, а это означало, что она из Хе-

да. Она что, совсем с дуба рухнула? Ана была так занята этими мыслями, что почти не отреагировала, когда женщина шагнула вперед и прокричала:

– В лесу застряла машина! Мой муж сказал, что только твой папа знает дорогу!

Она выплевывала слова, а Ана лишь моргала в ответ в полной растерянности:

– Ну... и? Вы как бы не понимаете, почему машина застряла в лесу с такую погоду?

– Женщина в машине РОЖАЕТ! Твой папа дома или нет? – нетерпеливо прошипела женщина и шагнула в прихожую.

Ана попыталась преградить ей путь, но та, видимо, не заметила ее паники. На кухонной столешнице выстроились пустые банки из-под пива и бутылки, тщательно вымытые Анной, чтобы не пришлось краснеть перед соседями за запах в контейнере для раздельного сбора мусора. Отец сидел в гостиной, уронив руки с подлокотников кресла. Грудь медленно вздымалась и опускалась в такт дыханию проспиртованных легких. Акушерка уже была на взводе, поэтому, когда сердце, подскочившее к горлу, провалилось куда-то в район живота, ее это не удивило.

– Понимаю... Прости... Прости, что я ворвалась, – смущенно пробормотала она и, поспешно развернувшись, выскочила за дверь к своему микроавтобусу.

Мгновенье поколебавшись, Ана ринулась следом. Посту-

чала в окно машины. Женщина неуверенно опустила стекло.

– Куда вам надо? – прокричала Ана.

– Буду искать женщину в лесу! – ответила акушерка, пытаюсь завести машину, но проклятая развалюха зашлась в кашле.

– Вы что, совсем рехнулись? Вы понимаете, как опасно сейчас в лесу?

– ОНА РОЖАЕТ, А Я АКУШЕРКА!!! – проорала женщина, внезапно придя в бешенство, и грохнула кулаком по приборной доске полумертвого микроавтобуса.

Впоследствии Ана не сможет объяснить, что с ней случилось в тот момент. Возможно, нечто из разряда романтики, в кино про такое говорят: «Она почувствовала зов свыше». Решающим фактором оказалось то, что женщина выглядела такой же чокнутой, какой, по общему мнению, выглядела Ана.

– ПОЕДЕМ НА ПАПИНОЙ МАШИНЕ!

– Я НЕ МОГУ ВЗЯТЬ ТЕБЯ С СОБОЙ!

– ТВОЯ МАШИНА – ДЕРЬМО!

– БЕЗ ТЕБЯ ЗНАЮ!

– ТЕБЕ ЖЕ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ПОЕДЕШЬ СО МНОЙ!

Женщина посмотрела на безумного подростка за окном. На курсах акушерства они такого не проходили. Она отчаянно выругалась, взяла акушерский саквояж и двинулась вслед за девочкой к машине ее отца.

– МЕНЯ ЗОВУТ ХАННА! – крикнула она.

– АНА!

Неслучайно у них такие похожие имена; у Ханны еще будет повод проклинать собственное сходство с этой девчонкой и хохотать над ним. Они вскарабкались на переднее сиденье и долго боролись с дверями, чтобы как следует их закрыть, – ветер лупил по железу, как град. На заднем сиденье лежало ружье. Покраснев, Ана схватила его и побежала к дому. Вернувшись, сказала, не глядя в глаза:

– Он забывает ружье в машине, когда... ну, вы понимаете. Сто раз ему говорила.

Акушерка кивнула, поежившись.

– Мой муж познакомился с твоим папой пару лет назад, когда тушили лесные пожары. Я думаю, его тоже позвали, ведь он знает лес как свои пять пальцев. Они потом охотились вместе несколько раз. Кажется, твой папа – единственный человек во всем Бьорнстаде, которого муж уважает. – Жалкая попытка подбодрить Ану, Ханна и сама это понимала.

– Папу все любят, вот только сам он себя не особенно жалует, – сказала Ана с такой убежденностью, что у Ханны сердце сжалось.

– Ана, может, тебе стоило остаться с ним?

– Зачем? Он так пьян, что даже не заметит, что меня нет.

– Мой сказал, в лесу я могу положиться только на твоего папу и ни на кого другого, и теперь мне как-то не по себе, что ты...

Ана фыркнула:

– Твой муж придурок, раз думает, будто лес знают одни мужики!

Акушерка растерянно улыбнулась:

– Если ты думаешь, что мой муж придурок только поэтому, значит, ты пока мало знаешь мужчин...

Сколько раз она говорила Йонни, чтобы отвел микроавтобус в нормальный автосервис, но он в ответ лишь бормотал, что настоящие пожарные могут сами чинить свои машины. На это она отвечала, что настоящим пожарным *кажется*, будто они могут сами чинить свои машины. Быть замужем просто, думала Ханна: берешь скандал, который тебе особенно удастся, и повторяешь раз в неделю.

– Где застряла та женщина? – нетерпеливо спросила Ана.

Акушерка поколебалась, вздохнула, достала карту. Из Хедда в Бьорнстад она ехала по шоссе, но ее машина стала последней: она видела, как позади на дорогу валятся деревья. По идее она должна была испугаться, но помешал адреналин. Она ткнула в карту:

– Где-то здесь. Видишь? Они не поехали по шоссе, решили срезать через лес, но лесные дороги сейчас завалены деревьями. Туда вообще можно добраться?

– Посмотрим, – ответила Ана.

Ханна прокашлялась:

– Извини за вопрос, а тебе уже можно водить машину?

– Конечно! В самый раз! – уклончиво ответила Ана и рва-

нула вперед.

– Но у тебя... есть права? – с беспокойством переспросила акушерка, когда машину занесло.

– Ну, не совсем. Но папа научил меня водить. Он часто бывает в стельку, кто-то же должен везти его домой.

Акушерку это не успокоило. Скорее наоборот.

6

Супергерои

Маттео четырнадцать лет. В этой истории он особой роли не играет – до поры до времени. Он из тех, кто мелькает на заднем плане, один из тысяч жителей городка. Его никто не замечал, когда он ездил по Бьорнстаду в самом начале бури, – все спешили по домам, и кроме того, Маттео был не из тех, на кого обращают внимание. Если быть невидимкой – это суперспособность, то он никогда о такой не мечтал. Ему бы больше хотелось обладать нечеловеческой силой, чтобы защищать свою семью. Или влиять на события прошлого, чтобы вернуться туда и спасти старшую сестру. Но он не супергерой, он так же бессилен перед своей жизнью, как город перед лицом стихии.

Маттео был дома один, когда ветер начал хлестать деревья и в маленьком домике на границе с лесом, который снимала его семья, вырубилось электричество. Они поехали за границу, чтобы забрать домой его сестру. Вообще Маттео спокойно остается один, но без света ему неуютно, поэтому он взял велосипед и поехал кататься по улицам. Упрямый подросток внутри его не хотел просить о помощи, а испуганный ребенок надеялся, что кто-то о нем позаботится. Но ни у кого не было времени.

Навстречу ему пронесся высокий толстый мужчина в костюме. Имени его Маттео не знал, все звали его Фраком, ему принадлежал большой продуктовый магазин; Фрак был одним из самых богатых людей во всем городе. Мужчина не заметил мальчика, он спешил к флагштокам у входа в ледовый дворец, чтобы поскорее снять зеленые флаги с медведем, пока ветер не разорвал их в клочья. Это его инстинкт в случае опасности: спасти флаги, а не людей.

Маттео ехал по Бьорнстаду, глядя, как соседи помогают друг другу убрать со двора лишние вещи, заносят в дом клюшки и ворота, расставленные на всех разворотных площадках, – в это время года местная молодежь гоняет по асфальту теннисные мячи, но как только выпадет снег, каждый отец семейства заливает у себя во дворе хоккейный каток. Маттео слышал, как соседи посмеивались, что у них в Бьорнстаде «хорошие друзья, но плохие сады», – возможно, те, кто живет южнее, хвастаются идеальными газонами и ухоженными клумбами, а здесь гордятся овалами из гравия и оттаявшими по весне шайбами в цветниках. Сразу ясно, кто не терял времени зря.

Маттео часто думал о том, был бы ли он таким же странным и одиноким, живи они в другом месте. Может, он начал бы болтать с другими, завел друзей, стал бы видимым. Где ты родился и каким вырос – настоящая лотерея: что ценят в одном месте, терпеть не могут в другом. Почти во всем мире одержимость хоккеем делает тебя аутсайдером и чудаком, но

только не здесь. А здесь хоккей – как погода, все разговоры при встрече непременно касаются или того, или другого, темы бури и спорта неизбежны.

Быстро стемнело и похолодало, снег пока не выпал, но ветер вгрызался в мясо до костей, мальчик был без перчаток, пальцы онемели от холода. Он ехал вперед, не разбирая дороги, и на секунду отпустил одну руку, чтобы растереть другую, поэтому слишком поздно заметил машину. Яркий свет фар ослепил его. Маттео так резко затормозил, что велосипед вильнул вбок. Он ничего не видел и ждал удара, а не дождавшись, решил, что уже умер, но в последний момент каким-то образом перенес вес и вместе с велосипедом свалился на обочину. Он покатился по земле, оцарапал руки и закричал, но из-за ветра его никто не слышал.

Ни девушка, которая была за рулем, ни акушерка, сидевшая рядом, не заметили его в темноте. Все длилось не дольше мгновения, но, если бы бампер хоть немного коснулся мальчика, его бы с бешеной силой отбросило на деревья. Упав там без сознания во время бури, его бездыханное тело нашли бы только через несколько дней, и невидимые нити, связывающие его и будущее, оборвались бы. Но мальчик все же выполз на дорогу, весь в синяках, но живой.

Всего миллиметр отделял нас от того, чтобы никогда не узнать о Маттео, но вскоре случится такое, что мы уже никогда не забудем его имя.

Дети

Бьорнстад и Хед – старые города, а лес, который их окружает, еще старше. Говорят, мудрость приходит с возрастом, хотя для большинства из нас это не так – старея, мы лишь накапливаем отрицательный и положительный опыт. Результат – скорее цинизм, чем мудрость. В молодости мы еще не знаем обо всех превратностях жизни, и это к лучшему, потому что иначе мы бы не вышли за дверь.

И определенно не выпустили из дома тех, кого любим.

– Ты знаешь... куда ехать? – обеспокоенно спросила Ханна.

Как акушерка она хотела добраться до места как можно скорее, но как человек, который не планировал расставаться с жизнью, она хотела, чтобы Ана не мчалась так, будто угнала машину.

Девочка не ответила. На ней была папина куртка, оранжевая, вся в светоотражателях, слишком большая, с надписью на спине «ДТП с диким животным». Папа надевал ее, когда ехал на поиски зверей, сбитых на дорогах, в машине было полно снаряжения для того, чтобы пробираться по лесу в темноте, полжизни Ана бегала здесь за отцом и собаками.

Она всегда знала, что найдет дорогу с закрытыми глазами, и теперь буря решила ее проверить.

– Так ты... знаешь, куда нам надо? – снова спросила Ханна, но и на этот раз Ана не ответила.

Под ногами у акушерки болтались два теннисных мячика. Она подняла один и осторожно улыбнулась:

– А... сколько у вас собак?

Молчание. Ханна прокашлялась:

– Я про то, что в теннис у нас никто не играет, такие мячики в Хеде и Бьорнстаде могут понадобиться только тем, у кого есть собака, кто играет в хоккей на траве или для стирки пуховика...

Ана прищурившись смотрела на дорогу, она прибавила скорость.

– Что за порода? – не сдавалась акушерка.

В конце концов девочка вздохнула:

– Вы из тех, кого на нервной почве пробивает на разговоры?

– Ну да... – призналась акушерка.

– Я тоже, – сказала Ана.

Довольно долго они молчали. Акушерка прикрыла глаза и попыталась думать о чем-нибудь другом. Она старалась изо всех сил, но сердце набирало обороты, и наконец рот перестал ее слушаться:

– Мой муж мечтает о собаках! Он бредит собаками с тех пор, как мы познакомились! Если честно, я к животным от-

ношусь очень прохладно, но, может, когда-нибудь устрою ему на день рождения сюрприз – пусть купит себе пса для охоты! Я уже и с заводчиком поговорила! У хорошей охотничьей собаки должна быть кнопка «вкл/выкл», чтобы на охоте она была настоящим зверем, а дома милым песиком. Правда? Я так смеялась, когда это услышала, – хотелось бы мне, чтобы так же были устроены пожарные и юные хоккеисты...

Ана прибавила газа и, искоса посмотрев на Ханну, пробормотала:

– Для человека, который не любит собак, вы слишком много о них знаете.

– Спасибо! – взвизгнула Ханна, закрыв лицо ладонями при виде упавшего поперек дороги дерева, которое Ана успела объехать в последний момент.

– Ну и куртка у вас, для поездки в Бьорнстад лучше не придумаешь, храбрый поступок. Я-то свою надела, чтобы нас на дороге не сбили, а ваша наоборот – в самый раз для мишени.

– Что? – почти прокричала акушерка, и только потом поняла, что впопыхах надела куртку старшего сына, красную, с эмблемой «Хед-Хоккей» на груди, она схватила первую попавшуюся в прихожей и выскочила за дверь.

Тобиас из нее уже вырос, но Ханне она все равно была велика. Время идет быстро.

– Команда уродов, – пригвоздила Ана, и Ханна мгновенно вспыхнула:

– Выбирай выражения! Там играют мои дети!

– Дети не виноваты, что вы их отправили в команду уро-
дов, – невозмутимо ответила Ана.

Акушерка вытаращилась на нее. Потом неохотно улыбну-
лась:

– Любишь хоккей?

– Ненавижу. Но еще больше ненавижу Хед.

– Наша лучшая команда в этом сезоне здорово вам нава-
ляла, – сказала акушерка, обрадовавшись возможности хоть
о чем-то поговорить и отвлечься.

Ана фыркнула и на несколько секунд сбавила скорость,
пытаясь разобрать дорогу в темноте.

– Да вы бы и валенку не смогли навалить. Ваши защитни-
ки такие тормоза, что, если мы с ними начнем разбираться
в каждой зоне, на это уйдут года, – пробормотала она, глядя
вперед.

Акушерка закатила глаза:

– Прав был мой муж, таких самодовольных людей, как
в Бьорнстаде, еще поискать, вы только что чуть не обанкро-
тились, и вот уже опять самомнение до небес. Вы в прошлом
сезоне никогда бы не выиграли, если бы не этот ваш Алат.
Без него у вас ничего не выйдет...

– Алат никуда не делся, – фыркнула Ана, не спеша про-
двигаясь вперед.

– Разве его не позвали в НХЛ в Штаты? Местная газе-
та всю весну об этом трезвонила. Какая в Бьорнстаде кру-

тая молодежная команда, вырастили таланты, за Бьорнстадом будущее, а Хед уже в прошлом...

Акушерка слышала в своем голосе ту же горечь, с какой говорил об этом ее муж, и сама себе удивилась, но такова жизнь в Хеде: все принимаешь на свой счет. Каждый успех Бьорнстада – провал Хеда.

– Амаат никуда не уехал. Он снова дома. Просто получил травму, по-моему... – начала было Ана, но запнулась на полуслове, увидев то, что искала, – узкий проход между деревьями, явно недостаточный для машины.

– Для человека, который не любит хоккей, ты слишком много о нем знаешь, – улыбнулась акушерка.

Ана остановила машину, прикинула расстояние, сделала глубокий вдох и сказала:

– Все равно мы вас сделаем – с Амаатом или без. Знаете почему?

– Почему?

Прикусив губу, Ана отпустила сцепление.

– Да потому что вы команда уродов! Держись!

Ана рванула с места, чтобы не увязнуть в канаве, и проскочила между деревьями – проход оказался в самый раз, хотя лакированные бока с лязгом проскрежетали о стволы. У акушерки перехватило дыхание, она вмиг лишилась дара речи, машина запрыгала по кочкам, так что Ханна ударилась лбом о стекло, и еще, и еще, – казалось, прошли часы, прежде чем Ана вдруг резко затормозила. Опустив стекло,

она высунулась в окно и сдала пару метров назад на прогалину, более безопасное место в случае падения дерева.

– Приехали! – сказала она, кивнув на карту в руках акушерки, а затем на окно.

В темноте Ханна не различала собственных рук, и Ана положила ее ладонь на свою куртку, и последний отрезок пути вела ее через лес, съезжившись на ветру. Каким-то образом она понимала, куда идти, шла, словно собака, взявшая след, и вдруг они оказались возле машины, откуда слышались крики женщины, а следом гаркнул мужчина:

– ДОРОГАЯ, ЕДУТ! ЭТО СКОРАЯ!

Поняв, что это не скорая, мужчина пришел в ярость – страх мало кого делает героем, зато многим помогает раскрыться с худшей стороны. У акушерки сразу сложилось впечатление, что он раздражен не их транспортным средством, а всего лишь тем, что врач не мужчина.

– Вы точно понимаете, что происходит? – поинтересовался он, когда Ханна залезла на заднее сиденье и стала что-то шептать женщине.

– Вы кто по профессии? – спокойно спросила в ответ акушерка.

– Маляр, – выкашлял тот.

– Тогда давайте так: я решаю, как ваша жена будет рожать, а вы – как шпаклевать стену, – сказала она, осторожно вытесняя его из машины.

Ана забралась на переднее сиденье и лихорадочно осмот-

релась вокруг.

- Чем помочь?
- Поговори с ней.
- О чем?
- О чем угодно.

Ана растерянно кивнула, посмотрела через спинку сиденья на женщину и сказала:

– Привет!

Между схватками женщине удалось улыбнуться.

– Привет... привет... ты тоже акушерка?

Мужчина перебил ее:

– Дорогая, ты шутишь? Да ей лет двенадцать!

– Иди покрась что-нибудь, идиот! – прошипела Ана, и акушерка захохотала в голос.

Мужчина так оскорбился, что, выйдя из машины, попытался хлопнуть дверцей, но ветер помешал этому театральному жесту. Снаружи едва удавалось стоять прямо, зато было легче убедить себя, что слезы надуло ветром, а страх ни при чем.

– Как тебя зовут? – спросила роженица.

– Ана.

– Спасибо... Спасибо, что вы приехали, Ана. Простите моего мужа, он...

– Он просто зол, потому что любит вас, думает, что вы с ребенком умрете, а он не сможет помочь, – пробурчала Ана.

Акушерка бросила на нее недовольный взгляд, и Ана про-

бормотала в свою защиту:

– Вы же сами сказали, чтобы я с ней говорила!

Роженица на заднем сиденье устало улыбнулась.

– Для своего возраста ты слишком хорошо знаешь мужчин.

– Да они просто думают, что все время должны нас защищать. Пошли они со своей сраной защитой.

Акушерка и роженица захохотали хором.

– У тебя есть парень?

– Нет. Хотя да. Но он умер!

Роженица уставилась на нее. Кашлянув, Ана добавила:

– Но вы не умрете!

Тогда акушерка доброжелательно, но настойчиво сказала, что минутка тишины не помешает. Женщина закричала, мужчина запрыгнул машину, взял ее за руку и тоже закричал, потому что она чуть не сломала ему пальцы.

* * *

Всю ночь Йонни просидел на кухне у окна – самое невыносимое место на свете для пожарного. Четверо детей спали на матрасах на полу у его ног. Младший, Тюре, в обнимку со старшей, Тесс. Двое средних, Тобиас и Тед, улеглись по отдельности подальше от них, но постепенно подползли вплотную к брату и сестре. В кризисной ситуации мы даже во сне инстинктивно стараемся быть ближе к тому, что действи-

тельно важно: родное дыхание, пульс, с которым можно сверяться. Иногда папа поочередно клал руку им на спину, чтобы убедиться, что они дышат. У него не было разумных оснований полагать, что они перестали дышать, но разве на разумных основаниях становятся родителями? Когда они ждали первого ребенка, ему все время твердили: «Не волнуйся». До чего бессмысленное напутствие. Когда ты слышишь первый крик своего ребенка, любовь стремительно увеличивается в объеме, взрывая грудь, все чувства, которые ты когда-либо испытывал, выкручиваются на полную мощность, дети открывают тебе дверцу и в ад, и в рай. Ты никогда не был так счастлив и так напуган. Никогда не говори: «Не волнуйся». Нельзя любить и не волноваться – за все и всегда. Боль в груди, настоящая физическая боль заставляла Йонни согнуться и сделать вдох. Кости трещали, тело болело – любви всегда слишком тесно. Где он был раньше, как мог завести четверых детей? Надо было головой думать, но все говорили «не волнуйся», а он внушаемый идиот. Вот и хорошо. Мы обманываем себя, думаем, будто можем защитить тех, кого любим, ведь если бы мы могли принять правду, мы бы никогда не выпустили их из дому.

Йонни простоял у окна всю ночь, и впервые почувствовал, что чувствовала его жена каждую секунду, пока его не было рядом, каждую ночь, с тех пор как они полюбили друг друга: «Что мне делать, если ты не вернешься?»

Ханна сразу поняла: что-то не так. Это подсказывало чутье, результат долгой практики и опыта, но спустя столько лет у нее выработалось и нечто еще, что можно было бы назвать сверхъестественными способностями, не будь она врачом. Достаточно было малейших признаков – небольшого изменения оттенка кожи, чуть замедленного дыхания слабой младенческой груди. Она знала, когда оно случится, прежде, чем оно случалось. По идее рождение ребенка – вещь невозможная, море так велико, а наше суденышко совсем хрупкое, у нас просто нет шансов.

Даже Ане было страшно. В метре от них за машиной упало дерево, и в салоне раздался грохот, как будто выстрелили из пистолета; падая, дерево зацепило ветвями кузов с таким скрежетом, что в голове у Аны еще долго гудело. Земля дрожала, и, когда налетали новые порывы ветра, всякий раз казалось, что на этот раз дерево упадет на них; что-то с грохотом приземлилось на лобовое стекло, которое чудом не треснуло, – наверное, камень или толстая ветка, но удар был такой силы, будто машина на скорости сто километров в час столкнулась с лосем.

Несмотря на хаос и шум за окном голос акушерки звучал тепло и спокойно, обещая, что все будет хорошо. Теперь мужчина с побелевшим лицом сидел на переднем сиденье

рядом с Аной. Послышался первый крик ребенка, и земля перестала вращаться. Акушерка привычно улыбнулась маме и папе и, только когда она искоса посмотрела в сторону Аны, та поняла: что-то не так. Акушерка наклонилась поближе и прошептала:

– Сможешь подогнать машину поближе?

– Смогу! – пообещала Ана.

– Что происходит? Почему вы шепчетесь? – в панике заорал мужчина, схватив акушерку за руку с такой силой, что она вскрикнула, и тут Ана машинально ударила его по лицу.

Он повалился на боковое стекло. Акушерка перевела взгляд с него на Ану. Девочка смущенно моргнула.

– Сорри. Не рассчитала. Пойду за машиной.

Мужчина скорчился от боли и сполз на пол, из губы текла кровь. Голос акушерки по-прежнему был мягким, но слова прозвучали твердо:

– Твоей жене и ребенку нужно в больницу. Срочно. Ты явно нас туда не доставишь. У этой девчонки не все дома, но больше нам рассчитывать не на кого. Ты меня понял?

Мужчина с несчастным видом кивнул:

– Скажите, а... наш ребенок, он...

– Нам надо в больницу, – прошептала акушерка и увидела по глазам, что его сердце на мгновение остановилось.

Анна мчалась, раскинув руки в стороны, чтобы кончики растопыренных пальцев запомнили дорогу. Она задом пригнала отцовский пикап между деревьями ближе к месту.

Акушерка вместе с новоиспеченным отцом очень осторожно перенесли маму с младенцем к другой машине. Ана наугад повела машину в полнейшей мгле, видя только на пару метров перед собой, но этого было достаточно. Они не заметили, как позади них в темноте огромное дерево, покачнувшись, накренилось и со страшной силой рухнуло на машину, из которой они только что вышли. Ну и хорошо. Не всегда нужно знать, что ты был на волосок от смерти.

Мама на заднем сиденье, обессиленная и перепуганная, пыталась что-то прошептать, акушерка нагнулась поближе, чтобы услышать.

– Она говорит, ей очень жаль, что так получилось с твоим парнем, – сказала акушерка, тихонько положив руку Ане на плечо.

Мужчина с окровавленным воротом покраснел от стыда.

– Что... случилось с твоим парнем?

– Ну, он умер типа два года тому назад, так что все в порядке. Я его любила, но иногда он меня нереально доставал! – выпалила Ана.

Она резко взяла в сторону и проскочила между деревьями, так что на несколько секунд всем показалось, будто машина оторвалась от земли, за окном промелькнул черный космос, но вдруг Ана вырулила на обычную дорогу.

– КАК ЕГО ЗВАЛИ?! ТВОЕГО ПАРНЯ?! – выкрикнул мужчина, просто чтобы не молчать.

– ВИДАР! – проорала в ответ Ана и втопила педаль в пол

так, что все похватались за двери, поэтому момент для следующей реплики оказался не самый подходящий:

– ОН ПОГИБ В АВТОКАТАСТРОФЕ!

Охотники

– ОСТОРОЖНО!!! ЧЕРТ ПОДЕРИ...

Машина резко затормозила, покрышки прочертили черным асфальт, водитель опустил стекло и отчаянно посигналил. Но девушка продолжала переходить дорогу как ни в чем не бывало. Столичный вечер, почти безветренный, никто не знает о бурях в лесах на севере Швеции. И Мая Андерсон тоже. Хочешь понять Бьорнстад? Тогда пойми Маю, которая оставила этот город.

Водитель снова посигналил, на этот раз скорее в отчаянии, чем в ярости, – Мая сначала не поняла, что это относится к ней. Она перешла дорогу на красный свет и заторопилась вверх по противоположной стороне улицы, привычно петляя между многоэтажками и дорожными работами. Всего лишь за два года она превратилась в нового человека. Жительницу большого города.

Водитель что-то прокричал ей, она не разобрала слов, но повернулась и увидела первые буквы регистрационного номера.

УЗМ.

Кажется, прошел целый век с тех пор, как Мая в последний раз вспоминала эти буквы, – так сильно она изменилась. Водитель психанул и уехал, а она только несколько секунд спустя поняла, что задумавшись стоит посреди тротуара и прохожим приходится ее обходить. И что на нее нашло, ведь весь вечер было прекрасное настроение и даже чувство, что ей как будто... легче. Она шла на встречу с одноклассниками из музыкальной школы, слегка опьяненная приятными ожиданиями, – только-только научившись не грызть себя за них. В последние месяцы Мая то и дело повторяла себе, что имеет право радоваться и получать удовольствие. Через несколько часов она возненавидит себя за это. Ей всегда хотелось узнать, куда ее сможет привести музыкальная одаренность, и вот вам ответ: пока она шла на вечеринку, Бьорнстад чуть не разрушила буря.

В телефоне был один пропущенный звонок – от Аны. Ничего, можно перезвонить позже: когда они так далеко друг от друга, перезванивать сразу не обязательно. Они больше не вместе.

Мая двинулась дальше, ускорив шаг, – когда она только переехала сюда, то никак не могла взять в толк, почему все так быстро ходят, а возвращаясь в Бьорнстад, натыкалась на прохожих, потому что там все движутся как в замедленной съемке. Про мужчину за рулем она уже не помнила, такова жизнь в большом городе – забываешь того, кого видел секунду назад, иначе в голове не хватит места для других впечат-

лений: ничто ничего не значит.

В ее родных лесах на севере Швеции сейчас бушует буря, а Мая идет по улице в тонком пальто нараспашку, пребывая в блаженном неведении о том, что ветер рушит дома и сбивает людей с ног. По сообщениям одноклассников с вечеринки, стало понятно, что все уже навеселе. Мая засмеялась, эта мысль всякий раз поражала ее с новой силой: меньше чем за два учебных года все в ее жизни поменялось местами. Последний раз, уезжая из Бьорнстада, она нечаянно сказала, что едет домой. И заметила, как это задело папу и добавило новый нюанс повисшему между ними молчанию. Он не был готов ее отпускать, родители никогда не готовы, но выбора у них нет.

Все думали, будто Мая переехала, потому что хочет быть взрослой, – на самом деле наоборот. Сколько всего отнял у нее Кевин, она даже объяснить не могла, для него это изнасилование длилось не дольше нескольких минут, а для нее не кончалось никогда. Он отнял у нее светлое летнее утро, хрустящий осенний воздух, снег под ногами, смех до боли в груди, все понятное и простое. Большинство людей не могут точно назвать момент, когда для них кончилось детство, а Мая может – Кевин забрал ее детство, и, уехав из Бьорнстада, Мая выцарапала, вырвала и вернула себе кусочек этого детства. Она снова научилась быть наивной, потому что еще не хотела взрослеть, не хотела жить без иллюзий. Не хотела знать о том, что наступит день, когда она не сможет за-

щитить своих детей. Что все девочки могут стать жертвами, а все мальчики – насильниками.

Ей казалось, что только мама ее понимает. «Я так зла на тебя, что ты от меня уезжаешь, но, если останешься, буду злиться еще сильнее, – прошептала Мира ей на ухо утром перед отъездом. – Обещай, что будешь осторожна, всегда, хотя... иногда все же не стоит. Не взрослей, не все сразу, побудь еще глупой и безответственной. Но знай меру!» Мая хотала, плакала и обнимала сначала маму, потом папу, который не отпускал ее до тех пор, пока поезд не тронулся с места. Мая запрыгнула в вагон, в окна замелькал лес, и Бьорнстад перестал быть ее домом.

Она быстро привыкла к толпе, потоку машин, свободе и анонимности. Это было ответом на все вопросы. «Когда тебя никто не знает, ты можешь стать тем, кем хочешь», – сказала она Ане по телефону первой весной в Стокгольме. «Да мне плевать, люблю-то я тебя теперешнюю. Или ты уже другой человек?» – прошипела Ана. Так себе комплимент от девочки, которая, впервые увидев Маю, попыталась поддеть ее и сказала: «Это *ты* пришла первой из миллионов сперматозоидов? Ну надо же!!!» Ана никогда не уедет из леса, корни у нее глубже, чем у деревьев, – Мае это кажется непостижимым и достойным зависти. Она, по правде говоря, уже сама не знает, где ее «дом»: она даже думать о нем стала в кавычках. Мая пыталась объяснить Ане, что наконец чувствует себя скорее бродягой, но Ана ее не понимала: бродяге в Бьорн-

стаде не пережить зимы – если не найдешь себе дом, замерзнешь еще до рассвета. В конце концов Мая сказала: «Здесь я – это мои поступки. В Бьорнстаде я – то, что со мной случилось». Ана поняла.

Пришло еще одно сообщение с вечеринки. Мая перешла улицу, чтобы срезать дорогу через парк, думая о том, как быстрее, а не как безопаснее. Да, здорово она изменилась.

УЗМ.

Мая прошла почти половину парка по узкой гравийной дорожке, когда в памяти вспыхнули буквы регистрационного номера. Воспоминания, распахивая друг друга, ринулись к ее чувствам, она подумала про Ану, и к горлу подступили слезы и смех. Словно она не вспоминала ее целую вечность, но ведь они говорили по телефону на днях? Или на прошлой неделе?

Расстояние между фонарями увеличилось, дорожный шум и голоса стали слабее, Мая машинально замедлила шаг. Она забыла оглянуться и не заметила, что мужчина позади нее тоже пошел медленнее. Мая прибавила скорости и услышала, что его шаги тоже стали быстрее.

Казалось бы, чем дальше не видишь Ану, тем меньше должна по ней скучать, но получалось наоборот. Мая отчетливо вспомнила лицо Аны, когда та прокричала: «Ты же знаешь! Убей... Закопай... Молчи? У, Зе, эМ!

«Что?» – спросила Мая, и Ана, всегда поражавшаяся тому, как плохо Мая знает этот мир, фыркнула: «Ты серьезно никогда этого не слышала? Ваш Торонто вроде бы расположен на планете Земля?! Мне иногда кажется, что тебя собрали в лаборатории: снаружи ничего так, а внутри проводку забыли включить!» – Ана ухмыльнулась и постучала Мае по голове.

Мая и чувствовала себя инопланетянкой. Первый год в Бьорнстаде она провела в отчаянии и страхе перед людьми и природой, перед незнакомым городом, в сердце которого было горе, а в воздухе всегда висело насилие. Мая не понимала, как можно добровольно поселиться на этом клочке земли, где горстку домиков обступили мгла, холод и деревья, деревья, деревья – куда ни взгляни. Узкая лесная дорога, по которой ты сюда приехал, продолжалась, уходя в мир, не имеющий горизонта, такой далекий и глубокий, что казалось, она в конце концов ухнет вниз и исчезнет в бездне. Мая была еще маленькая и знала из сказок, что в таких глухих местах живут только ведьмы. Она думала, что никогда не привыкнет, но дети привыкают почти ко всему.

За годы проведенного здесь детства и отрочества Мая не успела заметить, как Бьорнстад изменил ее. Она не знала, что говорит на диалекте, пока не переехала в большой город. Там, в лесах, Ана дразнила ее за то, что она неправильно произносит гласные, а здесь одноклассники по музыкальной школе подшучивали над тем, что она не спрягает глаголы.

Она смеялась вместе с ними, хотя они изображали бюрн-стадский говор с погрешностью в пятьсот километров.

Мая научилась петь так, как хотели учителя, отшлифовала свой голос так, что он звучал как чужой. Большинство ее одноклассников с детства ходили в музыкальные школы и брали частные уроки вокала, они владели всеми секретными кодами, понимали, чего от них ждут взрослые. Мае удалось проникнуть сюда только благодаря таланту. В первые месяцы она часто плакала по ночам, сначала от неуверенности, потом от злости. Всем остальным детям для поступления в школу достаточно было иметь богатых родителей и петь более-менее прилично, а от Майи требовалось быть лучшей. Самой лучшей.

Когда в первом семестре учитель, говоря о музыкальной индустрии, призвал их не забывать, что они «живут в маленькой стране», Мая подумала, что он видел только нижнюю треть всей карты. И онемела, поняв, что одноклассники, живя на южном краешке страны, полагают, будто находятся в самом ее центре. Мая вспомнила отца Аны – время от времени он натыкался в лесу на туристов с юга, которые спрашивали, сколько километров нужно пройти, прежде чем встретишь людское жилье, и, вернувшись домой, бормотал: «Думают, будто страна принадлежит им, а сами не знают, что семьдесят процентов Швеции – это лес. Да у нас всей населенной территории – только три процента! Три!!!» Однажды он просто взревел: «У нас всей возделанной зем-

ли меньше, чем топей! Но они небось и не знают, что такое топи!» И Ане пришлось шепотом объяснить Мае, что это такое, чтобы та могла покивать в знак согласия. Теперь ее окружали люди, понятия не имевшие ни о каких топях. Со временем она поняла, что настоящая деревенщина – это ее одноклассники в своих дорогих шмотках и с искусственными улыбочками, а совсем не она. И перестала плакать по ночам. Перестала ждать, когда место освободится, и просто занимала его первой, перестала подражать чужим голосам и запела собственным. Все изменилось.

Прошлой зимой она нашла среди многоэтажек и дорог маленький искусственный каток и на следующий день позвала туда одноклассников. Как же она удивилась, когда обнаружила, что многие из них не умеют стоять на коньках. В Бьорнстаде на коньках катались все дети; может, кто-то не умел ездить на велосипеде, но как можно не стоять на коньках? Осенью ее новые подружки жаловались на холод и депрессию от недостатка света, а Мае было стыдно себе признать, что она презирает этих слабачек. Депрессия от недостатка света в городе, где всегда и везде горят фонари и лампы? Холод? Да разве это холод!

Мая помнила, как у нее остановилось дыхание, когда она в свои шесть лет ехала на коньках по озеру и провалилась под лед. Вот это холод. Они тогда только переехали в Бьорнстад, и никто не знал, что она пошла на озеро; ей бы без сомнений пришел конец, если бы чья-то рука не схватила ее и не вы-

тащила из воды. Ана, такая тощая, будто дома ее не кормят, но уже тогда невероятно сильная, сидела перед ней на льду и недоуменно таращила на нее глаза. Мая что, не видела, как поменялся цвет льда? Разве это не ясно? Ана решила, что Мая полная дура, а Мая решила, что Ана просто debilка, и они сразу стали лучшими друзьями. Ана учила Маю стрелять из ружья, а папа Аны шутил, что эти двое – «самая маленькая, но самая опасная команда охотников в наших краях». Иногда Мае удавалось вообразить, будто Бьорнстад стал ее домом. Правда, ненадолго.

Однажды Мая ночевала у Аны – обычно бывало наоборот, но в тот раз они решили провести ночь в лесу, а погода испортилась, и они пошли спать туда, куда ближе. Поздно вечером они слышали, как Анин отец разговаривает по телефону. Кто-то видел волка. Папа спросил: «Вы же не заявили?»

Мая не поняла, что это значит, и Ана шепотом объяснила: «О волке надо сообщать местным властям, если сообщишь, значит, волк существует, понимаешь?» Мая все равно не понимала, и тогда Ана вздохнула: «Если волк существует, значит, власти его недосчитаются, когда он исчезнет. А если его нет, то он и исчезнуть не может. Ну... УЗМ».

За отцом приехал какой-то мужчина, на переднем сиденье в его машине лежало ружье, а в прицепе были лопаты. Когда они на рассвете вернулись домой, на подошвах у них была земля с кровью. Убей, закопай, молчи. Мая запомнила.

Несколько часов спустя за ней приехала Мира, и Мая сделала вид, что все в порядке, и только позднее она поняла, что мама тоже сделала вид. Она, как и все в Бьорнстаде, прекрасно знала, что стало с волком. Интересно, вспоминает ли мама ту историю, думает ли, насколько тогдашнее молчание сродни тому, которому Бьорнстад учит своих детей?

Единственной, кто не молчал, была Рамона. Мая совсем забыла тот случай – бывает, мозг архивирует какое-нибудь воспоминание, а потом оно вдруг всплывает в нужный момент в другом конце страны. Через несколько дней после того, как Мая узнала, что значит УЗМ, они с Аной поехали в бар «Шкура» забрать у Аниного папы ключи от машины: иногда он напивался до такой степени, что готов был продать ее за две кружки пива, и Рамона охотно шла на такую сделку, ведь в таком виде лучше идти домой на своих двоих, чем садиться за руль. Ана как на грех забыла в машине школьный рюкзак, а на следующий день был нужен учебник по математике, так что хочешь не хочешь пришлось тащиться в бар. Знай об этом родители Май, их бы удар хватил, там ведь толпа мужиков в черных куртках, которые в дни хоккейных матчей дерутся с болельщиками из Хеда, а в обычные дни – друг с другом. Рамона протянула ключи через стойку и сказала Ане, чтобы не забыла прихватить ружье, которое ее папаня, как обычно, забыл в машине. Ана кивнула. Перегнувшись через стойку, Рамона посмотрела на Маю. Та не осмелилась поднять взгляд: больно старуха походила на ведьму.

«Знаю, вы видели лопаты. Эти придурки могли бы спрятать их подальше. Но рано или поздно сами поймете, что с диким зверем по-другому нельзя. Где-то, наверное, можно, но не у нас», – хрипло сказала Рамона и угостила их шоколадным печеньем. Кашляла она так, что с трудом могла курить. Но все равно курила.

Вслед за этим перед баром разразилась страшная драка с участием двух мужчин и шестнадцати кружек пива, и Рамона, выругавшись, замахнулась метлой, а Мая поспешила из бара, потянув за собой Ану. Ану драка совсем не смутила, гораздо больше ее огорчило, что впопыхах из рук выпало печенье. Очень уж отличались друг от друга родители Аны и Май, так что у каждой были свои представления о том, чего ждать от взрослых. Мая училась всему медленнее, чем Ана, но училась.

Убей. Закопай.

Рамона ошибалась, думала Мая. Это правило касается не диких зверей, а проблем. Когда много лет спустя она убежит из комнаты Кевина, в Бьорнстаде начнется охота не на хищника, а на нее. Для всех было проще, если бы уехала она, а не Кевин. Она была проблемой.

Молчи.

Мая замедлила шаг. В тишине парка было отчетливо слышно, как гравий хрустит под ногами. Она искоса посмотрела через плечо. Нет, ей не показалось, мужчина шел следом. Черт. Она почувствовала себя такой дурой, что на секунду даже перестала бояться. Как можно забыться до такой степени, чтобы не заметить опасности? «Соберись, Мая! Думай!» – прошептала она себе. И продолжала идти вперед, ныряя в круги фонарного света и выныривая из них, пока один из фонарей не погас и ее не поглотила тьма. «Как я могла? Зачем я пошла через парк? О чем я думала? После всего, что было!» – мысленно кричала Мая. До чего же она изменилась, как быстро научилась снова быть наивной. Божьим зрением она увидела, что мужчина уже рядом, совсем близко, на нем черная куртка и шапка.

Черт. Черт. Черт.

Мая успела подумать о маме. О том, как хочется домой.

9

Мамы

Дом.”

Для него должны существовать разные слова: одно для места и одно для людей в нем, потому что спустя какое-то время твои отношения с родным городом все больше напоминают брак, в котором супруги связаны общими историями, тайнами, шутками, понятными только им, и особенным смехом, предназначенным только тебе. Роман с городом и роман с человеком – явления одного порядка. Поначалу мы хихикая выбегаем из-за угла и исследуем каждый сантиметр любимого тела, а с годами узнаем наизусть каждый камушек мостовой, каждый волосок и каждое всхрапывание; так волны времени вытаскивают из страсти преданную любовь, и в конце концов глаза, которые, просыпаясь, ты видишь по утрам, и горизонт за окном обретают одно и то же название: «дом».

Для него в языке должны существовать разные слова: одно для того, кто помогает пережить самые мрачные дни твоей жизни, второе – для того, кто не отпускает. Потому что иногда мы остаемся в городах и отношениях потому, что без них лишаемся своих историй. Слишком много у нас общего. Мы думаем, что никто другой нас не поймет.

Когда в Хеде всерьез разыгралась буря, Мира Андерсон осталась в офисе одна. Всех сотрудников она отправила домой, как только по радио сообщили о первых деревьях, упавших на дороги. Даже лучшая подруга, коллега и совладелица фирмы, под конец уступила. Хотя сначала отказывалась наотрез, говоря о «слабаках с радио, которым плохее, чуть только ветер подует сильнее», но, когда Мира сказала, что во время бури люди запасаются предметами первой необходимости и вино в магазинах наверняка заканчивается, коллега в панике сорвалась и уехала.

Петер, муж Миры, разумеется, тоже хотел остаться, но Мира настояла на том, чтобы он ехал домой: Лео не должен оставаться один. Впрочем, какая разница, подросток все равно будет сидеть за компьютером, спрятавшись в наушниках, и пусть за окном начнется хоть вторжение инопланетян, он этого не заметит, пока не вырубят электричество. Мира и Петер живут в одном доме с Лео, но почти не видят его – сыну уже четырнадцать, а в этом возрасте ребенок перестает быть ребенком и становится квартирантом.

Петер сдался без уговоров, Мира увидела в его глазах то ли разочарование, то ли облегчение. Два года назад он уволился с должности спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея» и поступил на работу к Мире, покончил со спортом и

стал просто мужем дома и подчиненным на работе. Иногда они забывали про эту разницу. Мира спрашивала Петера, как ему такой расклад, а он, улыбаясь, говорил, что все хорошо. Но Мира видела, что он несчастен. И ужасно злилась на себя за то, что злится на него.

Она пообещала мужу, что доделает дела и приедет домой, но, после того как за ним закрылась дверь, даже не включила компьютер. За окном природа рвала себя в клочья, а по другую сторону стекла Мира гладила кончиками пальцев фотографию в рамке, на которой были изображены ее дети.

Она недавно призналась психологу: она плохая мать и это не дает ей покоя. Не то чтобы она чувствовала себя плохой, нет, она правда плохая. Могла просто работать, но выбрала карьеру. Работает человек ради семьи, а карьеру делает для себя. Она расходует свое время эгоистично. Могла бы жить для семьи, но ей этого мало.

– Мы говорили о вашей чрезмерной потребности все контролировать...

– Она не чрезмерная!

Мира ходила к психологу всего пару месяцев. Об этом никто не знал – подумаешь, всего лишь несколько панических атак. Платила Мира наличными, чтобы Петер нечаянно не нашел в почте счета и не подумал, будто у нее есть проблемы. Никаких проблем у нее нет.

– Хорошо. У вас двое взрослых детей. Лео, если не ошибаюсь, четырнадцать. Мае восемнадцать. Она ведь, наверное,

уже съехала от вас и живет отдельно? – спросил психолог.

– Она не съехала! Она учится в музыкальной школе и живет в общежитии, а это совсем другое! – прошипела Мира. К горлу подступали слезы, ей хотелось закричать, что у нее не двое детей, а трое: Исак, Мая, Лео. Один на небесах, а двое никогда не подходят к телефону. Вместо этого она пробормотала:

– Мы не могли бы поговорить о причине, по которой я к вам пришла?

– Панические атаки? Полагаю, это связано с тем, что вы...

– Что – я?! Мама? Я же не могу перестать быть мамой только потому, что руковожу предприятием?

Психолог улыбнулся:

– Как вы думаете, ваши дети сказали бы, что вы их слишком опекаете?

Мира молчала, мрачно глядя перед собой. Ей хотелось закричать: «Вы хоть знаете, что самое худшее для гиперопекающей матери? А? Да то, что иногда она оказывается права!» Но она промолчала, потому что не рассказывала психологу ни про Исака, ни про Маю. Мире не хотелось об этом говорить, ей нужно было только справиться с паническими атаками – получить таблетки или что еще для этого нужно. Даже у психолога она старалась не ударить в грязь лицом, быть эффективной, успешной.

Но он был прав. На всех фотографиях, стоявших на письменном столе в ее кабинете, дети были маленькие, это помо-

гало забыть о том, что они выросли. Лео уже подросток. Мая уже почти не подросток. Два года назад она уехала в столичный город, чтобы поступить в музыкальную школу, о которой так мечтала. Два года, это так же невероятно, как то, что Мира и сама стала говорить «столичный город». Когда они с Петером и детьми только переехали в Бьорнстад, она всегда презрительно фыркала, слыша это деревенское выражение. Теперь Мира стала одной из них. Лесным человеком. Она теперь тоже считает, что на юге даже лоси не те, что у нас, и почти всерьез говорит, что столичный город – это неплохо, жаль только, находится он у черта на рогах.

– Все подростки считают, что матери их излишне опекают. Даже если меня посадят в тюрьму, им будет казаться, что мы видимся слишком часто, – наконец пробубнила он себе под нос.

Психолог сцепил руки на колене, потому что знал: стоит только потянуться за ручкой, Мира немедленно спросит, что он собирается записать. Вовсе не потому, что у нее чрезмерная потребность все контролировать, нет.

– Вы говорите прямо как моя мать, – мягко заметил он.

Мира взмахнула ресницами:

– Да потому что вы не понимаете. Мы ваши мамы. Мы первыми вас полюбили. Сейчас вас любят остальные, но первыми были мы.

– Разве это не делает вас хорошей матерью?

– Это делает меня матерью.

Психолог хрюкнул:

– Да, конечно, вы правы. Мне почти шестьдесят, и моя мама до сих пор беспокоится, что я плохо ем.

Мира подняла подбородок, но понизила голос:

– Мы ваши мамы. Нас остановить невозможно.

Психолог мысленно лез на стенку, оттого что не может это записать.

– А что ваш муж? Петер? Вы так долго жертвовали собой ради его карьеры, а теперь он ненадолго отказался от своей ради вас. Вас по-прежнему мучает совесть?

Мира со свистом втянула носом воздух.

– Не понимаю, почему вы об этом вспомнили? Я же вам говорила, да... да... да, меня мучает совесть! Потому что я не знаю, как сделать его счастливым. Пока Петер работал в хоккее, он в этом не нуждался, я вела хозяйство и приспособливала свою жизнь так, чтобы он мог заниматься карьерой, но мне никогда не нужно было делать его счастливым. Это делал хоккей. А я не знаю, смогу ли.

Психолог, как и положено, задал психологический вопрос:

– Скажите, сделать его счастливым – ваш долг?

Голос Миры слегка дрогнул, но ответ прозвучал твердо:

– Он мой муж. Меня остановить невозможно.

Мира действительно так считала, и с годами это не менялось. Она осталась в офисе одна. У нее по-прежнему было

время уехать, но она сидела и смотрела на надвигавшуюся бурю и совсем не боялась, а зря.

Все, что вам нужно знать про Ану, вы узнаете по тому, как она ведет машину. Сейчас она вела ее так, словно одна будет виновата, если у них не получится, если она не сможет всех осчастливить, если что-то пойдет не так. Что бы то ни было. Акушерка все видела и по себе знала, каково это, она потянулась к девочке, дотронулась до ее плеча, откинула прядь волос, закрывавшую Ане глаза. Ана этого не заметила, она смотрела перед собой, вцепившись в руль побелевшими пальцами, давила на педали, пока машина мчалась через лес. Потом, когда все закончилось, никто не мог вспомнить, как они выехали из леса, – машина вдруг вырулила на дорогу, и вскоре впереди показались фонари у входа в больницу.

Ана затормозила, а дальше все произошло очень быстро: со всех сторон прибежали врачи и медсестры, распахнулись все дверцы, снаружи грохотал ветер, люди кричали, перебивая друг друга, а Ана сидела посреди этой суматохи и чувствовала себя такой лишней, что не смела пошевелиться. Ханна, папа, мама, ребенок исчезли вместе с потоком людей, захлопнувших за собой дверцы, и внезапно стало тихо. Невыносимо тихо.

Ана взяла телефон и позвонила Мае. Ей хотелось рассказать кому-нибудь о том, что случилось, но с чего начать? А ни с чего. Мая не взяла трубку. Ана убрала телефон в карман

дверцы и легла на руль.

Час спустя, когда состояние мамы и ребенка стабилизировалось, Ханна посмотрела в окно и увидела, что машина Аны до сих пор на парковке. Она вышла из больницы: девочка сидела, уткнувшись лбом в руль. Акушерка запрыгнула в машину и со всей силы хлопнула дверцей, чтобы ветер не сорвал ее с петель и не закружил по улице, словно перчатку. Машина покачнулась, пошел дождь. Они долго сидели молча, слушая, как капли барабанят по крыше. Ханна сказала:

– Ты невероятная молодец, Ана.

Ана подняла отяжелевшие веки:

– Как ребенок?

– Все будет хорошо. Благодаря тебе. Как ты?

– Все в порядке. Просто... когда он только родился и впервые закричал там, в машине, даже не знаю, как это сказать... меня типа накрыло! Понимаете, о чем я? Только не подумайте, что я под кайфом! Вы меня понимаете? Или не понимаете?

– Думаю, понимаю.

– Это каждый раз так бывает?

– Нет.

– Потому что вы привыкли?

Кожа вокруг губ акушерки пошла скорее тонкими шрамами облегчения, чем морщинками смеха, когда она ответила:

– Потому что не всем и не всегда это удастся. Надо радоваться, что все кончилось хорошо, – всякий раз, когда выпа-

дает шанс.

Молчание мертвым грузом повисло в салоне.

– Мне пора к папе.

– Твоя мама дома?

– Мама с нами не живет, – отрезала Ана, и Ханна не стала расспрашивать.

Никакой мамы нет. Есть женщина, которая ее родила, сейчас она где-то далеко и у нее новая жизнь, а мамы больше нет. Акушерка тихонько погладила Ану по щеке, шлюзы открылись, и она почувствовала, как по ладони текут слезы.

– Вы обещаете, что с ребенком все будет хорошо?

– Обещаю.

– Зря я врзала этому проклятому маляру. И не надо было так гнать. И я...

Акушерка цыкнула на нее:

– Сегодня ночью ты спасла жизнь, Ана. Я тебе прямо скажу, ты, конечно, та еще дурочка. Если бы не буря, я бы тебе и швейной машинкой не доверила управлять. Но ты просто невероятно храбрая. Ты из тех, кто бросается в огонь. Поверь мне, уж я-то вас знаю.

Ана попыталась кивнуть, будто поверила.

Дома папа, как ни в чем не бывало, спал в кресле, зажав в руке пустую бутылку, – он и не заметил, что земля за окном перевернулась. Ана помыла посуду и проверила батарейки в карманных фонариках, потом легла на пол поближе к камину, забравшись под одеяло, и собаки улеглись рядом. А те-

лефон, забытый в машине, все звонил и звонил.

На следующий день Ана никому ничего не сказала, даже Мае.

* * *

Женщина лежала на больничной кровати. Никто не сказал ей, каково это – быть мамой. К счастью. Теперь страх останется с ней навсегда.

– Видар – хорошее имя, – прошептала она.

– Потрясающее, – всхлипнул папа.

Так они и решили. Хорошее имя для мальчика, рожденного в лесу между двумя враждующими городами во время самой свирепой бури, случившейся на нашем веку. Сын ветра, спасенный дочерью охотника. Если мальчик станет играть в хоккей, это будет наша самая лучшая сказка.

Нам такая очень нужна. Только сказки помогают пережить похороны.

* * *

Вернувшись в больницу, Ханна зашла в раздевалку, переоделась и уткнулась лбом в дверь. Дала себе передышку, совсем недолгую, всего на мгновение. Все хорошее и плохое протекло по телу и вышло наружу. После этого Ханна закры-

ла двери в ад и в рай, чтобы не тащить все чувства домой, и открыла глаза. Человек не в состоянии постоянно испытывать сильные чувства. Она была в нескольких километрах от дома, но спустившись на парковку, поняла, что оставила микроавтобус в Бьорнстаде, во дворе Аниного отца. Опасно идти домой пешком в бурю, особенно когда ты совершенно измотана, поэтому Ханна позвонила мужу и с трудом сказала: «Все в порядке, дорогой, но я без машины, останусь здесь, пока буря не...» Но Йонни уже бросил трубку, отнес четверых спящих детей к соседям и одолжил у них машину, чтобы ехать в больницу за Ханной. Даже природные катастрофы не остановят ее любимого идиота.

* * *

Мира в одиночестве сидела за столом и смотрела на свое отражение в оконном стекле – по другую сторону была чернота, небесная мгла поглотила землю. Раз сто она порывалась позвонить дочери, но сейчас было уже слишком поздно – Мая наверняка на какой-нибудь вечеринке, не хотелось ей мешать. Больше всего на свете Мире не хотелось, чтобы дочь слышала в ее голосе страх. И растерянность.

Буря оказалась сильнее, чем обещали синоптики, гораздо сильнее. Но Мира так и не встала с места. Надо было собраться и уехать, но Мира все сидела.

Города и отношения состоят из историй. Там, где закан-

чиваются одни, начинаются другие.

Перелетные птицы

Дома, в Бьорнстаде, Мая сотню раз слышала, что «только в беде узнаешь, кто ты на самом деле». В хоккейных городах любят всякие дурацкие поговорки. «Только спиной к стене узнаешь, на что ты способен», – повторяют их обитатели, не задумываясь, что это значит. Они ведь так никогда и не узнают, на что способны, не узнают, кто они в глубине души – хищники или жертвы, им никогда и мысли такой не приходило. Мая завидовала им. Счастливые люди.

Она ускорила шаг, но не побежала – понятно, что мужчины догонит ее в два счета. Надо выиграть время, подойти как можно ближе к выходу из парка, а потом уже броситься вперед изо всех сил, а пока пусть он ее недооценивает.

Дура.

Весной, когда они с Аной гуляли в лесу между Хедом и Бьорнстадом, Мая смотрела на перелетных птиц и думала, зачем они это делают? «Я понимаю, почему они улетаю, но не понимаю, зачем возвращаются» – сказала она Ане как-то раз, а та, пожав плечами, ответила: «Они улетаю на время хоккейного сезона. Молодцы!» Если возникали больные те-

мы, Ана всегда отшучивалась, но, когда Мая переехала, она прошептала: «Теперь ты как птица. Улетаешь от нас». Хотелось бы Мае, чтобы все было так просто.

В первую ночь, оказавшись в разных концах страны, они до рассвета проговорили по телефону – одноклассникам Мая изо всех сил старалась показать, что с ней все в порядке, но в разговоре с Анной все усилия пошли прахом. Надо быть полной психопаткой, чтобы не раскаиваться после того, как приставила ружье Кевину ко лбу. Ана простонала в трубку: «Господи, да ты была психопаткой задолго до этого!» Мая улыбнулась. Кто-нибудь из них всегда сводил этот разговор к шутке, углубляться в тему они избегали. Мая ненавидела себя за то, что была в той комнате с Кевином, Ана – за то, что ее там не было. Мая пожалела его тогда, на тропинке, Ана бы поступила иначе. «Звери борются прежде всего за выживание – охотятся, если это заложено в них природой, и убивают, если должны убить», – сказала Ана, а Мая, подумав, ответила: «Но звери не мстят, это привилегия человека – ждать в темноте всю ночь, чтобы отомстить. Так делают только люди». Ана фыркнула и рассказала историю о папиной охотничьей собаке, которую в детстве мама Аны ударила по носу, а несколько недель спустя та прокралась на улицу и разорвала в клочья белое белье, которое мама повесила сушиться в саду. «Отомстила», – подытожила мама.

Они продолжали созваниваться, но все реже и реже, и все меньше вспоминали зверей. Мая старалась все забыть. Ее

новые одноклассники ничего о ней не знали, и она решила стать другим человеком – той, с которой ничего не случилось. И ей почти удалось.

Дура. Дура.

«Ты никогда ничего о себе не рассказываешь, мы знакомы два года, но до сих пор ничего о тебе не знаем!» – сказал недавно одноклассник Май, когда они сидели вокруг стола в библиотеке. Все в ожидании уставились на нее, и Мая совсем растерялась. Это был не упрек, а чистое любопытство, они даже не догадывались, какие двери попытались открыть. Мая отшутилась, сказав на махровом бьорнстадском диалекте, который всегда вызывал у них смех, что на самом деле она киллер и работает на мафию. А что ей оставалось? С чего начать? Их мир слишком мал для ее истории, они по-прежнему были детьми и напивались в стельку на вечеринках, не боясь потерять контроль, потому что ничего плохого с ними никогда не случалось. Этого не поймешь, если тебе никогда не приходилось ненавидеть себя так, что хочется покончить с собой, если в пятнадцать лет ты не попал на вечеринку, после которой все в городе хотели, чтобы ты исчез, ведь если тебя нет, тебя не могли изнасиловать. Если ты никогда не задумывался о том, что было бы, если бы ты не обратился в полицию, если бы промолчал, сделав вид, что ничего не случилось, и просто пошел бы дальше, а не перевернул бы весь

мир с ног на голову для того, кого любит весь город. Этого не понять тому, кто во сне не приставлял к чужому виску ружье и не просыпался потом с облегчением – Мая предпочитала сны о том, что она сделала с Кевином, снам о том, что сделал с ней он. У ее одноклассников и в мыслях не было следовать правилам, которым научил ее Бьорнстад: «Убей. Закопай. Молчи».

Как-то на вечеринке пару месяцев назад один из парней спросил Маю, почему она никогда не выпивает больше пары бокалов вина. Что тут ответить? Из-за таких, как ты? Потому что вы есть везде.

На новом месте ей почти удалось стать другим человеком. Почти удалось измениться. До такой степени, что однажды вечером она пошла через темный безлюдный парк.

Дура. Дура. Дура.

Она прибавила шагу, совсем чуть-чуть, мужчина за спиной тоже пошел быстрее. Может, ей показалось? Она сбавила скорость, и он почти остановился. Мая двинулась дальше, уже не сомневаясь насчет его намерений, но было слишком поздно. Она порылась в сумке, но пальцы не слушались и телефон выпал на гравий. Мужчина был совсем близко. Мая услышала, как он дышит, ощутила его дыхание у себя на щеке.

Она была так зла на себя, так зла на всех и вся, но больше

всего на себя. В руке у нее был нож — это его она искала в сумке, а телефон выпал случайно; Мая знала, что не успеет никому позвонить, надо было защищаться прямо сейчас. Лезвие было тонким и довольно коротким, она подумала, что надо попасть ему в руку, — он был без перчаток, так что, если как следует полоснуть, боль будет достаточно сильной и у нее появится фора. А руки-то совсем маленькие! Напоследок Мая успела горячо пожалеть, что не завязала покрепче шнурки на сникерсах. Как же она изменилась, теперь она из тех, кто, выходя из дома, не завязывает шнурки как следует. Как будто в мире не существует мужчин.

Он дернулся. Она пырнула ножом.

Мая услышала свой собственный крик — она кричала не от страха, а от злости. Два года. Ей почти удалось стать другим человеком. Но лишь оказавшись в беде, узнаешь правду — она вспомнила дыхание Кевина, его твердую хватку и собственное сердце, готовое выскочить из груди. А еще вспомнила его сопение и дрожащие руки при виде ружья, запах мочи, когда он описался от страха. Остался ли он навсегда там, ночью, на тропинке, как Мая навсегда осталась в комнате, где он ее изнасиловал? Вернулся ли домой из леса? Все еще боится темноты? Мая очень на это надеялась.

Мужчина тихонько вскрикнул тоненьким голосом.

Неужели она попала? Господи, было бы хорошо.

Нож достался ей от Рамоны в последний день перед отъездом. «Возьми и всегда носи с собой. Там, в большом городе, все ужасные неженки, даже ружье не понадобится. Только не вздумай рассказывать...» – начала она, но Мая не поняла ее и перебила: «Не волнуйся, папе ничего не скажу!» После чего Рамона фыркнула так, что в другом конце бара погасла свеча: «Думаешь, я боюсь твоего отца? Вот еще. А вот твоя мать... Если она узнает, что я дала тебе нож, она воткнет мне его в задницу. Я не шучу».

Рамона была не из тех, кто умеет прощаться, поэтому Мая взяла это на себя и обняла ее. Сколько раз она собиралась выложить нож из сумочки, но не сделала этого. «Тебя, наверное, все уже спрашивали, чего тебе здесь нейдет, – сказала на прощание Рамона. – Если хочешь знать мое мнение, то заруби себе на носу: из Бьорнстада уезжают только самодовольные павлины, которые думают, будто что-то собой представляют. И это отлично. Я хочу, чтобы ты тоже стала таким павлинчиком, дорогая».

– Пойдите! НЕ НАДО!

Мая не сразу поняла, что кричит тот самый мужчина, – голос был слишком высокий и детский. Он отпрыгнул назад, и Мая остановилась в последний момент. Он стоял, под-

няв одну руку, а другая, протягивающая ей телефон, дрожала так, что трубка едва не выпала снова. Мая покраснела от стыда, поняв, что перед ней не мужчина, а девочка лет тринадцати. Соплячка. Девчонка глядела на нож, заливаясь слезами.

– Простите! Простите!!!

– Какого черта?!! – сунув нож в сумку, крикнула Мая. Теперь ее тоже трясло. Девочка, заикаясь, проговорила:

– Можно я... Можно я пойду с вами? Они забрали у меня телефон, но я не сказала им пин-код, тогда они побежали за мной, а я увидела вас и подумала...

Только теперь Мая заметила немного поодаль еще трех девочек примерно такого же возраста. Сердце у Майи стучало так, что кровь прилила к голове и заложило уши, единственное, о чем она думала в этот момент, – это мамины слова про разницу между маленьким Бьорнстадом и большим Торонто с миллионами жителей: «Если ночью идешь по Бьорнстаду, бояться нечего, кроме диких зверей, а в большом городе надо бояться всего». Она ошибалась, Мая уже тогда это понимала, мама обманывала не только дочь, но и себя. Дикие звери есть везде, просто они по-разному выглядят.

– Вот... Ваш телефон... – прошептала девочка.

Мая увидела у нее на запястьях красные отметины – она знала, откуда такие берутся: они остаются, когда ты вырываешься, пытаешься спасти свою жизнь. Мая взяла телефон, а девочки вдалеке, увидев ее лицо, освещенное дисплеем, ви-

димо, решили, что она звонит в полицию, и убежали так же быстро, как появились.

– Пошли. Давай скорее, – прошептала Мая и потянула девочку за собой в другой конец парка.

– Где... где берут такие ножи? – спросила она, когда вновь обрела дар речи.

Мая, запыхавшись, оперлась на колени – как бы ей хотелось, чтобы рядом оказалась Ана и съязвила что-нибудь в ответ. Не глядя девочке в глаза, Мая сказала:

– Это от лесной ведьмы.

– Правда?

– Забей. Тебе нож не нужен.

– Почему?

– Сначала надо научиться им пользоваться, – прошептала Мая, искренне надеясь, что для этого девочке не придется пережить то, что пришлось ей.

Мая протянула ей телефон, чтобы та позвонила родителям, девочка послушно взяла трубку. Мая слушала, как она рассказывает родителям, что произошло, вновь и вновь повторяя, что с ней все в порядке, Мая видела, как она борется со слезами, – не ради себя, а ради них. Большинство людей не может точно сказать, когда кончилось их детство. Эта девочка может.

Мая вспомнила больницу, куда попала после изнасилования, как ее мама хотела убить весь город, а папа шептал: «Что мне делать?» – на это Мая ответила: «Люби меня». Нам

страшно, оттого что родители не могут нас защитить. Страшно, что когда-нибудь мы сами не сможем защитить своих детей. В любой момент мир может наброситься на нас и сделать все что угодно.

Девочка вернула Мае телефон, сказав, что мама хочет поговорить с ней. В трубке всхлипывала женщина:

– Спасибо вам, огромное спасибо, моей дочери так повезло, что она вас встретила! Мы ей всегда говорим: если что-то случится, попроси взрослых помочь!

Маю впервые назвали взрослой. Она дождалась вместе с девочкой, пока из-за угла не показалась машина ее родителей. Девочка на мгновение отвернулась от Майи, а когда снова оглянулась, той уже не было. Она растворилась в городе, где никто тебя не знает и ты можешь стать кем угодно.

А кем ты хочешь стать?

Пройдя пару кварталов, Мая села на краешек ледяной скамейки и разрыдалась. Она плакала так, что с трудом могла дышать. То, что она так старательно забывала все эти месяцы, внезапно вернулось: звук упавшей пуговицы, которая крутится по полу, постеры на стенах в комнате Кевина, тяжесть его тела и бесконечная паника. Его запах на ее коже, который она пыталась отмыть, пока не стерла кожу до крови.

Говорят, друзья познаются в беде, но куда в большей степени беда показывает нам нас самих. Мая достала телефон,

чтобы позвонить кому-нибудь из одноклассников, но что она им скажет? Они не носят ножей в сумочках. Им не понять.

Больше всего на свете ей хотелось позвонить маме, услышать ее голос: «Все в порядке, малышка?» – и прошептать в ответ: «Нет, мама не в порядке, мне плохо, плохо, плохо». Ей хотелось закричать в трубку, чтобы мама приехала к ней через всю страну и забрала ее, как это бывало в детстве, когда они с Анной оставались ночевать в лесу и она пугалась темноты. Мама оказывалась за рулем прежде, чем Мая успевала договорить: Мира всегда спала в одежде, когда дети ночевали не дома. Это было единственным, что помешало Мае. Мама, несомненно, тут же прыгнет в машину и помчится сюда, она будет ехать всю ночь. Но Маю только что называли взрослой. Теперь придется ею быть.

Взамен она позвонила единственной, кто у нее остался, кто всегда был рядом, своему главному человеку – Ане.

Та не ответила. Мая звонила снова и снова и наконец отправила сообщение: «Возьми трубку, ты мне очень нужна!!» Через несколько часов ей будет стыдно. Она будет ненавидеть себя, когда узнает, что произошло дома.

Флагштоки

Дома. Маттео никогда не чувствовал себя здесь дома. Этот город не принимал его.

Он сидел на корточках в канаве. Слетев с велосипеда, он упал прямо на руку; боль была такая, что Маттео подумал, будто его сбила машина. Он со стоном встал и увидел, что машина уже пропала в темноте, – Ана, которая была за рулем, и Ханна, сидевшая рядом, его не заметили. Деревья скрежетали на ветру, как железо о стекло. Жизнь мигнула ему единственный раз, но, возможно, именно в эту секунду Маттео решил покончить со своим вечным бессилием. Хватит быть слабым. Теперь он даст сдачи – кому угодно и чем угодно.

Маттео выполз на дорогу, наклонился против ветра и потащил за собой велосипед, плохо понимая, куда идет. Когда он наконец огляделся, то увидел, что все это время шел в другую сторону. И теперь стоял на Холме, где находились самые дорогие виллы города, – от его дома досюда было полчаса ходьбы, но казалось, что ты попал в другую страну. Дома здесь были такие большие, что два человека могли переключаться из их разных концов и не слышать друг друга, а окна – такие высокие, что Маттео не представлял себе, как

их моют. Возле каждого гаража стояло по две машины, а в каждом дворе был свой батут. Этот город здорово умеет показывать, на что тебе не хватает денег.

Маттео остановился на тропинке, откуда открывался вид на озеро, – если вести взгляд вдоль берега, то уткнешься в ледовый дворец. Возле него в два аккуратных ряда стояли двенадцать флагштоков, на которых всегда развевались зеленые флаги с медведями, но сейчас кто-то спустил их, чтоб не порвались от ветра. Заботливо и аккуратно, словно неслыханные ценности.

С велосипеда Маттео слетела цепь, он попытался поставить ее на место, но окоченевшие пальцы слишком сильно дрожали. По дороге обратно он тащил велосипед за собой, но под конец сдался и бросил его.

Никто не видел Маттео, никто не предложил ему помощь, все думали только о флагах.

12

Крыши

Все и вся связано между собой в этом глухом лесу, связано так крепко, что, когда в ледовом дворце Хеда рухнула крыша, человек в Бьорнстаде, не раздумывая, бросился бежать. Когда-то старый тренер говорил ему: «Успеха добиваются цельные личности, для которых престиж ничего не значит. Цельность – это то, что ты собой представляешь, престиж – то, что думают о тебе другие». К спорту это вполне применимо, полагал человек, но если речь идет о выживании города, то все как раз наоборот: тут главное – престиж. Поэтому человек и побежал.

Однажды пару лет назад – когда именно, точно никто не знает, ведь об этом даже не писали в местных газетах, – в маленькой комнатке одного муниципального здания собрались мужчины и женщины и приняли сказочное политическое решение: отложить ремонт ледового дворца в Хеде, чтобы поскорее отремонтировать ледовый дворец в Бьорнстаде. По каким причинам было принято такое решение, впоследствии никто толком не помнил, поскольку политику на местах не всегда определяют местные политики.

На самом деле небольшая, но влиятельная группа заинтересованных людей в Бьорнстаде месяцами «пасла» власть

имущих – в залах для конференций, охотничьих избушках, супермаркетах, а правление «Хед-Хоккея» было слишком увлечено поисками нового тренера, им было не до протестов. Разумеется, не все политики были убеждены, что ледовый дворец Бьорнстада важнее ледового дворца в Хеде, многие просто боялись терять союзников. Политикам сегодня нелегко: сроки полномочий все короче, а избирательные кампании все продолжительнее.

Влиятельная группа откопала протокол осмотра здания, где говорилось, что в ледовом дворце Бьорнстада велик риск обрушения крыши, а учитывая огромное количество молодежи, это, безусловно, представляет большую опасность. Нам надо думать о детях! По случайному совпадению протокол вел брат члена правления «Бьорнстад-Хоккея», но это обстоятельство оставили без внимания. Когда пару недель спустя кто-то захотел посмотреть на протокол, тот не нашелся. Да и решение тогда уже было принято: предпочтение отдали Бьорнстаду.

Главной статьей расходов в ремонте бьорнстадского ледового дворца была крыша. Как только ее отремонтировали и коммуна оплатила счета, один из спонсоров пожертвовал деньги на двенадцать флагштоков с гигантскими зелеными флагами, которые должны были развеиваться на парковке у входа во дворец. Совершенно случайно этот спонсор оказался лидером влиятельной группы, и он, разумеется, не вложил в ремонт крыши ни единого эре, ведь флаги – это гораздо

эффектнее. Люди видят флаги всякий раз, когда приходят на матч, а про крышу не вспоминают – пока она не рухнет от ветра.

В тот момент политические решения никого не волновали, а теперь началась буря, и первым делом обрушилась крыша в ледовом дворце в Хеде. А тем временем человек в Бьорнстаде побежал спасать двенадцать флагштоков. Пока мы не знаем последствий бури, это выглядит глупо. Буря разыграется в лесу, разрушит один ледовый дворец, но не сможет разрушить другой, подвигнет жителей двух городов на борьбу за ресурсы, а закончится все, как обычно в наших краях: насилием. Успеет случиться столько всего, что мы забудем, с чего все началось, а началось оно здесь. И сейчас.

Ростом человек, побежавший к флагштокам, был под два метра, его вес обозначался трехзначным числом, полы пиджака развевались на ветру. Он пытался развязать веревки, чтобы спустить флаги, но узлы были слишком крепкие, а пальцы совсем замерзли, и в конце концов он закричал от отчаяния. Те, кто его не знает, могли бы подумать, будто он сходит с ума, но те, кто знаком с ним давно, хором переспросят: «*Сходит?*»

Все зовут его Фраком, но имя у него, конечно, другое, в этом городе у каждого мужчины два имени: данное при рождении и прозвище, полученное в хоккейной команде. Этот мужчина в молодости старался выпендриться: одевался в костюм, когда все носили джинсы с футболками, а на похоро-

ны, куда вся команда пошла в костюмах, явился во фраке. С тех пор по-другому его не называли.

Ноги в туфлях разъезжались на льду, он то и дело подтягивал сползающие брюки, но неумоимо продолжал бороться с узлами. По дороге сюда он встретил мальчика, он не знал, что его звали Маттео, он его попросту не заметил. Думал только о зеленых кусках ткани, развевающихся на вершушках флагштоков. Посторонние, возможно, сказали бы, что это, черт побери, всего лишь флаги, всего лишь какой-то хоккейный клуб. Но только не Фрак.

Всю жизнь его недооценивали, сбрасывали со счетов, считали дураком и поднимали на смех. Его супермаркет чуть не разорился, несколько раз Фрак оказывался на грани банкротства, враги говорили, что он неистребим, как сорняк. Его преследовала налоговая, он славился финансовыми махинациями и жульничеством, люди по-доброму называли его хитрожопым. Всегда с улыбкой наготове, потрясая рукой, сжатой в кулак, он любил повторять: «Поехали!» Фрак пережил все дразги и за последние годы ухитрился сколотить небольшое состояние, и если вы спросите, как ему это удалось, объяснит, что всегда смотрит дальше, чем остальные, а если не спросите, объяснит все равно. Его супермаркет был третьим по величине работодателем после больницы в Хеде и фабрики в Бьорнстаде, а сам он стал одним из основных спонсоров «Бьорнстад-Хоккея» – ни для кого не было секретом, что Фрак сам выбирает большинство членов правления.

Если хочешь контролировать этот город, в первую очередь займись рабочими местами, а во вторую – хоккеем, а дорога и к тому и к другому лежит через Фрака. Было непонятно, когда он занимается своим супермаркетом, потому что в ледовом дворце он проводил больше времени, чем хоккеисты, а в здании муниципалитета бывал чаще, чем политики. Думать о нем могли разное, но сбросить со счетов не могли. Попытались пару лет назад, но он им этого не простил.

Произошло это после «скандала» – так Фрак называл случившееся, потому что не мог заставить себя сказать «изнасилование». Он никогда не говорил «Мая», хотя знал ее отца почти всю жизнь, всегда называл ее «молодой женщиной». Тот год стал ужасным для всех, но никто, как водится, не понял, что главной жертвой оказался мужчина среднего возраста с большими экономическими запросами. Фрак потерял все.

Мало кто сознавал, как близки были политики к тому, чтобы отложить ремонт дворца в Бьорнстаде в пользу Хеда. Положение удалось спасти в последний момент благодаря фанатам, новым членам правления и новым спонсорским деньгам с фабрики, и, кроме того, все знали, что Фрак непрерывно ведет работу в этом направлении. Весной в интервью местной газете он сказал: «Моя работа остается за кадром, понимаете, снаружи ее не видно!» После чего дал журналисту ценные указания о том, как его лучше сфотографировать и какого размера должна быть фотография,

а потом ознакомил его с брошюрой, которую распространял по местным предприятиям. Она называлась: «Вложись в “Бьорнстад-Хоккей”»: не ошибешься!» А все потому, что, когда Бьорнстад переживал тяжелейший в своей истории кризис после «скандала», Фрак поднял взгляд и заглянул чуть дальше.

До сих пор Бьорнстад был обычным клубом, а теперь станет уникальным, утверждал Фрак. И так рьяно ухватился за прежде презируемую им новомодную политкорректность, что не всякий успевал за ним на поворотах. Он с гордостью рассказывал местной газете: «Сегодня многие клубы не осознают своей ответственности перед обществом, но “Бьорнстад-Хоккей” не таков! Я уже говорил, что мы делаем огромную ставку на хоккей для девочек? Это что-то невероятное!»

Возможно, некоторые назвали бы его бесстыжим оппортунистом, но для Фрака это звучало как комплимент; быть оппортунистом – значит видеть возможности и использовать их. Как бывший хоккеист, Фрак знал, что каждое тактическое решение будет названо гениальным или идиотским в зависимости от конечного результата.

Пример Амата, выходца из бедных кварталов Бьорнстада, ставшего настоящей звездой клуба, Фрак приводил в доказательство того, что «хоккей открыт для всех». Он, разумеется, не владел статистикой того, сколько ребят из Низины попало в основную команду Бьорнстада, но ведь и мама Беньямина Овича живет ПОЧТИ в Низине, это ведь тоже считает-

ся? Сам Бенъямин два года уехал за границу назад и больше не играет в хоккей, но вообще-то он нетрадиционной ориентации, вы в курсе? «Но для нас это не играет роли, в нашем клубе у всех равные возможности!» – заверил Фрак, не уточняя, почему не указывает ориентацию других игроков.

Фрак, конечно же, не пожелал говорить с журналистом о «скандале» «из уважения ко всем, кто в нем замешан», – уважение для Фрака всегда было важнее всего. Но на самом видном месте в брошюре он как бы ненароком попросил разместить фотографию Петера Андерсена, хотя тот уже не работал в клубе, а рядом – фото маленькой девочки из детской команды. Лица на снимке видно не было, только длинные волосы, такого же цвета, как у Майи, как скрытое послание спонсорам: клуб на самом деле принадлежит Мае, а не Кевину. Скрытым, впрочем, оно казалось только Фраку. «Не ошибешься».

Он оплатил эти двенадцать флагштоков из собственного кармана, и теперь все посетители матчей проходили по этой аллее его власти под сенью огромных зеленых полотен с медведями. О флагах написали в местной газете, а поскольку они народу нравятся гораздо больше, чем крыши, у многих вскоре возникло чувство, что весь ремонт оплатил Фрак. А не коммуна.

Конечно же, Фрак был слишком скромен, зачем ему хвастаться, он сказал это по секрету всего лишь двумстам знакомым и тому журналисту. Скажете, бесстыжий оппортунизм?

А что тут плохого?

Рамона у себя в баре не упускала случая сообщить Фраку в глаза, что он полный дурак. Но за его спиной однажды сказала совсем другое: «Над такими, как Фрак, только ленивый не насмехается, но вы хоть знаете, что он за человек? Горячее сердце. Этот город для него – дело жизни. Можете продолжать смеяться, но что сделали для города вы? Что вы построили? Что построило государство? Вы думаете, сюда приедет правительство и найдет всем рабочие места и жилье? Да они даже не знают о нашем существовании! – Рамона опрокинула в себя добавочный «завтрак» и добавила: – Может, Фрак и конченный идиот, но без таких, как он, городу не выжить».

Преувеличение? Пожалуй, но не скажешь, что неправда.

Фрак знал, что все между собой связано, флаги были символом клуба, и, если буря их разорвет, люди перестанут верить в хоккей. А если после бури они будут гордо реять у входа, как будто Бьорнстад бессмертен, люди решат, что так и есть. Фрак побежал, потому что видел чуть дальше, чем остальные.

И к тому же был конченным идиотом.

Ветер ревел в ушах, так что Фрак не слышал собственного крика, когда, застряв пальцем в узле, сорвал ноготь – полностью, до мяса. Боль была такой мгновенной и невыно-

симой, что он упал на колени, руки и щеки покрылись потом.

Вскочив на ноги, Фрак побежал к входу и стал барабанить в дверь. Никто не открыл, и он в отчаянии стал бить по железу ногой.

Банк-банк-банк.

13

Короли

Маттео пошел через богатый район в надежде, что ветер между виллами не такой сильный. Он цеплялся рукой за стены и заборы, когда было можно, зажмуривал глаза, но ветер с силой разжимал ему веки, будто хотел показать, как рушится все вокруг. На одной из дверей Маттео заметил деревянную вывеску, давным-давно сделанную ребенком, который теперь стал подростком: «Сдесь живут Лео, Мая, Петер и Мира Андерсон». Маттео прошел слишком близко от гаражных ворот, так что сработали фотоэлементы и зажегся свет. В этой части города электричество еще не отключилось, в отличие от окраины Бьорнстада на границе с лесом, где жил Маттео. В глубине дома мужчина вскочил с дивана и посмотрел в окно. Маттео знал его, в городе его знали все, это был Петер Андерсон, бывший спортивный директор «Бьорнстад-Хоккея». Когда-то он играл в НХЛ. Все хоккейные города – монархии, и Петер был здесь королем. Но теперь он постарел и выглядел несчастным и одиноким. Маттео был этому рад. Мальчик надеялся, что все хоккеисты этого города, без исключения, потеряют то, что любят, и поймут, каково это.

Петер вглядывался в темноту, пытаясь понять, почему за-

жегся фонарь у гаража: он надеялся, что это подъехала машина и кое-кто вернулся домой. Но ничего не увидел. Маттео успел убежать навстречу ветру. Петер никогда не узнает, что он там был, да он и не знает Маттео. Пока.

Шоколадные шарики

Банк-банк-банк.

Банк-банк-банк-банк-банк.

Словно шайбы ударяют о стену, но это обломанная ветка из садовой изгороди стучала на ветру по опрокинутому контейнеру для мусора. Петер Андерсон разочарованно смотрел в окно: буря разносила в клочья весь город, а он сидел в тепле и безопасности, ему не надо было никого спасать, никто не нуждался в его помощи. Ему было жаль себя, теперь он часто себя жалел, больше всего за то, что ему себя жалко. И отчаянно презирал.

Петер уволился из клуба всего два года назад, но постарел на десять лет. У него все меньше времени уходило по утрам на то, чтобы причесаться, и все больше на то, чтобы помочь. Теперь он убирал дом, готовил еду и пек хлеб – у него хорошо получалось, благо времени на тренировку было достаточно. Мая уехала в музыкальную школу в другом конце страны, Лео сидел в своей комнате, но по большому счету был так же далеко, как и Мая. Мира осталась в офисе в Хеде, но Петер приготовил ей горячий ужин, хотя знал, что он не

понадобится. Небольшие ритуалы в борьбе с одиночеством, судорожные попытки быть нужным.

«Пап, тебе есть с кем... ну, может, тебе с кем-то поговорить? Что-то ты невеселый!» – сказала Мая, когда приезжала летом.

В тот раз, покидая Бьорнстад, она обмолвилась, что ей нужно «домой», и тут же увидела, как больно ранила отца. Разумеется, он соврал, сказав, что просто устал, – а с кем ему говорить? Неужели с психологом? Это примерно как платить человеку за то, что он выслушивает твои жалобы на погоду. Как это объяснить? Его тренер в Канаде любил повторять: «На льду убивает скорость» – опасны не габариты игрока, наносящего удар, а скорость, с которой он движется. Что это ложь, Петер понял, только когда в последний раз вышел из ледового дворца. Убивает молчание. Убивает то, что ты больше не часть целого. Он ушел с должности спортивного директора по своей воле и стал работать у Миры, потому что хотел быть хорошим мужем и отцом, и ему это удалось. Он стал лучше. Но как объяснить, что он не жалеет, при том что все-таки жалеет? Он оказался не готов к тому, что его забудут так быстро.

В клубе дела шли лучше, чем когда бы то ни было. Пришли новые спонсоры, коммуна выделила поддержку, с бюджетом в кои-то веки все обстояло отлично, команда сложилась сильнейшая. Лучше и быть не могло. В прошлом сезоне они вчистую разгромили «Хед-Хоккей», практически

выставили их на посмешище, – города перестали быть равными, Бьорнстад выиграл почти всю серию, а Хед опустился на дно турнирной таблицы. В этом году предстояла новая встреча, но, похоже, последняя: Хед неумолимо двигался вниз, а Бьорнстад вверх. Один клуб беднел, другой богател, все быстро менялось, еще несколько лет назад было наоборот.

Разве мог Петер признаться в том, что его подкосил успех, о котором все могли только мечтать? Что ему кажется, будто проблема была только в нем? Он прожил в «Бьорнстад-Хоккее» целую жизнь, а ушел оттуда – как сапог из воды вынул, ни следа, как будто его и не было. Постороннему хоккей может показаться дурацкой игрой – но не хоккеисту. Что такое лед под коньком, объяснить невозможно; это как рассказывать жителю подземелья, что такое ощущение полета. Что ему небо, если он его никогда не видел?

Что Петер скажет психологу? Что хочет быть нужным? Что не дотягивает? Нет. Он дотягивает. Должен дотягивать.

Буря дергала рамы и водосточные желоба в поисках того, что плохо держалось, чтобы оторвать и швырнуть об землю. Когда возле гаража зажглась лампа, Петер смотрел в окно гостиной в надежде, что приехала Мира. Но это, похоже, всего лишь тени и безудержный ветер.

Петер посмотрел на телефон – может, позвонить Мире? Не хотелось быть занудой. А может, Мае? Не хотелось мешать.

Так он и стоял у окна, ненавидя себя за жалость к себе.

* * *

Банк, банк, банк.

Мая никак не могла отдышаться, сердце стучало так, что подташнивало. Она шла к дому, где была вечеринка, но остановилась на улице возле подъезда, не в силах заставить себя войти – она боялась, что одноклассники начнут расспрашивать и по глазам увидят, что она натворила. Им не понять, они ведь никогда не задумывались о жертвах и хищниках, они видели зверей только в зоопарке и морозилке. Они добрые наивные дети. Не такие, как Мая.

Она посмотрела по сторонам. На другом конце улицы был маленький бар с разбитой неоновой вывеской, в окнах виднелись несколько подвыпивших мужиков, сидевших у стойки, за которой стоял безнадежно усталый бармен. Мая до сих пор не привыкла к тому, что ей уже восемнадцать и она может свободно ходить по барам, она так долго старалась вернуть себе детство, что не заметила, как стала взрослой, но сейчас она перешла дорогу и, вместо того чтобы пойти на вечеринку, открыла дверь и позволила темноте бара проглотить себя. В нос ударил запах пролитого пива, никто не подумал поднять взгляд, посетители сидели уставившись в круж-

ки, не глядя даже на собеседников, — в таких местах из милосердия не вешают зеркала в туалетах.

Банк, банк, банк — послышалось из глубины бара. Мая села в углу, заказала бокал вина и выпила залпом. Бармен попросил документы, но, когда Мая полезла в сумку, вздохнул и замахал руками.

— Просто хотел убедиться, что они при тебе, — буркнул он.

Мая заказала еще бокал. Сердце стучало как бешеное — сначала от того, что она бежала, потом от мысли, что она чуть не пырнула ножом девочку в парке. Теперь Мая знала, на что способна. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой.

Банк. Банк. Банк. Постепенно до нее стало доходить: это не стук ее сердца, звук доносится из телевизора на стене. Что он показывает, Мая поняла, не успев поднять взгляд, этот звук она узнала бы в любой точке земного шара: хоккей — прежде всего звуки, а потом уже все остальное. Коньки вспарывают лед, тяжелое тело ударяется о плексигласовую защиту другого игрока, эхо на арене, шайба, с бешеной силой бьющаяся о борт: банкбанкбанкбанкбанк. Подняв глаза, Мая увидела на экране над барной стойкой хоккейный матч, играли все те же хоккеисты, разве что с каждым годом они выглядели немного моложе. Спортивный комментатор рассказывал, что это тренировочный матч, настоящий сезон еще не начался, и Мая вспомнила, как в детстве папа объяснял ей, что это такое, а она закричала: «Папа, зачем нам хо-

дить на тренировочный матч? Это все равно что смотреть на чужой урок физры!» Мама так смеялась, Мая этого никогда не забудет.

Она выпила еще бокал, теперь она уже не спешила. Сердце продолжало колотиться в груди, и Мая вспомнила слова психолога, которого родители нашли ей два года назад: что иногда телу трудно почувствовать разницу между психическим и физическим напряжением, понять, когда ты запыхалась от бега, а когда перехватило дыхание от панической атаки. «Возможно, поэтому некоторые спортсмены играют так, будто от этого зависит их жизнь», — не задумываясь, улыбнулся психолог, ведь в тех краях, где выросла Мая, даже психологи используют хоккейные метафоры. Даже после того, что случилось с Маей.

Банкбанкбанк.

Впервые за долгое время хоккей не действовал ей на нервы. Возможно, дело было в вине, адреналине или одиночестве. Мая сидела в баре в другом конце страны, и звуки хоккея напоминали ей... дом. Банк. Банк. Банк. Как будто тебе восемь лет, ты ешь шоколадные шарики и держишь папу за руку.

Тук. Тук. Тук.

Петер робко дотронулся кончиками пальцев до двери в комнату Лео, а не услышав ответа, заглянул к подростку и спросил, не проголодался ли он. Дети не понимают, что для родителей это самый простой способ почувствовать, что они нужны, – предложить поесть. Но сын, конечно же, лишь взбесился, оттого что отец ему помешал и он проиграл в компьютерной игре. Раньше быть отцом было гораздо проще, подумал Петер, ты мог принести ребенку бутерброд, не опасаясь, что ему прострелят голову в интернете. Никто не предупреждал тебя, когда ты собрался размножиться, что самое трудное для хорошего родителя – в том, что ты себя таким никогда не чувствуешь. Если ты не участвуешь в жизни ребенка, ты совершаешь большую ошибку, а если участвуешь, то много маленьких, причем подростки считают каждый твой промах. Любая мелочь будет записана на твой счет. – Папа, закрой дверь! – взревел Лео.

Петер подчинился и сел на диван. Фотографии в рамках на стене подрагивали от бури, которая набирала обороты; их вилла стояла в центре города, но даже это не гарантировало безопасности. Он съел сделанный для сына бутерброд и снова подумал, не послать ли сообщение Мире или Мае, но

удержался. По телевизору показывали хоккей, Петер прибавил звук, но хоккей уже не действовал так безотказно, как прежде. Раньше спорт напоминал ему о том, кто он, а теперь – о том, кем он был в прошлой жизни. Он даже ненадолго переключил канал, но вскоре вернулся обратно, заставил себя погрузиться в игру, чтобы хоть на время отвлечься.

Играла команда из столичного города, там, на юге страны, сейчас тихий безветренный вечер и всем наплевать, что в Бьорнстаде валится лес, думал Петер. «Пока трассу не завалит деревьями, СМИ ни слова не скажут о разрушениях в сельской местности; но не дай бог там у них выпадет пять сантиметров снега: сразу и поезда не ходят, и школы закрыты, а газеты все на ушах, как будто землю захватили пришельцы», – говорила Рамона, и в этом была доля правды.

Фотографии на стене опять задрожали, Петер встал и снял их. Почти на всех, конечно же, были дети. Их было трое, одного они потеряли. Мая и Лео не помнили своего старшего брата Исака, он умер совсем маленьким, но у Петера до сих пор в груди все сжималось, когда он смотрел на улыбку своего первенца. На стеклах остались отпечатки пальцев Петера, потому что иногда он смотрел на фото по ночам, когда чувствовал себя совсем потерянным. Он больше не хоккеист и не спортивный директор, но он по-прежнему отец.

Одну из фотографий Петер держал в руке дольше остальных – на ней маленькие Лео и Мая едут на коньках по озеру. Петеру казалось, что они ездили на озеро каждые выход-

ные, хотя на самом деле это случилось от силы несколько раз за зиму. Он не мог уделять им больше времени, потому что во время хоккейного сезона был занят, но все хорошее, что случается в детстве, становится красивой открыткой, которую родители посылают самим себе. Как оно было на самом деле, мы не помним.

Однажды, когда Мая была совсем маленькой и ходила в начальную школу, она встала на лед в новых коньках и через десять минут стала жаловаться, что натерла ногу. Петер отчитал ее за то, что она легко сдается, так грубо, что Мая заплакала, а он тут же возненавидел себя. Мая решила исправиться, снова вышла на лед, упала и сильно ушиблась – тут пришла его очередь плакать. «Ты не виноват, пап», – прошептала она, когда Петер обнял ее и попросил прощения, а он прошептал в ответ: «Я виноват во всем, что с тобой случается, Огрызочек». Потом они сидели на пристани и ели шоколадные шарики, Мая положила свою ладошку ему в руку, и это был самый счастливый момент его жизни.

* * *

Дверь распахнулась, и в бар ввалилась компания молодых парней – Мая могла определить это с закрытыми глазами, таких обычно слышно за милю, они не снимают шарфы в помещении и требуют у бармена огласить весь пивной ассортимент. Один из них с надеждой посмотрел на экран и тут

же разочарованно вздохнул, увидев хоккейный матч.

— Черт, я думал, будет футбол! Какого хрена вы тут хоккей смотрите?

Мая допила вино и раздумывала, не бросить ли в парня бокал. Переехав сюда, она думала, что найдет здесь тысячу мужчин на любой вкус, но оказалось, и здесь все на одно лицо, просто на иной манер, нежели в Бьорнстаде. Вместо хоккея любили футбол, голосовали за другие партии, но так же свято верили, что их картина мира единственно правильная, считали себя светскими львами, хотя по большому счету жили в таком же ограниченном мире, как и все остальные.

Мая вспомнила историю, которую рассказывали соседи, когда она была еще маленькой: папа был капитаном команды «Бьорнстад-Хоккея», они играли решающий матч здесь, в столичном городе, и газеты пренебрежительно называли их клуб из маленького, затерянного в лесах городка «ревом из тайги». Узнав об этом, папа Май, который никогда не повышал голос, заорал: «Пусть у них есть деньги, зато у нас есть хоккей!»

В детстве история казалась ей довольно дурацкой, но сейчас, в баре, ей хотелось проорать эти слова во всю глотку. Парень попросил бармена переключить канал, но тот в ответ лишь демонстративно прибавил громкости. Мая решила дать ему двойные чаевые.

Двадцать лет назад во время того матча папа отдал всего себя, но они все равно проиграли. После поражения он

так до конца и не оправился, как и весь Бьорнстад. Отчасти поэтому спустя столько лет он так горячо уговаривал Миру вернуться туда из Канады: Петер хотел отыграться, заплатить старый долг.

Мая посмотрела на дно бокала и попыталась усилием воли заставить сердце биться не так часто. Банк, банк, банк – доносилось из телевизора. Совсем как в детстве. Она съедала все яблоко целиком, вместе с «огрызочком», но, когда ей исполнилось девять, она запретила папе так себя называть, хотя потом втайне очень скучала по этому прозвищу. Мая любила зимнее озеро, потому что папа так радовался конькам, они его успокаивали, как ее успокаивала гитара.

– Ну и достал этот деревенский спорт, лучше бы рысей трахали у себя в лесах, чертово быдло! – заплетающимся языком пробормотал один из парней, а его товарищи загоготали над трусливым выговором, не имевшим никакого отношения ни к одному из существующих диалектов.

Алкоголь вспышками фейерверка жег нейронные связи у Майи в голове. Она вспомнила еще одну зиму из своего детства, солнечный тихий денек – они всей семьей катаются на коньках, и мама говорит: «И все-таки это невероятно красивое место». А папа на это отвечает: «Самое невероятное то, что оно до сих пор существует. И что люди отсюда не уехали». Папа сказал это с грустью, тогда Мая не поняла почему, но сейчас ей стало ясно: в этих краях все закрывается, все уезжают в столичные города, и дочери – не исключение.

Странно, что здесь еще кто-то остался. «Совсем стыд потеряли», – говорили в Бьорнстаде о жителях столичных городов. Тогда Мая не соглашалась, но сейчас поняла, что так и есть.

– Эй, прием, земля! Хочешь с нами выпить?

Парни помахали ей из другого конца бара. Мая помотала головой.

– Ты чего такая кислая? Улыбнись! – ухмыльнулся один из них.

Мая отвернулась, парень сказал что-то еще, но она его не слышала, потому что в тот момент бармен забрал свои чаевые и, дружески подмигнув, положил перед ней пульт от телевизора. Мая сделала громче: банк-банк-банк-банк-банк.

Она вспомнила шоколадный шарик в кокосовой стружке, который так заledenел в сумке, что пришлось снять варежку и греть его в руке, и рука так замерзла, что Мая засунула ее в папину большую варежку, чтобы согреть в его ладони. Еще она вспомнила, как мальчики постарше играли на озере вдалеке. В хоккей, как всегда и везде. Один из них забил гол и радостно закричал, Мая спросила у папы: «Кто забил?» Не потому, что ей было интересно, а чтобы сделать папе приятное. Папа, не задумываясь, ответил: «Исак!» – и тотчас густо покраснел от стыда. «Я... имел в виду...» Он замолчал. «Ты сказал, Исак», – напонила Мая. «Прости, иногда этот мальчик так напоминает Исака...» – признался он.

Мая медленно дожевала остаток шоколадного шарика и

лишь немного погодя решила спросить: «Ты скучаешь по Исаку каждый день?» Петер поцеловал ее в макушку. «Да, я скучаю всегда», – ответил он. «Я бы тоже хотела по нему скучать, но я его совсем не помню», – грустно сказала Мая. «Ты все равно можешь по нему скучать», – сказал папа. «А как это?» – спросила Мая. «Это как мозоль на сердце».

Она согрела в руках еще один шоколадный шарик, медленно его съела и снова засунула руку погреться в папину варежку – она тогда не догадывалась, как долго он будет помнить этот момент. В следующий раз, когда мальчики вдалеке подняли клюшки и радостно закричали, Мая снова спросила: «Кто забил?» Улыбнувшись, папа сказал: «Кевин», он тогда не догадывался, как долго Мая будет помнить этот момент.

Впервые Мая услышала это имя от папы, который произнес его с восхищением.

Банк, банк, банк.

Парни пересели поближе к Мае.

15

Оружие

Маттео остановился у бара «Шкура». Заглянув в окно он увидел пожилую женщину, собиравшую со столов пивные кружки. Внутри горел свет, через дверную щель наружу проникал чад и запах сигаретного дыма. Маттео было всего четырнадцать, но, может быть, сегодня хозяйка сделает исключение, ему надо просто переждать бурю, где угодно, только не дома. Он дернул ручку – закрыто. Постучал, но женщина его не услышала.

Вскоре электричество пропало и здесь. Женщина поднялась на верхний этаж, грохот железных листов на крыше заглушал голос мальчика. Открой она дверь, возможно, все бы сложилось иначе. Но этого мы никогда не узнаем.

Маттео дрожа потащился домой. Электричества не было ни в одном из домов, но вдруг он увидел пляшущие конусы света от карманных фонариков на втором этаже у соседей. Там жила пожилая пара, но мальчик не осмелился позвонить в дверь. Старики не любили его семью по той же причине, что все остальные: она была странной. Не опасной, не противной, просто странной. А если в течение многих лет тебя считают странным, это становится достаточным основанием для того, чтобы не пустить тебя на порог даже во время бури.

Среди инструментов в соседском сарае Маттео нашел лом и вскрыл окно в их подвал. Там было так же темно, как у него дома, но сюда доносились голоса пожилой пары, и Маттео чувствовал, что еще жив. Небольшое подвальное помещение было чем-то средним между гостевой комнаткой и офисом, и, несмотря на то что ее, судя по всему, давно не использовали, мальчик нашел в верхнем ящике комода пакетик с чайными свечами и спичками. Старики жили в этом доме задолго до того, как в Бьорнстаде провели электричество, и всегда были готовы к тому, что его отключат, поэтому спички имелись в каждой комнате.

Маттео провел ночь как вор, в дрожащем свете свечей. Голоса наверху стихли, а может, их заглушил грохот бури, когда мальчик нашел шкаф, в котором хранилось ружье.

Открыть его не удалось. По крайней мере, той ночью.

16

Насилие

За окном была ночь, Петер снова оставил свои отпечатки на рамочках с фотографиями. Жизнь проходит с бешеной быстротой, ему ли не знать, хоккеисту со стажем. Главное правило, которому учит хоккей начинающих игроков, – бей по шайбе при первой возможности, потому что в следующую секунду случится много всего другого и шанс забить гол испарится. Будь оппортунистом.

На полке в гостиной лежали барабанные палочки. Почему он их туда положил, Петер не помнил, но точно знал, когда это было: в тот день Мая уехала в столичный город и они в последний раз играли вместе. Барабанщик из Петера, к сожалению, был так себе, пару лет ему удавалось пускать Мае пыль в глаза, но вскоре она научилась играть на гитаре так хорошо, что Петеру приходилось выбиваться из сил. Такова участь родителей: сначала мы водим детей в кружки ради них, потом они ходят туда ради нас. В конце концов мы понимаем, что просто хотим участвовать в их жизни как можно больше и как можно дольше. Петер взял барабанные палочки: Мая ненавидела хоккей, и ему отчаянно хотелось, чтобы хоть музыка сблизила его с дочерью. Но Мая выросла, и музыка забрала ее целиком.

Получается, все это он делал ради себя, даже когда считал, что старается ради нее. Страшное открытие для взрослого мужчины!

Он так гордился собой, когда ушел с должности спортивного директора и начал работать у Миры. В течение многих лет он возвращался домой так поздно, что все уже спали, и теперь был по-настоящему счастлив, когда Мира задерживалась на работе допоздна и чувствовала себя виноватой. Петер приходил домой первым, забирал Лео из школы и отвозил его на кружки, а перед тем как лечь спать, оставлял на кухонном столе записку: «Дорогая, ужин в холодильнике». Он ездил через всю страну к Мае, когда она поселилась в общежитии музыкальной школы, чтобы помочь ей повесить полки. Получилось кривовато, но он это сделал. Он, а не Мира, и ему было очень приятно, когда дочь прошептала: «Спасибо, папа, что бы я без тебя делала!»

Когда Петер навестил ее в следующий раз, полки висели ровно. Мая купила дрель и сама все исправила. Разумеется, она ничего ему не сказала, потому что не хотела обидеть, а он лишь покашлял, чтобы голос перестал дрожать, и сделал вид, будто ничего не заметил. Дети никогда не предупреждают нас, что планируют вырасти, и в один прекрасный день становятся слишком взрослыми, чтобы держать нас за руку, – хорошо, что мы не знаем, какой из этих дней окажется последним, иначе никогда бы не отпустили их руки. Пока они маленькие, ты сходишь с ума от того, что они кричат

«Папа!», стоит выйти из комнаты, ты даже не отдаешь себе отчета, что при этом всякий раз чувствуешь себя нужным. Когда они вырастают, от этого трудно отвыкнуть.

Петер пожертвовал хоккеем, чтобы стать хорошим отцом, но теперь его детям папа больше не нужен. Теперь Петер не нужен никому. Оставив хоккей, он понял, что ни в чем другом не достигнет такой высоты, и это было ужасно. Он отдал ему всю жизнь и стал одним из лучших в мире. Он отыграл четыре чемпионата НХЛ и на пятом повредил ногу, врачи сказали, что он больше никогда не сможет выйти на лед, – с таким же успехом они могли удалить ему легкие: долгие годы после этого он не мог дышать. Но все же он побывал там. Из миллиона юниоров во всем мире выбрали его, он играл среди лучших. Многим ли удастся достичь подобного хоть в какой-то области?

Потом он вернулся домой и стал спортивным директором своего родного клуба, выстроил заново целую школу, воспринимал успехи молодых хоккеистов как свои собственные. А теперь ему никто не звонит, его мнение никого не интересует. Только хоккей и дети могут объяснить, как ты в кратчайшие сроки дошел до такой жизни.

И что он скажет психологу? Что он лишился эмоций, даже разочарования, ведь у Миры в офисе никто не орет, ни от радости, ни от горя? Что теперь каждый день похож на предыдущий, работа – это лишь работа? Хоккей был его страстью, а жизнь без страсти – как зал ожидания без дверей. Никто

не выкрикнет твое имя. Ты ждешь непонятно чего.

Он отдал игре всю жизнь, это явилось ошибкой, и, чтобы это понять, психолог не нужен. Он смотрел не в ту сторону. Зачем-то считал успехи детей своими. Когда он уволился и оставил хоккей, было уже слишком поздно – Мая и Лео справились без него. Детство проходит слишком быстро: если видишь шанс ударить по шайбе и не бьешь, случается столько всего, и через мгновение он упущен.

Однажды в горький час Петер сказал: «А мы-то чего хотим? Что нам дает спорт? Мы тратим на него всю свою жизнь, и на что мы можем надеяться в лучшем случае? Пара мгновений... пара побед, пара секунд, когда мы почувствуем себя чуть больше, чем мы есть?» В ответ он услышал: «А что такое, по-твоему, жизнь, Петер, как не мгновение, черт побери?» – отвечала ему Рамона, потому что делился Петер своими раздумьями именно с ней. От старухи не дождешься ни скидки, ни поблажки.

Иногда Петер, как и его отец, заезжал в бар по дороге с работы, вот только никогда не напивался. «Да, так и бывает с сыновьями, чьи отцы слишком ударяли по виски: ребята либо глушат не просыхая, либо вообще не пьют», – фыркала Рамона, наливая ему в пивную кружку пережженный кофе. Как-то раз Рамона, выпив двойной завтрак, настолько запуталась в своих чувствах, что буркнула: «Так бывает с сыновьями плохих отцов: вы становитесь либо плохими, либо чертовски хорошими. Твой отец был из рук вон плохим,

но как он ухитрился не передать тебе ни капли плохого, это загадка».

Петер буравил взглядом барную стойку. Рамона замолчала, решив, что он представляет, как его отец выходит из-за этой самой стойки, идет домой и находит повод избить жену и ребенка, поэтому замолчала. Допив кофе, Петер вышел из бара и почувствовал себя худшим лицемером на свете, потому что он думал не об отце, а о себе. Он думал о звуке шайбы, ударяющейся о борт.

Зимой, когда их семья переехала в Бьорнстад и Мая еще даже не пошла в первый класс, ребенок на пару лет старше ее исчез в лесу при двузначной минусовой температуре. Мальчик играл в детской команде и в последние секунды матча пропустил гол, а он, как и все хоккеисты Бьорнстада, уже выучил правило, что хороший игрок – это безупречный игрок, поэтому безутешный и злой, он на ночь глядя сбежал из дома. Все знали, как быстро может замерзнуть насмерть маленькое тельце, поэтому весь Бьорнстад отправился на поиски. Его нашли на озере. Мальчик притащил туда ворота, шайбы и все найденные дома карманные фонарики, он вновь и вновь забивал шайбу в ворота с того угла, под каким не смог забить в последние секунды матча. Он плакал от злости, сопротивлялся и отбивался, словно раненый зверь, стоило кому-то к нему приблизиться, и успокоился, только когда Петер схватил его за руки и крепко обнял. В те времена город относился к спортивному директору, который прежде

играл в НХЛ, с таким пиететом, что для мальчика он был божеством. «Знаю, что ты хочешь быть лучшим, и я сделаю все ради того, чтобы у тебя получилось, но на сегодня тренировка окончена», – прошептал Петер ему на ухо. Парень все еще всхлипывал, когда Петер взял его на руки и понес домой. Он сдержал обещание: в последующие годы клуб под его руководством вырастил из Кевина Эрдаля лучшего игрока за всю историю Бьорнстада, внушил ему, что тот непобедим и никогда не потерпит поражения. Или отказа. Вот кого Петер когда-то взял на руки. Вот кого он принес домой с озера.

Десять лет спустя Петер сидел в больнице со своей пятнадцатилетней дочерью и шептал: «Что я могу сделать?» – а она отвечала: «Люби меня».

Что бы сказал ему на это психолог? Ничего. Петер и без него знал: он виноват во всем, что происходит с его детьми.

Во всем.

* * *

– Мая?

Мая не слышала, она была слишком занята вином, спортом и звуками шайбы, раздававшимися внутри и снаружи. «Мы медведи, – ухмыльнулась она самой себе, спяну не замечая, что скандирует вслух: «Мы медвееееди из Бьоооорнстада...» Она вспомнила, как мама повторяла: «У нас полго-

да – город хоккеистов, которые злоупотребляют алкоголем, а полгода – город алкоголиков, которые злоупотребляют хоккеем». Сейчас Мае остро не хватало и мамы, и города. Во всяком случае, тех, какими они были до того, как все случилось. Теперь все по-другому.

Мая вспоминала, как летом приехала погостить в Бьорнстад и ей на глаза попалась брошюра, напечатанная Фраком, папиным другом детства, чтобы привлечь в клуб новых спонсоров. Она валялась на полу в супермаркете, то ли выроненная, то ли выброшенная. Мая прочитала название несколько раз: «Вложись в “Бьорнстад-Хоккей”, не ошибешься!» Внутри был портрет папы, а рядом – маленькой девочки из детской команды, явно вырезанный из общей фотографии. Мая не сказала отцу, что видела брошюру, но идею поняла сразу. «Бьорнстад» теперь презентуется как клуб этой девочки: раздобыв деньги, он вдруг стал самым продвинутым в плане социального равенства спортивным объединением страны. Мая собиралась пробыть в Бьорнстаде еще пару дней, но выкинула брошюру, поменяла билеты и уехала на следующее утро.

– Мая? – повторил чей-то голос, а другой тут же спросил:

– Это ты? Почему ты не пришла к нам? А сидишь тут, как какая-то... бомжиха?

Мая оторвалась от хоккея и перевела удивленный взгляд на двух одноклассниц. Те нервно захихикали, как будто заглянули в ее компьютер и увидели порно. Прически у обе-

их волосок к волоску, хотя пьяны: за это Мая ненавидела их вдвойне. Они ушли с вечеринки только для того, чтобы перейти через улицу и купить в баре лед. Покупать лед, подумала Мая, что это за планета?

– У тебя все... в порядке? – спросила первая одноклассница с безупречной прической.

– Да-да, я просто устала, хотела побыть одна и подумала... – пробормотала Мая.

– Подумала? – улыбнулась другая, с еще более безупречной прической, словно эти слова были невероятной экзотикой.

Их разговор слышали парни, сидевшие в баре, и тут же вне себя от радости завопили:

– Девчонки! Вы с ней знакомы? Какое счастье! Может, у вас получится развеселить эту зануду?

Одноклассницы презрительно вздохнули, а Мая даже не услышала. Она сделала звук в телевизоре громче.

– Слушай, Мая, пошли к нам, мы... – начали уговаривать одноклассницы, но Мая шикнула на них:

– ТИХО! ПОДОЖДИТЕ!

Телевизионный комментатор как раз говорил, какие тренировочные матчи покажут сегодня вечером, а какие перенесли. «По причине штормового ветра», – добавил он и стал перечислять команды из северных городов. И тут Мая хлопнула себя по лбу, сложила в голове географический пазл. Бьорнстад находится посередине между упомянутыми горо-

дами. Она достала телефон и стала читать новости, руки задрожали, когда она увидела штормовое предупреждение. Вот почему Ана не ответила. А она-то сидит и жалеет себя, пока буря пытается стереть с лица земли ее дом.

– Ты идешь или нет? В смысле на вечеринку, – нетерпеливо спросила первая одноклассница.

– Не понимаю, ты что, смотришь... хоккей? Серьезно? Не думала, что тебе такое нравится! – сказала другая.

Услышав это, один из парней одобрительно хмыкнул и прыгнул с барного стула, причем зацепился шарфом за стойку и чуть не удавился, но во время этой невольной пантомимы все же ухитрился сказать:

– Вот и я о том же! Девчонка и смотрит хоккей! А? Это не спорт, а насилие!

– Точно! – закивала одноклассница.

На этот раз Мая услышала их слова, но не ответила, она смотрела в телефон: «Буря может стать крупнейшей катастрофой в регионе со времен лесных пожаров», – писали на сайте бьорнстадской газеты. Мае показалось, что она в какой-то другой стране. Стоило встать, и вино заплескалось в голове, как в сломанном ватерпасе; сделав два шага, она чуть не упала. Парень, сбросив шарф, выставил руку, чтобы подхватить Маю, но она уже обрела равновесие и врезала ему с такой силой, что парень отскочил – на свою беду, недостаточно быстро. Разъяренная, она шагнула вперед, толкнула его в грудь, и парень повалился назад на стулья. Однокласс-

ники лепетали ее имя и пытались остановить, но, увидев почерневшие глаза, испуганно попятились.

– Насилие? Да что вы знаете о насилии? – прошипела Мая и прошагала мимо них к выходу.

Они были слишком потрясены, чтобы окликнуть ее. На протяжении двух лет они хотели узнать о ней больше. Теперь узнали. Она показала, что она за зверь.

* * *

Петер сидел, облокотившись на журнальный столик и обхватив голову руками, он изо всех сил надеялся, что вот-вот увидит, как возле въезда в гараж зажжется свет. Когда-то он позвал своего друга Хряка помочь установить датчики движения, чтобы свет загорался, как только машина подъезжает к гаражу; Петер говорил, что делает это ради Миры, чтобы она лучше видела, куда едет, но на самом деле он старался ради себя. Чтобы он мог посчитать, сколько она просидит в машине, прежде чем выйти. С каждым разом это занимало все больше времени. Иногда Петер притворялся, что спит, когда слышал, как в замке поворачивается ключ, потому что знал, что Мира на это надеется.

Он отправил ей сообщение. Она ответила кратко, так у них теперь повелось – два-три слова, не больше.

«Собираешься?»

«Да. Вы дома?»

«Да»

«Лео ОК?»

«Все ОК. Ты?»

«ОК»

Но она так и не приехала. Петер немного задремал и, проснувшись, с силой потер глаза, а когда снова открыл их, было по-прежнему темно. Он моргнул – сначала в смятении, потом в ужасе, он на ощупь двинулся по комнате, но споткнулся и упал на диван. И тут его ослепил луч света и слышался голос Лео:

– Пап, ты что тут делаешь? – Он светил на Петера телефоном.

– Ничего! Ты зачем выключил свет? – тяжело дыша, спросил Петер.

Лео хмыкнул:

– Электричество вырубилось на фиг! Ты что, совсем с дуба рухнул?

Петер молча сморгнул. Они с Лео пошли в гараж за фонариками. Взяв один, Лео отправился к себе, но вскоре вернулся. Ему уже четырнадцать, и он уже, конечно, не боится темноты, что за глупости, но раз в жизни-то можно посидеть рядом с папой?

Он играл во что-то на телефоне, пока не села батарейка, потом играл на папином телефоне, пока он не отключился по той же причине. Последнее, что Петер успел прочитать, было сообщение от Миры: «Скоро буду». Он ответил: «ОК» и,

когда экран погас, пожалел, что не добавил: «Люблю тебя».

У себя в общежитии Мая сидела на полу под полками и обновляла новостные сайты в поисках прогнозов погоды и новостей насчет бури. Она то плакала, то звонила Ане, и в конце концов бросила телефон и разрыдалась. Потом думала, не позвонить ли домой, но ведь родители догадаются, что она пьяна, мама разозлится, а папа расстроится. В конце концов она позвонила младшему брату, но у него был выключен телефон.

– Черт, Лео, ответь, ну пожалуйста... – шептала она в темноту, но Лео увидит пропущенные звонки только на следующее утро, когда кончится буря, снова дадут электричество и он сможет зарядить телефон. Он сам позвонит сестре и разбудит ее, чтобы рассказать о случившемся.

– Больше нет? В смысле?... Как это «нет»? – пробормочет Мая, сонная и с похмелья.

Она купит билет на поезд, соберет сумку и поедет на север. Всю дорогу она будет думать о папе.

Мертвые

Дом. Для него должны быть разные слова. Одни – для лица людей, другие – для обиталища тех, кого мы потеряли.

Мира стояла у окна офиса в Хеде и смотрела в темноту, пока буря не нажала на стекла с такой силой, что Миру охватил ужас. Она отвернулась к столу, и тут погас свет. Все это выглядело как террористическая атака. Ударившись коленом о стул, Мира вздрогнула, выругалась и бессильно опустилась на пол. В темноте пустынный офис казался гигантским.

Они с коллегой решили переехать сюда в прошлом году, когда дела пошли в гору и они наняли больше людей; вообще-то помещение было великовато – когда-то здесь располагался вокзал, но Мира влюбилась в него с первого взгляда. Она полюбила старые вещи, хотя раньше мечтала о новом доме и современной мебели, – возможно, это признак того, что она теперь тоже сделалась лесным человеком. Скоро начну ходить на лыжах и перестану спрягать глаголы, с горечью подумала Мира.

Она лежала на полу, закрыв глаза и слушая, как все сильнее дребезжат оконные стекла. Думала, что надо бы поехать домой к Петеру, и стыдилась того, что ей этого хочется недо-

статочно сильно. Знала, что с ней что-то не так, что где-то внутри сидит желание остаться здесь.

Между коротким сном и пробуждением она вспомнила, как недавно Петер сел в машину и поехал к Мае в столичный город, в ее новый дом, чтобы помочь повесить полки в комнате в общежитии. Мира вспомнила, как сидела в офисе и как в ее телефоне дзынькнуло новое сообщение – с фотографией машины на парковке рядом с перекрестком и текстом: «Как думаешь, меня не оштрафуют?» И засмеялась в темноте, так это было глупо. История их любви настолько нелепа, что он на полном серьезе думает, будто она способна определить расстояние в десять метров ПО ФОТО и решить, не слишком ли близко он припарковался. Возможно, поэтому она и открыла свой бизнес – Петер верил, что Мира может все что угодно, и иногда заражал ее своей верой.

Все слишком просто, с горечью думала Мира в промежутке между явью и сном, вот почему ему нельзя рассказать, с какими финансовыми трудностями они сейчас столкнулись. Они потеряли крупных клиентов, и долгов у них выше крыши, но она молчит, потому что боится разочаровать его, ведь он пожертвовал всем. Когда ты молод и влюблен, самое трудное в отношениях – признать, что тебе нужна помощь; а когда прожил в браке половину жизни – признать, что помощь тебе не нужна: ты сам в курсе, какой ты никчемный лузер, и никому этого не сформулировать лучше тебя. Мира читала это в глазах Петера каждый раз, когда его критиковала.

«Без тебя знаю, помощь мне не нужна» – хотелось крикнуть ему, но он молчал. Мира его прекрасно понимала: она и сама ощущала то же самое.

Она любила свой офис, но на беду, здание находилось в Хеде, а не в Бьорнстаде. По этому поводу ей приходилось терпеть молчаливое недовольство Петера, иногда она даже спрашивала себя, не поэтому ли бессознательно выбрала это место? Чтобы еще больше отдалить мужа от хоккея, чтобы его не смогли заманить обратно? Но зачем это ей? Ради кого? Брак это не спасет, хотя, возможно, продлит. Ее не тянуло домой даже во время бури. Что вообще значит «дом»? Здесь, в Хеде, она чувствовала себя дома больше, чем в Бьорнстаде. В кого она превратилась?

Проклятые города, думала Мира, потому что хотела найти виноватых. Проклятые города и их детсадовская зависть и ненависть, из-за которых каждому всякий раз приходится выбирать сторону. Петер, конечно, был не единственным, кому не нравилось, что их офис находится в Хеде; пару недель назад его старый друг Фрак появился здесь вместе с еще четырьмя мужчинами, они подчеркнули, что это «неофициальный визит» и они «не выступают от имени муниципалитета или клуба», а представляют «так сказать, группу заинтересованных лиц». Бьорнстад и их чертовы интересы, думала Мира, слушая, как они бубнят о своем; проклятый город, проклятая игра. В соответствии с прозвищем Фрак вырядился как на парад, на этот раз в полосатый ко-

стюм с галстуком и жилеткой, а остальные явились в экипировке местных ковбоев-предпринимателей: джинсы, рубашки, тесные пиджаки и мания величия. Мира вспомнила слова коллеги, когда они только открывали свое дело: «Единственное, что требуется для бизнес-успеха двум женщинам вроде нас – это в общей сложности десять лет изучения юриспруденции, тридцать лет опыта в профессии плюс самооценка одного посредственного мужчины».

Пятеро мужчин были успешными предпринимателями, спонсорами «Бьорнстад-Хоккея» и бессменными «неравнодушными жителями» из рубрики «Письма читателей» в местной газете. Они столпились вокруг Мириного стола, словно вокруг инсталляции на выставке современного искусства: стол выглядел как мужской, но сидела за ним женщина, и это их завораживало. Один из мужчин подумал, что коллега Миры – ее секретарь, и спросил, нельзя ли ему капучино, на что коллега вежливо ответила, что можно, причем в морду, если не уймется, так что Мире пришлось взять ее за руку, чтобы она не привела угрозу в исполнение. Другой мужчина спросил, будет ли Петер присутствовать на встрече, на что коллега ответила: «Конечно, он как раз готовит прекрасный капучино!» Фрак понял намек и великодушно всплеснул руками:

– Милые дамы, не будем отнимать ваше драгоценное время! – После чего отнял его минут на сорок. – Как-то нехорошо выглядит вот это все, – улыбнулся он, имея в виду, что

Мира, фру Андерсон, супруга бывшего спортивного директора «Бьорнстад-Хоккея», выбрала для своего преуспевающего предприятия офис в Хеде. – Мы, бьорнстадцы, должны держаться вместе. Так ведь? В маленьком городке все друг с другом связаны, Мира, предприятия, политики, жители... – продолжал он, в последний момент удержавшись, чтобы не добавить «...хоккей!», потому что заметил, что коллега Миры взвешивает в руке чашку с кофе, словно примериваясь к броску. Вместо этого Фрак с гордостью, словно собиравшись показать холст эпохи Ренессанса, извлек документ, оказавшийся весьма выгодным договором аренды недавно отремонтированного офисного помещения в Бьорнстаде. Помещение принадлежало коммуне, но Фрак пообещал, что проблем не будет, он договорился о снижении цены напрямую с политиками. – И это временно, ведь через пару лет вы сможете переехать сюда! – На стол легли новые чертежи. – Бизнес-парк «Бьорнстад»! – победно провозгласил Фрак.

Чертовы мужики со своими грандиозными планами, думала Мира, вечно что-нибудь выдумают. За последние годы они уже мечтали об аэропорте, галерее и чемпионате мира по лыжам, а теперь вот это. Новый бизнес-центр по соседству с супермаркетом Фрака, где сосредоточатся все предприятия города, будет построен на деньги коммуны, а в центре внимания окажется Фрак. Возле ледового дворца построят новый спортивный комплекс; Фрак гордо пояснил:

– Мы вкладываем деньги в будущее наших детей, Мира,

все ради них!

Но никогда и ничего не делалось ради детей. Дети были лишь прикрытием. Проект бизнес-парка «Бьорнстад», начиная с имени и заканчивая идеей, был безупречен в своей блистательной глупости. Мира не переставала удивляться, что они не перестают ее удивлять, эти мужики. Фрак истолковал молчание Миры как одобрение и ухмыльнулся, как умеют только мужчины, не замечающие разницы между диалогом и монологом:

– Нам надо держаться вместе, правда, Мира? То, что хорошо для города, хорошо и для нас!

Первым порывом Миры было вышвырнуть Фрака в окно, не открывая его, но, к сожалению, она увидела, что арендная плата, которую предлагал Бьорнстад в лежавшем на столе контракте, вполосину меньше той, что они платят за вокзал в Хеде. Это позволило бы существенно разгрузить бюджет. Даже коллега не знала, в каком плачевном состоянии находятся финансы предприятия, – Мира скрывала это от всех, упрямо полагая, что справится сама. Мира знала, что это не так, но все настолько затянулось, что отступить было поздно. Мира задумалась и, когда коллега посмотрела на нее подозрительно, твердо спросила:

– А теперь, Фрак, скажи, что ты и клуб хотите взамен?

Фрак театрально всплеснул руками, смахнув со стола стопку папок:

– Что мы хотим? Мы ведь должны друг другу помогать,

Мира! Мы же друзья. Почти соседи!

Тут один из мужчин, подавшись вперед, из самых лучших побуждений предложил Мире и ее коллеге «внести свою лепту в общее дело» и пожертвовать «Бьорнстад-Хоккею» сумму, по случайному совпадению равную скидке на арендную плату, о которой Фрак договорился с коммуной.

– Но зато эта сумма дает налоговый вычет как благотворительное пожертвование, наши аудиторы за этим проследят. Сплошная выгода – и нам, и вам!

Так вот в чем дело. Кто бы сомневался. Всегда хитрость, всегда задняя мысль. Махинация за махинацией, и так всегда. Если Бьорнстад – это семья, то ледовый дворец в ней – избалованный ребенок, проедающий все ресурсы.

– Ну... это... просто предложение, – кашлянул Фрак. Было видно, что он предпочел бы не высказывать его напрямую.

Фрак обожал тайны, ему казалось, что они давали ему власть над людьми, и, когда один из мужиков опять открыл рот, это пошло вразрез с его планами. Мужiku не терпелось сделать то, что делают все мужики, когда встречаются таких, как Мира и ее коллега: недооценить их.

– Я вам вот что скажу, скоро в Хеде не останется ни одного предприятия, потому что скоро здесь вообще ничего не останется! Даже хоккейной команды!

Фрак толкнул его в бок, но было поздно – Мира подняла бровь и, улыбнувшись своей самой наивной улыбкой, спросила:

– Правда?

Тут мужик, конечно, не удержался:

– Муниципалитет хочет закрыть «Хед-Хоккей»! В наших краях достаточно одного клуба, поэтому они и пытались столько лет прикрыть «Бьорнстад», но теперь разница налицо: Бьорнстад стал старшим братом, а Хед – младшим. Сечешь? У нас лучшая команда, лучшая экономика и лучшие спонсоры! Поэтому прикроют «Хед-Хоккей», а за ним и все остальное! Бьорнстад стал центром, а Хед – захолустьем, поэтому лови момент и переезжай, а не то скоро денег не хватит! – Мужик загоготал так, что живот заходил ходуном, будто мокрый брезент на ветру.

Фрак натянуто улыбнулся, не глядя на Миру, и смущенно пробормотал:

– Да... но это, разумеется... неофициальная информация. Про хоккейные клубы. Никто не знает, что сейчас идут дебаты, даже... твой муж. – Сказать «Петер» у Фрака не повернулся язык.

Мира с коллегой встали, давая понять, что встреча окончена. Вежливо кивнули – по крайней мере, Мира, – пожали мужчинам руки и пообещали подумать над предложением сменить адрес.

Когда джинсы и пиджаки вразвалочку вышли из офиса, Фрак задержался в дверях и поднял руку в скорбном приветствии Петеру, в одиночестве сидевшему у себя в кабинете за стеклянной дверью. Петер помахал ему в ответ из своей

стеклянной клетки, как лев, потерявший гриву, — глядя на это, Мира почувствовала себя женщиной, потерявшей мужа. Было время, Петер знал все тайны этого леса, а теперь Мира знает о хоккейных клубах больше, чем он. Она стала важнее.

Дверь за Фраком и мужиками закрылась. Мира сидела за столом и смотрела на фотографии. После этого визита Петер стал уезжать домой все раньше и раньше, чтобы забрать Лео, а Мира возвращалась с работы все позже и позже, а заехав в гараж, сидела в машине все дольше и дольше. Петер сам захотел устроиться к ней на работу, но, может быть, он сделал это, потому что думал, будто этого хочет она, а она теперь и сама не знала, чего хочет. Самое невыносимое в браке то, что если делать все правильно, то до конца никогда не переделаешь.

Петер не виноват, что так получилось, и Мира тоже не виновата, просто фирма стала развиваться слишком быстро. Когда он поступил на работу, Мира пообещала, что он будет заниматься «человеческими ресурсами» и решать «вопросы с персоналом»; все шло хорошо, пока сотрудников было немного, но теперь их количество выросло и он превратился в самого слабого игрока, которого перевели в дивизион повыше, а он не дотягивал. У остальных было образование и опыт, а он был женат на шефине. Мира пыталась сгладить его недостатки, давая важные задания со всякой бумажной работой, но дела шли все хуже и хуже. Не то чтобы Петер съезжился на фоне ее успеха, просто она выросла так, что ря-

дом с ней он казался меньше.

– Скоро тебе придется открыть фальшивую фирму и нанять фальшивых сотрудников, чтобы он поверил, будто работает по-настоящему, – недавно подколола ее коллега.

– Не настолько все плохо, – ответила Мира.

Коллега пожала плечами. Она так часто подтрунивала над Петером, что он решил, будто та его ненавидит, чем в конце концов вызвал у нее сочувствие. Начав работать у Миры, он впервые в жизни пришел на работу в галстук, это стало настоящим испытанием – каждый раз он завязывал его так, что получалось слишком коротко либо слишком длинно. Тогда Петер стал носить галстук с готовым узлом, и коллега Миры, увидев торчавшую из-за воротника рубашки липучку, воскликнула: «Я и не знала, что *такие* бывают взрослых размеров!» Петер, покраснев, стал оправдываться, что это не детский галстук, его называют «галстуком безопасности», такие носят телохранители, чтобы их не могли задушить. Коллега просияла: «Телохранители? Как Кевин Костнер в том фильме?» Петер слишком поздно понял, что совершил ошибку, теперь коллега, проходя мимо его кабинета, всякий раз напевала «*I will always love youuuu*», для этого она каждый день находила невероятное количество поводов, учитывая, что ее кабинет находился в другом конце здания. Мира делала вид, будто не замечает, как Петер упражняется с галстуком каждое утро, но тот все равно получался то слишком длинным, то слишком коротким. В ее мире Петер так и не освоился.

На днях коллега посмотрела Мире в глаза и сказала:

– Знаешь, из опыта общения с мужчинами я усвоила, что большинству из них нужно от женщины две вещи: чтобы она повышала их самооценку и чтобы оставила их в покое. Обычно мужчина глупеет либо потому, что у него низкая самооценка, либо потому, что ему не хватает воздуха. Но в чем дело с Петером? Черт, ты оставила его в покое слишком долго...

На это Мира отрезала, что экспертиза коллеги, не способной удержаться ни в одних отношениях, даже если посадит их на клей, оставляет сомнения. Коллега возразила, что, хоть Мира и замужем целую вечность, проблемы это не решило. Тогда Мира, зажмурившись, злобно прошипела:

– Черт, неужели и до этого дошло?

– До чего?

– Даже ты на стороне Петера.

Коллега долго молчала, а потом честно ответила:

– Я ничего не смыслю в браке. Но не думаю, что в семье должны быть стороны.

Черт, думала Мира, лежа на полу в офисе. Черт. Черт. Черт!

Она знала, что думают все остальные: почему бы ей не отпустить Петера в клуб? Не позволить снова работать в хоккее?

Но она знала, чем это кончится, она прожила его интересами половину жизни. Этому клубу нельзя уделить *немного* внимания — он монстр, он сжирает отношения без остатка, как ревнивый любовник. Хоккею всегда мало, ты всегда не дотягиваешь, но и в жизни за пределами ледового дворца все то же самое.

Два года назад, когда с Маей случилось самое ужасное, Мира и Петер на время забросили Лео. У сына завелись новые друзья, худшего пошиба, из числа парней в черных куртках, провоцировавшие в нем самое темное. Мира и Петер поняли, что будет с Лео, если оставить его наедине с собственными демонами и импульсивной натурой. И пообещали друг другу, что один из них будет проводить дома больше времени. И следить за сыном.

Разве это не справедливо? Разве Мира не выполняла свой долг столько лет? Не пришла ли ее очередь как следует поработать? Она раз десять начинала писать сообщения Петеру, но стирала и наконец отправила два слова: «Скоро буду». Мира надеялась, что Петер перезвонит и крикнет в трубку, что она врет, но в ответ пришло лишь: «ОК».

Черт.

В ящике письменного стола лежал фонарик, но Мира его не взяла. Дождь барабанил в окна, ее лицо освещал лишь телефон, в котором она листала фотографии детей, накопив-

шиеся за долгие годы: дни рождения, игры в снежки, воскресные коньки на заледеневшем озере. На вид идеальная семья, неужели так было на самом деле?

Мира задремала, свернувшись калачиком на ковре, но по-настоящему не заснула. Постепенно она привыкла к шуму и грохоту за окном и перестала вздрагивать. Она не услышала, как в офис вошел Петер, он умел так тихо подкрасться и так осторожно дотронуться. Мира почувствовала на затылке его дыхание, а на талии – грубые ладони и криво сросшиеся пальцы, переломанные в больших и маленьких ледовых дворцах. Она улыбнулась, зажмурившись еще сильнее, она боялась открыть глаза и увидеть, что это сон.

– Обязательно лежать на полу? – наконец шепнул он ей на ухо.

– Что? – пробормотала она.

– Обязательно лежать на полу, родная? – повторил он.

Мира не знала, обнять его или наорать, поэтому просто спросила:

– Как ты сюда попал?

– Пришел.

– Пришел?

– Ну да. С фонариком, через лес.

– Почему, Петер?

– Лео у соседских детей. Я не хотел оставаться один.

– Ты псих, – сказала Мира, крепко сжав его руку.

– Знаю, – сказал он, и она почувствовала щекой, как его

губы растянулись в улыбке.

Они лежали и слушали ветер, и Мира впервые за долгое время подумала, что, возможно, еще не поздно все исправить. Она скользнула в сон. И забыла обо всем.

Проснулась она оттого, что звонил телефон. Растерянная и заспанная, она резко села на полу и увидела за окном рассвет. Неужели она была настолько измотана, что проспала бурю? Телефон все звонил и звонил, ее сердце вспорхнуло к потолку и обрушилось вниз, когда она увидела на экране имя Петера. Он сюда не приходил. Мира хотела сказать ему столько всяких вещей, но, когда он ответил, не смогла выговорить ни единой. Никто, кроме нее, отродясь не слышал, как плачет Петер, – если в детстве тебя били, привыкаешь сдерживать слезы, но только не с Мирой. Перед ней Петер притворяться не мог.

– Умерла? Как... умерла? – только и могла сказать Мира, ведь такие не могут умереть. Она – нет!

Через несколько дней после бури Петер будет стоять в спальне и завязывать галстук, чтобы на похоронах тот был идеальной длины. Спрятавшись за дверью, Мира так и не сможет вздохнуть так глубоко, чтобы прервать тишину. Той ночью лес потерял не только множество прекрасных деревьев, но и одного из лучших своих людей.

Темные стороны

Меньше чем через час Фатима будет лежать в канаве, но пока она убирала в ледовом дворце. Еще немного, и она станет женщиной средних лет; выглядела она гораздо моложе, но чувствовала себя значительно старше, когда потирала спину во время уборки трибун. Спина болела, но Фатима это скрывала, она умела хранить тайны – и свои, и чужие. Она убирала весь ледовый дворец снизу доверху, каждый день, без исключений. Фатима не жаловалась, она благодарила, благодарила всегда и за все. За работу, за город, за страну, которая приняла их с сыном, благодарила за все эти годы. Она была бесконечно благодарна за все, что сын получил. За то, кем стал.

– Фатима! – снова окликнул ее вахтер, он весь вечер кричал, чтобы она шла домой, пока буря не разыгралась по-настоящему и пока ходят автобусы в Низину.

Фатима не бросала дело недоделанным, старик это знал, но не умел проявить заботу иначе. Однажды он в шутку сказал, что в хоккейном клубе происходит много хорошего, но нет ничего лучше, чем когда тебя принимают как данность. Мысль, конечно, красивая, – майки вахтеров и уборщиц не развешивают под потолком ледового дворца в конце их ка-

рьеры, но сами они задерживаются там дольше, чем кто бы то ни было. Тренеры и игроки приходят и уходят, за пару сезонов может смениться вся команда, но персонал неизменно выходит на работу начиная с понедельника. Пока они хорошо делают свое дело, никто их не замечает. И только когда в один прекрасный день они вдруг исчезнут, их хватятся; и то не факт.

В тот день, когда будут хоронить Фатиму, мало кто вспомнит, кем она была, кроме как мамой Амата. Того самого, который должен был стать лучшим. Это единственное, что имеет значение в хоккейных городах.

* * *

Ветер стучал в дверь, но вахтер не обращал внимания. Его так просто не напугаешь, уходить он не собирается.

– Иди домой, глупая женщина! Завтра уберешься! – кричал он, стоя внизу у борта.

– Один ты у нас тут по-настоящему вкалываешь, старик! – ответила Фатима с трибуны.

– Старик? Да иди ты, знаешь куда!

– Ой, заткнись!

Если Фатима и повышала на кого-нибудь голос, кроме своего сына, так это на вахтера. За долгие годы «глупая женщина» и «старик» успели стать добрыми друзьями; он работал здесь целую вечность, а когда пришла Фатима, никто

уже и не помнил, со временем они стали понимать друг друга с полуслова и обмениваться понятными только им незамысловатыми шутками. Недавно вахтер увидел фотографию памятника из другой части страны, под которым среди прочих были высечены слова: «Рукой, загрубевшей от работы, и нежной от любви...» И подумал о Фатиме.

– Эй, ты там пятно пропустила! – крикнул он.

– С твоей глаукомой везде пятна мерещатся! – отозвалась она.

Вахтер расхохотался – добиться этого удавалось немногим. Говорят, что истина глаголет устами младенцев и пьяниц, но если вы приедете в хоккейный город и захотите узнать о нем всю правду, идите в ледовый дворец и спросите вахтера. Единственная проблема в том, что он вам ничего не расскажет, потому что в хоккейных клубах внутри – простор, а дверь на запор, и вахтер к этой поговорке относится очень серьезно. На его веку менялись тренеры и члены правления, он застал времена, когда клуб был вторым по величине в Швеции и когда он чуть не разорился два года назад. В нужный момент вахтер закрывался на складе и включал станок для точки коньков, чтобы не слышать, как в коридорах спонсоры и политики проворачивают мутные делишки: он ходил в школу ровно столько, сколько нужно, чтобы уметь считать и понимать, что ни один клуб в мире не выжил бы, если бы соблюдал все правила бухгалтерии, – хочешь жить, умей вертеться. И молчать. Вахтер навидался в

ледовом дворце и сказок, и катастроф, на его глазах мальчишки превращались в мужчин, а мужчины становились звездами, но сияли недолго. Он видел, как маленький Петер приходил из дома весь в синяках, но никогда не жаловался, видел, как он стал капитаном лучшей команды клуба, махал ему, когда тот уезжал в Канаду, чтобы играть в НХЛ, и встречал его, когда Петер вернулся домой и стал спортивным директором клуба. Еще пару сезонов назад вахтер, не задумываясь, назвал бы Петера лучшим игроком за всю историю «Бьорнстад-Хоккея». Но пришел Аमत. Говорят, что «игрок рождается за одну ночь» и «появляется из ниоткуда», – но это не так, каждый день своей жизни Аमत боролся за право быть лучшим, иначе нельзя, если ты ребенок из бедной семьи в ледовом дворце, принадлежащем богатым. Ты должен быть лучшим. Вахтер знал, если любить клуб так долго, как он, под конец тайн для тебя не останется.

Когда много лет назад Фатима приехала сюда с маленьким сыном из другого полушария, она впервые в жизни увидела ледовый дворец и сразу поняла, что независимо от того, какой твой родной язык, на местном диалекте самое важное слово «хоккей». Вахтер и Петер лично проследили за тем, чтобы Амату выдали коньки: для того, кто хочет побыстрее влиться в местную среду, это куда нужнее уроков шведского языка. Мальчик подрос, и вахтеру пришлось поплатиться за свое доброе сердце, когда Аमत тренировался до рассвета и после заката, и его рабочий день удлинился по меньшей

мере на четыре часа. Когда Алат попал в основную команду, вахтер и Петер гордились не меньше Фатимы. «Шустрый, как кот из мешка», – хохотал вахтер, а у Фатимы внутри все взрывалось всякий раз, когда сын забивал гол. Мальчикам не понять, какими их видят мамы. Им пока не пришлось ни с кем делить свое сердце.

Им не понять, как мамы страдают из-за их неудач, – наши разбившиеся мечты способны причинить больше боли тем, кто нас любит, чем нам самим. Фатима любила осень, вахтер с Петером объяснили ей, что год в Бьорнстаде начинается вместе с хоккейным сезоном. Этот год так и не начался, – ни для нее, ни для ее сына.

Никто не знал, что с ним случилось, даже вахтер. Ему не хватало смелости спросить Фатиму напрямую, но он видел по глазам, что внутри у нее что-то сломалось. Весной Алат был главной звездой клуба, он вот-вот должен был выиграть всю серию, но получил травму, и последние матчи команда провела без него, после чего они проиграли и не поднялись в турнирной таблице. Уже тогда пошел слух, будто травма эта не настолько серьезная, просто Алат не хочет рисковать, НХЛ для него важнее, чем Бьорнстад. От этой мысли вахтер весь кипел. Да ни один человек на свете не выкладывался за Бьорнстад так, как Алат! Этот город – самый прекрасный и проклятый на свете.

Алат принимал слухи близко к сердцу, Фатима тоже, вахтер это видел, хотя она об этом не говорила. И теперь его

мучил тот же вопрос, что и всех: что случилось с Аматом на драфте НХЛ прошлым летом? Его не взяли, это все знали, но почему? Когда он вернулся домой, пошел слух, будто он снова получил травму, потом стали говорить, что это просто оправдание; но почему он должен оправдываться? В начале прошлого сезона в команде Бьорнстада Агат не появился, но и с другими клубами контракта не подписал. Он сидел у себя дома в Низине. И был самой волшебной сказкой этого города, а скоро станет самой непостижимой загадкой, и за всем этим стоит его мама, готовая за него умереть.

Посмотрев на пустую арену, вахтер вздохнул с грустью человека, не имеющего внуков. Ветер колотил в двери ледового дворца, пока вахтер не понял, что это не ветер. Снаружи кто-то кричал.

* * *

– Я УЖЕ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ СТУЧУ!!! – заорал Фрак, когда дверь распахнулась и чуть не сбила его с ног.

– БЭМБИ? ТЫ ЧТО ТУТ ДЕЛАЕШЬ В ТАКУЮ ПОГОДУ, ДУРЕНЬ? – недовольно крикнул вахтер.

Вахтер был единственным, кто звал Фрака Бэмби, он работал здесь так долго, что помнил, как однажды, тридцать лет тому назад, один шутник вырезал из дерева фигурку вахтера, сидящего на ледозаливочной машине, прикрепил к ней свирепый бабл и поставил в церкви позади рождественского

вертепа так, чтобы вахтер как бы кричал Иисусу с родителями и волхвами: «ПРОЧЬ С ДОРОГИ. НЕ ТО ОБОЛЬЮ!» Вахтер, разумеется, сразу нашел шутника, потому что от такого не скроешься, но не сказал даже пастору. Внутри простор, но дверь на запор. Когда шутник в следующий раз играл матч, вахтер устроил ему ответный розыгрыш: наточил коньки криво, так что ноги разъезжались в разные стороны, и всякий раз, когда мальчик падал, сидевший на трибуне вахтер кричал: «Бэмби!» Теперь шутника все зовут Фраком, но вахтер не дает ему забыть старую кличку. Мальчик вырос в толстого средних лет торговца продовольственными товарами, но для вахтера он навсегда останется желторотым юниором.

– ФЛАГИ!!! ПОМОГИ МНЕ СПУСТИТЬ ФЛАГИ!!! – задыхаясь, кричал Фрак.

– ТЫ ПРИПЕРСЯ СЮДА В ТАКУЮ БУРЮ РАДИ... ФЛАГОВ?!! – прошипел вахтер.

У Фрака всегда были странные предпочтения, но это уже чересчур.

– Они слишком большие!!! Будут рваться от ветра и сломают флагштоки!!!

Только теперь вахтер заметил, что из руки у Фрака течет кровь. Он затащил его внутрь и проворчал:

– Если тебе будут делать лоботомию, предупреди, чтобы у врача не было аллергии на пыль. Я тебе что говорил, когда ты покупал эти флаги? Помнишь? Что они слишком большие!

Я же говорил, что...

Хотя оба были в помещении, Фрак продолжал орать, словно ветер его оглушил:

– ДА-ДА!!! ТЫ БЫЛ ПРАВ!!! ТОЛЬКО ПОМОГИ МНЕ!!!

Вахтер был так огорошен этим безоговорочным признанием, что сразу перестал злиться.

– Ага, значит, так... – пробормотал он и пошел за бинтом для Фрака и за ножом для веревок на флагштоке.

Вот что занимало двоих мужчин во время бури. Идея, безусловно, идиотская, но иногда в идиотизме проявляется высшая логика. Флаги следовало спустить, чтобы на следующий день их можно было поднять. Где-нибудь в другом месте такие вещи не имеют значения, но здесь они важны. Пока рядом с ледовым дворцом реют флаги, все знают, что он открыт, пока он открыт, жизнь продолжается, а утром после бури это самое главное. Пусть вахтер был упертый, а Фрак – недалекий, но это понимали оба. Фрак жил ради Бьорнстада. На коньках он катался скверно еще до того, как вахтер их криво наточил, но все же ухитрился попасть в основную команду, главной звездой в которой был Петер, а Фрак умел только исподтишка щипать противников, провоцируя драки и удаления. Когда однажды зимой в минус двадцать в Бьорнстад приехала команда с юга, Фрак уговорил вахтера выключить им отопление в раздевалке, а потом, улучив момент, спрятал их снаряжение на складе и поломал клюшки – чем

хуже приемы на льду и за его пределами, тем лучше. Спросите Фрака, и он вам ответит: «Не веришь, что я был звездой команды и забил все шайбы? Правильно делаешь! Но если не можешь делать то, что хочешь, делай, что можешь. У нас маленький клуб в крошечном городке, и, если мы будем играть как в столичном городе, нам хана!» Затем ухмыльнется: «Стыдно? Стыдно – если видно! Ты хочешь победить или нет?» В общем, отношения у вахтера и Фрака были долгие и непростые. Вахтер, как и все в Бьорнстаде, ненавидел обман, но любил побеждать.

Когда хоккейная карьера Фрака закончилась, он перешел, по выражению местной газеты, в «невидимую элиту». Про невидимую это они загнули, да и неслышимой ее тоже не назовешь: Фрака вытурили из всех охотничьих команд города, потому что на охоте он распугивал всю дичь. Он бывал в ледовом дворце каждый день, хотя официально ни за что там не отвечал. Приходил он главным образом поругаться с вахтером из-за расписания тренировок, которое он всегда норовил переделать в пользу команды, где занимались дети из богатых семей – их родителей Фрак пытался уговорить спонсировать клуб. Вахтер со вздохом отбирал у него ручку, когда тот сбивался в подсчете часов: «Неудивительно, что человек, который не умеет считать, стал бизнесменом, ты ведь и на коньках еле стоял, а играл в основной команде...»

Но в конце концов они, несмотря ни на что, договаривались, потому что оба хотели одного: процветания клуба.

Всегда. Фрак постоянно обещал вахтеру, что скоро построят бизнес-парк «Бьорнстад», куда войдет новый суперсовременный спортивный комплекс рядом с ледовым дворцом, и уж там найдется время для всех. Недалекий Фрак был вездесущим, к сожалению или к счастью. Официально Рамону пригласил в правление клуба Петер Андерсон два года назад, но идея принадлежала Фраку, чем тот заслужил безмерное уважение вахтера. Да и самой Рамоны, хотя она в этом так и не призналась. Как-то раз в баре «Шкура», после одиннадцати, а возможно, двенадцати кружек пива она в порыве откровения сказала вахтеру: «Люди думают, будто Фрак любит команду. На самом деле он команду не любит. Он любит клуб. Команду может любить кто угодно, это эгоистичная любовь, требовательная, обидчивая и недолговечная... а вот любовь к клубу, к целому клубу – от малышовой команды до профи и до каждого гвоздя в стенах, которые держат вместе ледовый дворец и людей... такая любовь не для эгоистов!»

– МОЛИСЬ, БЭМБИ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ЗРЯ СТАРАЛИСЬ! – крикнул вахтер, когда они спустили все флаги; теперь его руки тоже были в крови.

– ДАЖЕ НЕ СОМНЕВАЙСЯ! – проорал Фрак, перекрикивая ветер.

На самом деле он не был так уж уверен в своих словах, но время покажет правоту Фрака, хотя и в другом смысле.

После бури все флагштоки останутся целы. Наутро Фрак и вахтер снова поднимут флаги. Но только до середины.

19

Крики

Говорят, плохие новости распространяются прежде хороших – о том, что кто-то умер, узнают быстрее, чем когда кто-то родился, но если ты спросишь об этом Рамону, она только фыркнет в ответ: «Бред. Просто умирают у нас теперь чаще, чем рождаются, похорон больше, чем крестин». Уж Рамона-то знает, «Шкура» – общее место встречи и бюро переписи населения одновременно, за этой барной стойкой празднуют и оплакивают все великие изменения в городе. Праздновать большинство научилось крепко, в два раза крепче, чем оплакивать, – для компенсации, поэтому в последние годы хоккей здесь полюбили больше, чем когда бы то ни было. Бьорнстад снова стал городом победителей, здесь живут, а не умирают.

Если ты считаешь, что это перебор, спроси Рамону – правда ли хоккей настолько важен, и она ответит: «А что в этой жизни вообще важно?» Ей не так часто дают слово на поминках, увы, но в том, что она говорит, есть доля правды.

Ходит у нас байка про туриста из большого города, который как-то летом был здесь проездом и припарковался возле «Шкуры». Увидев в окне телевизор, он поспешил внутрь с вопросом: «Можно у вас посмотреть футбол?» Тем време-

нем на экране транслировалась потрескивающая запись хоккейного матча лохматых времен, в баре сидела небольшая компания дедушек, которые явно смотрели его не впервые и наперебой предсказывали, что сейчас будет. Рамона вытаращилась на туриста из-за стойки: «Футбол? Какой еще футбол?» Тот воскликнул со смесью удивления и восторга: «В смысле какой? Сейчас финал чемпионата мира!» Рамона пожала плечами: «У нас в городе существует только хоккей. Заказывать будешь? Здесь тебе не общественный транспорт, чтобы стоять даром с дурацким видом».

Это всего лишь байка – может, выдумка, а может, и правда. «Шкура» – место, которое так или иначе многое говорит о Бьорнстаде и его обитателях, об их месте в мире и представлении о нем. Расположена «Шкура» на равном расстоянии от фабрики и ледового дворца, и большинство ее посетителей проводит жизнь между этими тремя точками. А то, что «Шкура» была здесь еще до того, как образовался город, что его стали строить вокруг этого кабака, как вокруг колодца, так это старая байка, которую со временем стали считать правдой. Два года назад здание бара сгорело почти дотла, и теперь, после того как его восстановили, местные шутят, что после пожара пахнет там лучше, чем прежде.

Стены бара увешаны фотографиями хоккеистов. Бывали сезоны, когда одни из них, такие как Беньи и Видар, проводили больше времени в «Шкуре», чем в ледовом дворце, и этим все сказано. Другие, такие как Аमत, вообще ни разу

здесь не бывали, и это тоже говорит само за себя. В сердце Рамоны всегда было место для тех, кто добился успеха, но для тех, у кого дела ни к черту, в ее сердце места было гораздо больше.

«Шкура» располагалась на цокольном этаже, сквозь ее маленькие окна виднелось только небо. Зато если, распахнув дверь, встать на крыльце, где обычно курила Рамона в дрянную погоду, когда на улице даже не прикуришь, оттуда откроется вся дорога до входа в ледовый дворец, украшенного флагштоками. Рамона никогда не призналась бы Фраку, но флагштоки со временем стали ей нравиться, и всякий раз, отправляясь на встречу правления и проходя по аллее с флагами, она замедляла шаг, с наслаждением предвкушая, как доведет до ручки этих мужиков в конференц-зале.

Но сейчас флаги кто-то снял, а курить на крыльце не позволяла буря, поэтому сегодня вечером Рамона курила в доме. Открой она дверь, ту бы наверняка сорвало с петель. Поэтому Рамона не заметила, как Фатима вышла из ледового дворца и, постояв на остановке возле шоссе, в одиночестве двинулась пешком в Низину. Не увидела Рамона и четырнадцатилетнего мальчика, который весь вечер слонялся по городу. Она не услышала, как Маттео стучит в ее дверь и просит о помощи, иначе бы непременно открыла. Каких только идиотов она сюда не пускала, даже туристов, которые любят футбол, и у нее, конечно, нашлось бы место для замерзшего и испуганного подростка. Просто она его не заметила.

Но Маттео запомнит этот момент по-другому, в голове у него останутся лишь эти простые слова.

«В этом городе есть только хоккей».

20

Коты

Напоследок Фатима убрала верхний этаж ледового дворца, раньше там находились кабинеты работников клуба и правления, но теперь их вытеснили в маленькие закутки в глубине. Большую часть этажа отдали под новый детский сад. Дети в наших краях встают на коньки раньше, чем начинают ходить, – это, собственно, все, что вам следует знать об отношениях города и хоккея: спорт толкает жизнь вперед. Ничего не поделаешь.

В последнее время Фатима избегала людей в супермаркете – все спрашивали, что с ее сыном, а она не могла ответить. Прошлой весной все было как во сне: он выигрывал и его боготворили, потом он получил травму, и все в нем разочаровались. Затем он поехал в Северную Америку, чтобы принять участие в драфте НХЛ – Фатима едва понимала, что это такое. Они сидели за кухонным столом, и Аamat объяснял ей, как взрослый ребенку: «Понимаешь, мама, НХЛ – это лучшая лига, там, в Северной Америке, играют профессионалы. Каждое лето лига устраивает драфт, там из команд выбирают двести молодых игроков, которым дают шанс проявить себя в НХЛ. И я могу туда попасть. Как Петер!» Аamat пообещал, что, когда подпишет свой первый контракт, купит

маме большой дом на Холме и «мерседес». Фатима засмеялась: «Зачем они мне? А вот новая посудомоечная машина и немного покоя не помешали бы».

Весной планы у Амата были такие грандиозные, что они не помещались в их тесной квартирке. Все, что от них осталось, – сломанная посудомойка. Он заперся у себя в комнате и несколько месяцев оттуда почти не выходил. Что она за мать такая, если не может ответить на вопросы о том, что с ее сыном? Вахтер научил ее, что в хоккее не принято уточнять характер травмы, иначе в будущем противник использует эту информацию, чтобы ударить в больное место, – говорят только «травма нижних конечностей» или «травма верхних конечностей». Но Фатима даже не знала, что у Амата за травма. Что у него разбито – нога или сердце?

Она погасила свет, вышла на трибуну и, сдерживая слезы, посмотрела на арену. После Амата придут новые игроки, они будут возноситься на вершину успеха и падать, только льду все равно. Со стороны можно подумать, что достаточно взглянуть на улыбку подростка, которого выбрали на драфте НХЛ, и ты поймешь все о детском спорте, но каждый год Фатима видела сотни родителей, проводивших в ледовом дворце тысячи часов и надеявшихся, что это случится именно с их подростком. Они приезжали сюда на взводе и уезжали в изнеможении, потели в автомобилях и мерзли на трибунах, отдавали половину состояния на членские взносы, а другую половину выкладывали за снаряжение и при этом продава-

ли лотерейные билеты и торговали в киоске клуба на общественных началах. Им приходилось тратить все свое время, никогда не жаловаться, вытирать коньки, слезы и задницы. Без этого никуда. Родители должны принести себя в жертву во имя мечты, но если ты действительно хочешь понять, что такое детский спорт, тебе недостаточно знать имена победителей. Тебе нужно знать тех, кто был на самом пороге победы.

Фатима окинула взглядом лед от борта до борта, вспоминая, как между ними летал Алат. «Шустрый, как кот из мешка, – говорил вахтер. – Далеко пойдет». Значит, станет настоящим хоккеистом, думала Фатима. «Далеко пойдет» – будет зарабатывать на игре. В местных краях это не просто игра, и зарабатывать на ней начнет не только Алат, а все. «В хоккее ничего не бывает бесплатно, мама, хоккею нужно отдавать себя целиком!» – говорил маленький Алат и был прав. Все детство он играл в подержанном снаряжении. Они всегда зависели от благодетелей, вроде Петера Андерсона. «Это не благотворительность, а инвестиции», – из самых добрых побуждений поправлял ее Петер, но, когда Алат стал лучшим, Фатима поняла, что это значит: теперь все захотели получить свои дивиденды.

Сморгнув слезы, она вдохнула поглубже и зажмурившись двинулась к выходу. Увидев ее, вахтер посмотрел в окно и, немного поколебавшись, осторожно сказал:

– Слушай, здесь сейчас Фрак, я могу попросить его под-

бросить тебя до дома...

– Мне от него ничего не нужно, доеду на автобусе, – ответила Фатима.

Ненависти в ее голосе не было, лишь что-то близкое – все, на что Фатима была способна. Вахтер попытался уговорить ее, но тщетно. Вздыхнув, он молча проводил ее взглядом.

Фрак стоял у входа, взъерошенный, с окровавленным рукавом. Они чуть не столкнулись, Фрак в последний момент отпрыгнул в сторону, и Фатима прошла мимо прежде, чем он успел открыть рот. Она знала, он хочет спросить, как себя чувствует Абат, все в городе хотели это спросить, но на самом деле им было все равно. Им плевать, как он себя чувствует. Они хотят знать одно: может ли он играть, может ли побеждать, можно ли использовать его в своих брошюрах. Но даже его мама не знала, что он теперь может, а чего нет.

Фатима шла к остановке нагнувшись, против ветра, шаг вперед, полшага назад. Она долго ждала автобус, но он так и не пришел. В бурю город опустел. Фатима могла бы вернуться и, несмотря ни на что, попросить Фрака подбросить ее до дома, но она скорее умрет, чем обратится к нему за помощью. И она отправилась в долгий путь до Низины пешком по шоссе, совершенно одна. Ветер рвал ее волосы, когда она перебежками пробиралась вперед. Ноги болели непрерывно, а в спину боль впивалась внезапно, без предупреждения, иногда с такой силой, что Фатима чуть не падала.

Деревья склонились над дорогой и заслонили небо, и Фа-

тима вспомнила, как боялась местной природы, когда они переехали в Бьорнстад. Ветер, мороз, лед и бесконечный снег – казалось, все это только ждет своего часа, чтобы тебя убить; было так холодно, что Фатима не знала, переживет ли зиму. Теперь эта природа для нее – самое прекрасное, что есть на земле. У нее до сих пор захватывает дух при виде снега, такого белого, что через несколько секунд глаза слепнут; при виде льда, такого блестящего, что, если стоять у озера рядом с ледовым дворцом, бесконечный горизонт сливается с небом. Голова идет кругом от этого дымчатого пейзажа, в лесу тишина такая, будто уши забиты ватой, будто деревья поглотили все звуки мира. Поначалу ей нравились здешние люди, а от здешней природы она старалась защитить сына, теперь все стало наоборот.

Фатима остановилась на обочине. В глубине души она понимала, что этого делать не стоит, это опасно, надо идти домой, пока буря не разгулялась еще сильнее. Но ноги больше не слушались, спину опять прихватило, легкие перестали дышать. Она была на полпути между ледовым дворцом и Низиной, предстоял самый тяжелый отрезок пути – только асфальт и одиночество. Она уперлась ладонями в колени, хватая ртом воздух, и думала о хоккее. Ничего удивительного, ведь когда человеку страшно, он вспоминает счастливые моменты, а ее счастливые моменты те же, что у Амата. Сыновьям этого не понять.

Амат был так похож на своего отца – тот же мягкий голос

и решительный взгляд. Счастье и проклятье Фатимы в том, что всякий раз, когда ее наполняла гордость за сына, ей делалось больно. Отец Амата умер до того, как они сюда переехали, он так и не увидел, как сын добился успеха в спорте, о существовании которого его папа и не знал, – мальчик родился в городке рядом с пустыней, но обрел свой дом среди льда.

Сама виновата, думала Фатима, ведь это она учила его быть благодарным за все. Этот город сломал его, но она сама рассказала ему, как позволить себя сломить. «Мы должны быть благодарны», – повторяла она, пока эти слова не превратились в незримые татуировки изнутри век у сына. Он стал лучшим, и она была счастлива, потому что к нему наконец-то стали относиться так, будто здесь и правда его дом. Будто это его клуб, его город, его страна. Тогда Фатима еще не знала, что тяжелее предрассудков Бьорнстада только его ожидания. Аमत по-прежнему всего лишь мальчишка, он живет на земле восемнадцатый год, но хоккей уже взвалил на него непосильную ношу, которую и взрослый мужчина вряд ли потянет.

Еще несколько лет назад он казался слишком маленьким и слабым для хоккея, последнее хуже всего, в здешних краях быть слабым нельзя. Петер тогда утешал Фатиму, рассказывал ей историю о том, как сам стоял накануне самого крупного матча в истории Бьорнстада в раздевалке и кричал: «Пусть у них есть деньги, зато у нас есть хоккей!» То, что другим ка-

жется слабостью Амата, на самом деле его сила, считал Петер: Абат был мягким, он ездил на коньках не напрягаясь, поэтому научился быстрее других. Возможно, это и так, думала Фатима, а возможно, ему просто приходилось уворачиваться от остальных мальчишек, которые были вдвое больше и пытались его прикончить. Это жестокий спорт, и она так и не смогла привыкнуть ни к маленьким медведям на льду, ни к большим за его пределами – именно так выглядели отцы мальчишек, когда собирались на матчах вокруг ворот и кричали: тяжелые и неповоротливые с виду, но быстрые и безжалостные, едва ты оказываешься в их поле зрения. Она давно поняла, что хоккей здесь – привилегия высшего общества, ты станешь хоккеистом, только если родился в правильной семье. Поэтому они изобрели множество традиций и ритуалов, отдельный язык со множеством специальных понятий, чтобы уже в детской команде отделить своих от чужих. Однажды Фатима услышала, как один из мужчин пошутил: «В этом спорте слишком много спорта!» – и сразу поняла, что он имеет в виду. Им мало просто спорта, они хотели изощренной игры, в которой можно купить место себе и своим детям.

Фраза была сказана Фраком, который за все время ее работы едва ли перемолвился с Фатимой парой слов, пока Абат не попал в лучшую команду клуба. С того момента он вдруг начал давать ей советы «на будущее», рассказывать, «что для мальчика лучше», обсуждать НХЛ, агентов и кон-

тракты. Может, Фатима и не знала всех этих красивых слов, но одно она поняла сразу: Фрак думает, будто ее мальчик принадлежит Бьорнстаду. Фрак напечатал брошюру с фотографией Амата и слоганом о том, что вложивший деньги в Бьорнстад не ошибется, и здесь вдруг пригодился факт, что Абат – выходец из Низины. Фрак даже хотел сфотографировать, как Фатима и Абат собирают на трибунах пивные банки, – он слышал, что они занимаются этим, чтобы наскрести денег на аренду квартиры, но вахтер, узнав об этом, орал на него так, что стекла в окнах гремели на весь ледовый дворец. А Фатима ничего не сказала, она старалась быть благодарной, хотя это становилось все труднее.

Фатима открыла глаза. Она сидела на корточках на полу пути между ледовым дворцом и Низиной. Уперевшись пятками в землю, она медленно встала и снова пошла, но сил не было. Ветер налетел сзади, толкнул ее в спину, она попыталась удержаться на ногах, но не смогла и плашмя упала в канаву. И так и лежала, и ветер гудел у нее в ушах. Все исчезло.

Весной этот Фрак давал интервью местной газете, в котором назвал историю Амата «сказкой про Золушку», подтверждающей, что «в Бьорнстаде играть в хоккей могут все». Нет, подумала Фатима, это сказка только потому, что так не бывает. Она читала, как Фрак хвастается, что они делают «огромную ставку на команду девочек», а сам каждую неделю приходил в ледовый дворец и уговаривал вахтера дать им самое неудобное время, чтобы удобное досталось сыно-

вьям богатых папаш. Девочки в клубе были нужны еще меньше, чем дети из Низины, все они были лишь конкурентами за время в расписании. Потому что Петер был прав: хоккей принадлежит таким, как он.

Фатима вспомнила их первые годы в Бьорнстаде, она тогда ничего не знала о медведях, но в ледовом дворце повсюду были эмблемы с ними, поэтому она взяла в библиотеке книгу про медведей и начала читать, в надежде лучше понять город через этого зверя. И у нее получилось. Первое, что она узнала: около сорока процентов медвежат погибает в первый год жизни, главным образом их убивают взрослые чужие самцы. Тогда Фатима поняла, что в один прекрасный день, если кто-нибудь будет угрожать ее детенышу, ей тоже придется стать медведем. Она боролась за его право быть беззаботным ребенком, беспечным и наивным, как и все остальные. За право играть и веселиться. Скажем прямо, даже Фатима не ожидала, что Аमत достигнет таких высот и так «далеко пойдет», ей нравилось, что он равнодушен ко льду. Он не рвался туда, и этого было достаточно. Но постепенно, по мере того как он становился старше, хоккей занимал законное место в его жизни. Пока все были маленькими, богатые дети имели привилегии, но, когда стали подростками, все забыли про родителей Амата, на первое место вышел его талант. Пока команда выигрывала, его все любили. Аमत быстро привык. Да, наверное, и Фатима тоже. Теперь ей было стыдно – возможно, она прогневила Бога и мироздание, приняв как дан-

ность то, что сегодня есть, а завтра нет. Весной она первая заметила, что что-то не так: Абат по-прежнему забивал голы каждый матч, но он перестал быть мягким. Он был натянутым как струна, ведь во время игры на плечах у него лежал весь мир, и вскоре тело не выдержало.

Немного погодя соседка рассказала Фатиме, что в Низине все расстроены из-за «слухов» про Абата, но поддерживают его. «Каких слухов?» – спросила Фатима, и соседка рассказала, что в интернете пишут, будто Абат симулирует травму. А на самом деле бережет себя для драфта НХЛ и ведет себя «нелояльно». Нелояльно? По отношению к чему? Можно подумать, его тело принадлежит клубу.

В ледовом дворце и супермаркете то и дело попадались мужчины, которые хотели дать Фатиме хороший совет, и под конец она перестала слушать всех, даже Петера. Абат уехал в Северную Америку, потерял все и вернулся домой опустошенным.

Фатима не знала, сколько времени лежит на земле, но когда она в последний раз собралась с силами и вскарабкалась на обочину, то почувствовала себя такой уязвимой, что коже стало больно от ветра. На секунду она пожалела о своей гордости, надо было вернуться в ледовый дворец и попросить Фрака подбросить ее до дома – сама эта мысль красноречиво говорила о том, как она испугана.

Буря свистела в ушах так, что она едва слышала крик Абата: «Мама!» Главное слово в мире, но сыновьям этого

не понять. «Мама. Мама. Мама!» Прошло немало времени, прежде чем она поняла, что по дороге бежит ее сын. Он был не похож на себя. Ама, всегда стройный, как тополь, теперь расплылся, к тому же был небрит и от него разило спиртным. Но когда он помог ей встать, Фатима почувствовала, что у него по-прежнему сильные руки мужчины.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она с беспокойством.

– Это *ты* что здесь делаешь? – Ама пытался перекрыть ветер. – Зачем ты пошла пешком?

Вахтер – лучшее, что есть в хоккейном клубе, он был не настолько глуп, чтобы позволить Фатиме уйти просто так. Как только она вышла из дворца, он позвонил в автобусный парк и попросил соединить его с водителем автобуса, чтобы убедиться, что с Фатимой все в порядке. Когда они сказали, что отменили рейсы в связи с бурей, вахтер тотчас позвонил Ама. И уже собирался отправиться на поиски сам, но Ама удалось отговорить старика, чтобы не искать потом их обоих. Разговор получился странный, обычно вахтер встречал Ама каждый день, но парень не был в ледовом дворце с тех пор, как весной повредил ногу и пропустил конец сезона. А потом, вернувшись летом с драфта НХЛ, не выезжал из Низины, да и вовсе не выходил из квартиры. Теперь он бежал впервые после травмы.

И как бежал. Словно кот, выскочивший из мешка.

Из Низины, вдоль дороги, сквозь бурю, пока не увидел маму. Он сбросил куртку и накинул ей на плечи поверх ее собственной. И они пошли домой, пригнувшись, против ветра, Фатима крепко ухватила за его руку.

– Ты голодный? Может, зайдём в магазин, купим твой любимый хлеб?

– Мама, магазин закрыт! Хватит говорить, пошли домой!

– Не надо было тебе сюда бежать, поберег бы ногу!

– Обо мне не беспокойся!

Он мог сколько угодно просить ее не беспокоиться, но она была его мамой. Хотите ее остановить? Попробуйте!

21

Имена

Два года назад, когда «Шкуру» отстроили заново после пожара, Рамона не стала вешать новую вывеску. Зачем? Все и так знают, где расположена «Шкура» и кто такая Рамона.

Никто не назвал бы ее «любезной», никто не сказал бы, что в «Шкуре» «уютно», в задачи такого бара это не входит. Сначала Рамона ругалась, что ты слишком долго изучаешь меню: было бы из чего выбирать, – потом ругалась, что ты вывел ее из себя. Ты не почувствуешь, что тебя здесь ждали, зато почувствуешь атмосферу – зеленые шарфы на стенах как бы свидетельствуют – мы вместе. За барной стойкой лежал конверт с надписью «Фонд», куда те, у кого в конце месяца осталось немного лишних денег, клали одну-две купюры, которые Рамона потом распределяла между теми, у кого дела были совсем плохи. О старухе говорили разное, в последнее время все чаще утверждали, будто она напрочь лишилась рассудка. Подлая ложь – рассудка она лишилась лет тридцать назад. А вот с сердцем у нее, напротив, все было в порядке.

Рамона заправляла «Шкурой» вместе с Хольгером, они все делали сообща и ходили вместе на все хоккейные матчи. «В лесу бог, а в городе лох», – ворчала Рамона, когда

он опять относил пиво не на тот столик, а тот в ответ лишь ухмылялся и говорил: «Я люблю тебя», и это окончательно выводило ее из себя. Хольгер и правда ее любил, как умеют любить только по-настоящему хорошие люди – тихо и отчаянно. Единственное, чего он от нее требовал, – это бросить курить. «Ты должна меня пережить, я без тебя не смогу», – говорил он, а она нежно гладила его по щеке и шептала: «Заткнись!»

Один из завсегдатаев «Шкуры» любил рассказывать анекдот: хоккейный матч, аншлаг, сидит мужчина, рядом свободное место. Сосед спрашивает, почему, мол, место свободное? Мужчина мрачно отвечает: «Это место моей жены, недавно она умерла». Ну, сосед такой: «О, извините, мне очень жаль. Неужели у вас нет родственника или друга, который мог бы пойти на матч?» А мужчина такой: «Все на похоронах». Анекдот был, понятное дело, про Хольгера и Рамону, и с тех пор как Хольгер умер, никто больше его не рассказывал. Вот уже много лет. Курила она, а рак был у него. Рамона никогда не говорила, что Хольгер умер, она считала, что он от нее свалил, – сразу ясно, что в городе столько проигравших она проиграла больше, чем кто бы то ни было. Рамона так и не простила этому сукину сыну, что ушел раньше ее. «Мужики складывают лапки, а женщины должны вкалывать дальше», – ворчала она, если кто-то об этом заговаривал, и разговоры эти случались все реже.

Рамона, как и прежде, много курила, и еще больше пи-

ла; единственной привычкой, от которой она отказалась, был хоккей – ее легкие просто не справлялись. Без Хольгера они совсем атрофировались. После его смерти Рамона долгое время не могла ходить в магазин за продуктами, не чувствуя его пульса в своей руке и не слыша его болтовни, – о покупках заботились парни в черных куртках, для которых «Шкура» была вторым домом, они поддерживали ее, чтобы она могла поддержать других. Парни написали некролог для местной газеты, потому что Рамона смогла только намочить слезами бумагу: «Черт побери, Хольгер, кто теперь будет орать с трибуны и как хоккеисты поймут, когда бить по шайбе?!» Увидев это, Рамона беззвучно захохотала и подлила им пива. Вырезка с некрологом висела на стене в «Шкуре» среди маек и шарфов Хольгера любимого, ненавистного, прекрасного, ужасного «Бьорнстад-Хоккея», когда случился пожар. Рамона тогда и сама чуть не сгорела, и иногда жалела, что этого не случилось. За свою жизнь мы хороним столько любимых людей и все же продолжаем вставать по утрам, но всякий раз тело становится чуточку тяжелее. Иногда на рассвете она просыпалась и не представляла, как протянет еще один день.

Но как-то раз в начале лета она вдруг повысила цены на пиво. Завсегдатаи бара – а других там и не было – конечно, пришли в отчаяние, в последний раз Рамона повышала цены лет пятнадцать назад. Эта старуха только и может, что повышать цены!

Но парни в черных куртках на нее не ругались. А Теему, главный придурок в команде придурков, давно не был таким довольным.

– Чего лыбишься? – прошипела Рамона.

А Теему ей в ответ:

– Раз повышаешь цены, значит, собираешься жить.

Таким, как они, необходимо думать о будущем, иначе они сдуются. В ночь, когда сгорела «Шкура», Видар, младший брат Теему, погиб в автокатастрофе. В детстве мальчик делал уроки в баре, его заставлял старший брат, который сам уроков не делал никогда, потому что его никто не заставлял. Их папаши давно испарились, а мама сидела в четырех стенах, наглотавшись таблеток; с раннего детства Теему и Видар навидались дома столько насилия и пьянства, что самым спокойным местом для них была «Шкура». Там они чувствовали себя в безопасности, там нашли верных друзей; Теему сплотил чернокурточников, и они взяли под крыло его младшего брата. Своих детей у Рамоны не было, эти мальчишки их заменили, поэтому, когда погиб Видар, их с Теему словно с корнем вырвали из земли, смысла жить дальше не было. Кроме хоккея. Но жизнь не стоит на месте, матч за матчем, а после матча драка за дракой в «Шкуре» из-за того, кому следовало бить по шайбе. Мало кто в этом городе умел ругаться так смачно, как Рамона и Теему, – для этого нужно любить друг друга, как любили они. Их дружба была молчаливой, слова были ни к чему: старая барменша подняла цены

на пиво, хулиган заплакал от радости, что тут скажешь? Их сердца принадлежали друг другу.

Когда буря набросилась на Бьорнстад и мрак сгустился вокруг домов, Рамона думала о Теему. И о своих мальчиках. Думала она и о Хольгере, его она вспоминала всегда, когда вечер сменялся ночью. Он любил пораньше лечь спать, ленивый бездельник. Когда ветер ударил в окна и свет погас, Рамона поставила кружку пива на положенное место – под барную стойку – и на ощупь стала искать фонарик. Направив перед собой мерцающий конус света, она двинулась вверх по лестнице в спальню, медленно переставляя старые ноги, мимо вымпелов, шарфов и сотен фотографий, которые всем миром собрали для нее после пожара, – безмолвный привет из минувшей хоккейной эпохи.

Рамона была одним из первых спонсоров клуба. Пару лет назад ее пригласили в правление. Как же она скандалила с тамошними мужиками – чистое наслаждение! Впервые за долгие годы «Бьорнстад-Хоккей» был на коне, а «Хед» в упадке, большее удовольствие – только то, которое получают голышом, спросите Рамону. Поднявшись наверх, она легла в кровать с фотографией Хольгера в обнимку. Буря качала дом, пока не убаюкала Рамону.

Незадолго до этого далеко в лесу та же буря качала маленькую машинку, ехавшую в больницу Хеда. Беременная женщина закричала своему мужу: «Поехали! Я рожая! Рожая!» – и они отправились в путь. В лесу на машину свали-

лось дерево, но их спасли акушерка и чокнутая девица по имени Ана. Родившегося младенца назовут в честь парня, которого любили Рамона и Ана. Видар. Конец жизни так же неизбежен, как и ее начало, ни первое, ни последнее дыхание неподвластны нам так же, как ветер.

Рамона не стала надевать ночную рубашку, она легла спать в одежде, чтобы ее не пришлось выносить в исподнем. Видар родился в лесу в тот самый миг, когда в «Шкуре» умерла Рамона. Ничего удивительного, время пришло.

Когда ее будут провожать, на могилу положат столько зеленых шарфов, что высеченного на камне имени не будет видно. Да это и неважно, все и так знают, кто там похоронен. Здесь, в лесу, нас объединяют истории, и эту мы будем рассказывать всегда.

Потери

Самое невыносимое в смерти то, что жизнь продолжается. Время невозмутимо. Наутро после бури, словно насмехаясь над нами, снова взошло солнце и осветило поломанный лес и разрушенный город. Пара. Будь Рамона жива, она непременно бы сказала, что их всегда двое: «Один победитель, а другой – засранец». Два города, два клуба, два хоккеиста: один занимает место в команде, другой – в «Шкуре». «Их всегда двое, одно – видимое, другое – нет, одно – лицо, другое – изнанка», – бурчала старая барменша, и зачастую это объяснялось тем, что она уже приняла на грудь плотный завтрак и собралась подпустить такую сальную шуточку, что и бродячий пес покраснел бы. Но пока Рамона была в фокусе, она могла перегнуться через барную стойку и, ласково погладив тебя по щеке, сказать: «У нас здесь все со всем связано, хотим мы того или нет». И была права насчет невидимых нитей и крючков, поэтому, когда ее не стало, все и вся замерло.

«Выпьем за верных женщин и надежных мужчин, где бы они сейчас ни были, а вам, засранцы, пора домой!» – говорила Рамона, прежде чем позвонить в колокольчик, приглашая сделать последний заказ. Между закатом и рассветом маленький алкогольный оазис закрывался, и снова тикали

секундные стрелки, из карманов неохотно извлекались мобильные телефоны, зачитывались недовольные сообщения. И каждая изнанка, пошатываясь, тащилась в темноте к лицу, а победители возвращались в реальность в полной уверенности, что завтра сюда вернутся. Но однажды Рамоны не стало, а солнце все равно взошло. Смогло. Посмело.

* * *

На следующий день после бури во всех домах трезвонили телефоны, люди рассказывали друг другу о случившемся, все были потрясены, но самый неожиданный разговор состоялся сразу после ее смерти.

Рамону нашел Теему, потому что первым ее хватился. Мы могли бы сказать, что случилось это рано утром после бури, но та буря вообще-то еще продолжается. Когда непогода только началась, Теему был в нескольких часах езды от Бьорнстада – он приторговывал всякой всячиной, которую Рамона не позволяла продавать в Бьорнстаде. Она знала, чем он зарабатывает на жизнь, но хотела, чтобы он хотя бы не занимался этим у нее на глазах – запрещать не имело смысла, любой ребенок, если ему что-то запретить, найдет занятие похуже прежнего. У Теему никогда не было нормальных родителей, и Рамона не претендовала на их роль, но могла выражать свои чувства, а Теему выражал свои чувства в ответ, поэтому Рамона приняла несколько железных

правил, а Теему беспрекословно им подчинился.

Услышав сводки погоды, Теему набрал номер Рамоны, и, когда она не ответила, сразу понял, что что-то не так, — Рамона бы ни за что не призналась, но когда Теему бывал в отъезде, она всегда держала телефон при себе. Он развернул свой старый «сааб» и всю ночь ехал обратно по непроходимым дорогам навстречу ветру, так быстро, как только мог, а потом распахнул дверь «Шкуры». На рассвете, когда буря наконец оставила в покое истерзанные города и лишь дождь барабанил в окно, он сел на кровати рядом с Рамоной и зарыдал, как мальчик и как взрослый мужчина. В детстве мы горюем о тех, кого потеряли, а когда вырастаем — о самих себе. Он плакал не только о ее одиночестве, но и о своем.

«У всех разумных людей есть две семьи — данная им судьбой, и та, которую они выбирают сами. С первой ничего не поделаешь, за вторую, черт побери, ты отвечаешь сам!» — рычала Рамона всякий раз, когда кто-нибудь из Группировки после матча устраивал какое-нибудь безобразие — крал снегоходы не с того склада или давал по зубам не тому, кому следует, а Теему этому не препятствовал. Она всегда считала, что он лично в ответе за всех идиотов, которые за ним ходят, а когда он обиделся и спросил почему, Рамона рявкнула: «Потому что я была о тебе лучшего мнения!»

Она никогда не позволяла ему делать меньше того, на что он способен. В ком все остальные видели жестокого безумца, отпетого хулигана и бандита, Рамона видела лидера. Раз

он любит своих парней из Группировки, значит, должен за них отвечать. Раз любит свою маму, значит, должен отвечать за нее. Мама любит таблетки, от которых она перестает что-либо чувствовать, значит, он должен чувствовать за нее. Когда умер его младший брат Видар, мама рассказала, что иногда, зимой, она видела счастливые семьи – папа, мама и сын катаются на коньках по озеру и смеются, все у них хорошо и живут они в доме, где все цело. «Я представляла, будто их ребенок – это Видар, у него появилась такая семья», – шептала она сквозь таблеточный морок старшему сыну. Она не мечтала о такой участи для Теему, только для Видара, отказаться от Теему слишком большая роскошь, ей такое и в голову не приходило.

Рамона это прекрасно знала, понимала, что постоянная ответственность за других – непомерная тяжесть для молодого парня; снаружи этого видно не было, но внутри он медленно наливался свинцом. Слишком часто его поминали ближе к ночи, когда что-нибудь шло не так. И только поздно вечером в «Шкуре», перед тем как гас свет и запиралась дверь, его плечи наконец опускались на несколько сантиметров. Разгибались сжатые в кулаки пальцы. Рамона ставила перед ним кружку пива, гладила по щеке и спрашивала, как он себя чувствует. Прежде никто этого не делал.

Рано утром буря миновала, Теему сидел на краю ее кровати и думал, что Рамона была права. У человека две семьи. И Рамона была той семьей, которую он выбрал сам.

Теему достал сигарету из пачки, лежавшей на прикроватном столике, и в последний раз покурил вместе с Рамоной. Он вдруг засмеялся, такой она выглядела сердитой, даже после смерти. Если она сейчас на небесах, там же, где Видар, то младший брат получит хорошую взбучку за то, что осмелился уйти раньше ее. Теему осторожно закрыл старухе глаза, погладил ее по щеке и прошептал:

– Передай привет маленькому засранцу. И Хольгеру.

Теему так и остался сидеть на кровати, не зная, что делать с телом, кому звонить. Рамона была самым нормальным человеком из всех взрослых, которых он встречал на своем пути, и он не знал, что делают нормальные взрослые люди, когда теряют других таких же нормальных взрослых. В конце концов он позвонил Петеру Андерсону.

Наверное, это было столь же необъяснимо, сколь очевидно. Они ненавидели друг друга годами, пока Петер был спортивным директором «Бьорнстад-Хоккея» и воплощением того, что ненавидела вся Группировка: узкого круга богатой элиты, которая управляла клубом, словно он принадлежал только ей. В своей ненависти Группировка зашла так далеко, что однажды разместила в газете некролог Петера, а его жене организовала звонок из транспортной фирмы, помогающей при переезде в другой город.

Теему и Петер перестали быть врагами благодаря Рамоне, когда под ее недремлющим оком Петер уволился с должности спортивного директора, но друзьями они так и не стали.

Но сейчас Теему позвонить было некому. Он бы не удивился, если бы Петер швырнул трубку, но тот мягко переспросил:

– Погоди, погоди, Теему, что ты сказал?

Слова посыпались из Теему, как крупа из мешка.

– Она, черт побери, умерла, – всхлипывал он.

– Умерла? – шепотом переспросил Петер.

– М-м-м, – выдавил Теему, словно у него остались одни согласные.

– Господи. Господи, Теему. С тобой все в порядке?

Теему не знал, что ответить, потому что ни один взрослый мужчина никогда не задавал ему этот вопрос.

– М-м-м.

– Где ты? – спросил Петер таким голосом, будто боялся спугнуть косулю у себя во дворе.

– Мы в машине, – еле слышно всхлипывал Теему.

– Кто... вы?

– Мы с Рамоной!

Петер молча дышал в трубку и ждал, когда Теему скажет, что это шутка. Но это была правда.

– Теему, ты что, посадил Рамону *в машину*?

– Я не знал, что делать, и решил поехать к тебе, но не оставлять же ее одну! – оправдывался Теему, глотая слезы и сопли.

Петер очень-очень-очень тяжело вздохнул. И попросил Теему припарковаться на обочине. Петер не знал точно, как в уголовном кодексе классифицируется перевозка трупа в ста-

ром «саабе», но был уверен, что соответствующая статья там найдется.

– Стой и жди меня, я тебя заберу.

Теему послушно остановился, что было довольно странно, – не только потому, что рядом сидела мертвая Рамона, но еще и потому, что за всю жизнь его никто ни разу не забирал.

* * *

Сколько телефонных звонков было в то утро, не сосчитать: одни соседи звонили другим, другие звонили третьим, пока новость не дошла до питомника Адри Ович. Узнав об этом, Адри позвонила на другой конец света.

– Беньи, – прошептала она и, осторожно выбирая слова, рассказала о том, что случилось.

Он вскочил, не раздумывая упаковал сумку и отправился в путь – теперь он спал на лавке в аэропорту на другой стороне земного шара. Один его глаз заплыл, превратившись в иссиня-красный синяк, ноздри почернели от грязи и запекшейся крови. Беньи было двадцать лет, из которых два года он прожил пьяным и настолько свободным, насколько может быть молодой и бессмертный лжец, занимающийся самолечением. В этом полушарии солнце только собиралось взойти, и за окном ждал новый жаркий день, лучше всего подходящий для полуголых тел на бесконечном пляже, но Беньи направлялся на север, навстречу хоккейным городам и ми-

нусовой температуре.

Машину времени не изобретут никогда, потому что, если бы когда-нибудь в далеком будущем ее изобрели, тот, кто любит Беньи, сразу бы перенесся в этот момент времени и остановил его. Взял бы его за руку и усмехнулся: «Да плюнь ты на это! Пошли загорать, возьмем по пиву, купим лодку!» Потому что тогда бы ничего не случилось. Если бы кто-то был рядом и помешал ему уехать домой. Так что теперь мы знаем наверняка: машины времени не существует. Ведь тех, кто любит Беньи, гораздо больше, чем ему кажется.

* * *

Лео Андерсон не припоминал, чтобы был когда-либо так искренне счастлив, как на следующий день после бури, когда у них дома в центре Бьорнстада дали электричество и снова заработал компьютер. Жизнь продолжалась. Папа разговаривал с кем-то по телефону, Лео это особенно не волновало, но, закончив беседу, папа сразу позвонил маме и сказал, что кто-то умер. Кто – Лео не расслышал. Мама тут же приехала с работы, где она провела всю ночь, и, как только она вошла, папа сразу ушел. Они мельком посмотрели друг на друга, мол, любовь подождет, впереди много дел, а время, чтобы высказать наболевшее, в один прекрасный день наколдуется само. Лео никогда никому не рассказывал, как часто он обдумывает практические детали, с которыми столкнется

после развода родителей, как он будет перевозить компьютер от мамы к папе и наоборот. Отсчет времени уже пошел.

За папой закрылась дверь, и мама пошла на кухню, чтобы начать обзвон. Лео закрылся у себя в комнате, сел за компьютер и выдохнул так, словно подействовало обезболивающее, теперь можно не думать; возможно, для кого-то мерцающий экран и звуки стрельбы в наушниках невыносимы, но для него это была медитация. Когда на телефон пришло сообщение, он на секунду отвлекся от игры. Писала сестра. Сообщение начиналось словами: «Скоро приеду». Лео улыбнулся.

В другом конце Бьорнстада, в маленьком домике перед компьютером сидел Маттео. Они с Лео были ровесники и играли в одну и ту же игру, сестра Маттео тоже скоро вернется домой. Но он не улыбался.

* * *

«Скоро приеду», – написала Мая. Мама только что позвонила ей и сообщила печальную новость, сказала, что можно не приезжать, ничего страшного. Мая собрала сумку и написала брату: «Только не говори маме и папе, а то они придут за мной. Я взяла билет на поезд. Позаботься о папе, он не показывает, как переживает из-за Рамоны. Люблю!!» Лео ответил: «ОК», а сам улыбался до ушей. Он скучал по сестре. После того как она уехала, Лео досталась ее комната, ко-

торуую он обустроил с учетом своих потребностей: эргономическое кресло, заказанное в подарок на Рождество, новые наушники, большой монитор. Лео успешно использовал то обстоятельство, что родители хотя и не одобряют насилие в компьютерных играх, но предпочитают, чтобы он сидел за компьютером, а не пропадал ночами в реальном мире.

Маттео сидел на полу в маленькой комнате на окраине города, подключившись к соседскому интернету; его компьютер был собран из старой списанной техники, выкинутой на помойку из офисного отдела фабрики, где работали его родители. Родители, понятное дело, об этом не знали, иначе никогда бы не позволили. В семье Маттео не играли в компьютерные игры и даже телевизор почти не смотрели – Маттео точно не знал, что Бог имеет против компьютера, но никогда не спрашивал. Родители жили в молчании и страхе. Не то чтобы Маттео боялся их, они никогда его не били, их контроль над детьми был иного рода. Стыд, вина, разочарование – самые эффективные инструменты дьявола.

В другом конце города Лео на несколько секунд отвлекся от игры, чтобы прочитать сообщение Майи. Когда он снова посмотрел на экран, то улыбаться перестал – кто-то выстрелил ему в голову.

Маттео победно поднял кулак, когда выстрел попал в цель. Он ходил в ту же школу, что Лео, но был почти уверен, что тот не замечает его, – они были ровесниками, но жили в разных мирах. Одному делали бутерброды, даже когда он об

этом не просил, другой сидел голодный в пустом доме. Родители одного едва верили в Бога и несмотря на это покупали ему на Рождество дорогое эргономическое кресло, у другого только и делали, что говорили о Боге и Иисусе, но Рождество при этом вообще не праздновали. У Лео было все, чего не было у Маттео, но компьютерная игра восстанавливала справедливость, которой всегда не хватало в реальном мире. Там сидящий на полу мальчик со старым компьютером мог найти другого, окруженного новейшей дорогой техникой, подкараулить его и выстрелить в голову.

На мгновенье Маттео сжал кулак и почувствовал себя победителем. Затем электричество снова отключили.

* * *

Петер со всех ног бросился по обочине навстречу Теему, взъерошенный, в рваных джинсах и грязной зеленой толстовке с капюшоном и медведем на груди. Теему стыдливо опустил стекло «сааба», словно его остановили за превышение скорости.

– Ты всегда думал о безопасности, – с усмешкой кивнул Петер, увидев, что Теему пристегнул Рамону ремнем.

Теему не знал, как ему реагировать, и пробормотал в ответ:

– Я просто не знал, как быть. Не везти же ее в багажнике. Рамона сидела на переднем сиденье, вид у нее был такой,

будто она в любой момент может проснуться и отругать Теему за то, что он ездит, как старая бабка. Петер зажмурился и медленно открыл глаза, казалось, он хотел протянуть руку и погладить Рамону по щеке, но удержался.

– Все в порядке, Теему, – прошептал он. – Сейчас разберемся.

Теему с детства учился не плакать на глазах у других, Петер тоже, и сегодня обоим пригодилось это умение. Петер сделал все необходимые звонки, которые делают в таких случаях нормальные взрослые люди, они осторожно переложили Рамону на заднее сиденье и не спеша поехали в сторону центра. Расписания у похоронного бюро не было, только табличка с телефонным номером на двери – в наших краях те, кто работает со смертью, работают только по запросу. Ждать пришлось несколько часов – пробраться по дорогам после бури было не так-то просто.

Все это время Петер слышал какое-то жужжание, сначала далекое, словно жужжание насекомого по ту сторону стеклянного купола, потом звук стал нарастать; Петер потер уши и прислушался. И только услышав чьи-то крики и увидев, как недалеко от машины падает дерево, он понял, что это жужжало: бензопила. Рычащая симфония то набирала силу, то затихала. Едва начало светать, едва стихла буря, лес наполнился людьми, вышедшими расчищать завалы. Много пожарных, отметил Петер, причем никто их не вызывал на работу. Бури и люди – команды заведомо неравные, но люди

берут упорством.

– Я не знал, что Рамона больна, иначе бы был рядом, – вдруг осторожно сказал Теему.

Петер кивнул, не зная, что сказать в утешение.

– Рамона была стара, Теему. Никто не виноват. Она любила тебя. – Ничего лучшего не пришло ему в голову.

У Теему едва заметно дернулся кончик носа.

– Тебя тоже.

– Не так, как вас с Видаром. Вы ей были как сыновья.

Брови у Теему подпрыгнули.

– Шутишь? Ты что, не в курсе, как старуха тобой гордилась? Меня это дико бесило. Думал, ты из тех придурков с понтами, что считают себя лучше нас, потому что не бухают и все такое. Пока она... ну, ты понимаешь... не рассказывала про твоего папашу. Тогда я все понял. Детство у тебя было тяжелым, но ты стал хорошим человеком. Поэтому она и гордилась.

– Это было сто лет назад, тогда жизнь была другой, и папы были... другими, – тихо сказал Петер, хотя знал, что это неправда: Теему хоть и был в два раза моложе, отец у него был не лучше, чем у Петера.

– Да ладно, что такого, скажи как есть, говнюк был порядочный, – отозвался Теему с видом человека, не встречавшего в детстве мужчин, которые не дерутся.

Петер смотрел на Теему и очередной раз удивлялся его тонким чертам лица. Человек, наводивший страх на всю

округу, со стороны мог показаться юношей из интеллигентной семьи, учившимся в престижной школе-интернате. Волосы аккуратно причесаны, тело расслаблено, в глазах ничего похожего на мрачные лабиринты. Наоборот, в них играют веселые искры, как у маленького сорванца. Странная штука – способность к насилию, думал Петер, ее никак нельзя заметить, но невозможно не ощутить.

У старшего поколения хоккейных болельщиков Бьорнстада применительно к игрокам в ходу было выражение «зверь». Петер хорошо это помнил, потому что в молодости про него говорили: «Петер Андерсон? Да, талантливый парень, но нет внутреннего зверя». Петер не вступал в драку, когда на него нападали на льду, поэтому многие игроки ему не доверяли, а другие, наоборот, старались его спровоцировать, и Петер научился их различать. Многие игроки любили подраться, но, когда доходило до дела, перед каждым возникал мост, который надо было преодолеть, – от мирного человека, которым ты привык быть в обычной жизни, до зверя, которым нужно стать, чтобы ударить другого. Длина моста у каждого своя, самый короткий он у таких, как отец Петера, но какой мост у Теему? Петер никогда даже рядом не стоял с такими, как он. У Теему и моста не было, только два берега, а между ними всего один шаг. С виду его не отличишь от сотни других мужчин, но внутри он настоящий зверь.

Петер, поморщившись, потер щетину на подбородке и уклончиво ответил:

– Бывают и похуже. Теперь у меня свои дети, и я тоже чувствую, что не такой уж я хороший отец...

Теему посмотрел в окно, хотя, наверное, стоило сказать вслух то, о чем он подумал: видал я плохих отцов, тебе до них далеко. Да и Петер мог кое-что сказать Теему, например, спросить, как он себя чувствует. Но оба не находили слов, поэтому под конец начали обсуждать хоккей. Самое лучшее в спорте то, что о нем можно говорить бесконечно.

– Как тебе команда в этом сезоне? – спросил Петер, отчасти из вежливости, отчасти из любопытства; было время, когда все наперебой излагали ему свои мнения на данный счет, и теперь ему немного этого не хватало.

– Это ты у меня спрашиваешь? – усмехнулся Теему, но тотчас понял, что теперь ему известно о команде больше, чем Петеру, и даже хотел извиниться.

Петер покачал головой.

– Сам понимаешь, Теему, у нас тут вечно сплетничают. А спросишь у человека: «А ты-то откуда знаешь?» – он в ответ: «Ну, народ говорит». Теперь я не в курсе. Народ говорил не со мной, а со спортивным директором.

Теему сочувственно кивнул. С тех пор как два года назад Петер уволился, клуб так и не нанял никого на эту должность, вместо этого назначили «исполнительный комитет» в составе тренера и нескольких членов правления, что могло привести к катастрофе, но совпало с лучшим сезоном клуба за долгие годы. Петеру было трудно отделаться от мысли, что

главной проблемой был он. Теему прекрасно его понимал, он знал, каково это – любить клуб, который не хочет иметь с тобой дела.

– Можно спросить... А что ты... ну, типа, чем ты занимаешься целыми днями? Без хоккея?

– Пеку хлеб.

– Х... хлеб?

Петер кивнул. Посмотрел на часы и пустынную дорогу.

– Если честно, я не особо в восторге от хлеба. Так что лучше расскажи, что ты думаешь о команде, – теперь, когда нет Рамоны, мне и спросить-то некого.

Теему смотрел на него так, будто ждал подвоха.

– Ну ладно... По-моему, команде нужны две вещи. Первое – это Аमत, но, похоже, ни одна живая душа не знает, что с ним случилось. Второе – как бы это сказать... черт... ты ведь знаешь, мы почти выиграли всю серию в этом сезоне, но в последний момент сдулись. Нам нужен кто-то, кто не сдастся. Как бы это сказать... понимаешь...

Теему искал нужное слово, словно папаша, который пытается не материться.

– Зверь, – подсказал Петер.

Теему расхохотался:

– Ты прямо как Рамона.

Петер покачал головой:

– Нет. Просто я старый.

Теему ухмыльнулся:

– Это я и имел в виду! Его-то нам и не хватает. Шестнадцатого номера.

Он мог не называть имени, Петер и так знал. Весь город знал.

23

Сестры

"*BENJAMIN OVICH*, – раздался усталый голос из хрипящего динамика. – *BENJAMIN OVICH TO GATE 74*"⁴. Беньи, спавшего на лавке, отчасти разбудили звуки его имени, отчасти слезы, от которых щипало разбитое лицо. Он не знал, сколько времени сейчас в Бьорнстаде, не помнил, сколько часов разницы с тем местом, где он находился сейчас, – шесть или восемь, – но подумал, что преимущество ночного пьянства и дневного сна, которые он практиковал в последнее время, в том, что ему не грозит джетлаг. Беньи сел на лавке, и тело пронзила боль.

Как-то Рамона сказала ему, что мозгами он не пользуется, сердце изранил в клочья, а ноги у него слишком упрямые и бесстрашные. Она, конечно, была права, люди в аэропорту обходили лавку со спящим Беньи стороной, но губы и нос у него кровили больше, чем кулаки. По дороге в аэропорт он попал в переделку, где ему стоило сдать и отступить, но сдаваться он не умел, и вот результат.

Замигало табло, Беньи соскреб себя с лавки, подхватил чемодан и поковылял в сторону нужного гейта. Чего только люди о нем ни говорили в последние годы, но если бы

⁴ «Бенджамин Ович, пройдите к выходу 74» (англ.).

вы спросили Рамону, она сказала бы вам, что самая гнусная ложь про Беньи – это то, что он зверь. Если зверь в нем и был, то его давно вспугнули. Теперь Беньямин Ович остался наедине со своими демонами.

* * *

На следующий день ближе к обеду Ана позвонила лучшей подруге. Та не ответила, но Ана была верна себе: она позвонила еще раз, потом еще и еще. Наконец Мая, уже на взводе, взяла трубку. В это время она ехала в поезде, и все бы ничего, но она как раз направлялась в туалет, да и это тоже была бы не помеха, но дело в том, что Ана всегда разговаривала только по видеосвязи.

– Неужели непонятно, человек занят? – прошипела Мая, сидя в туалете и с трудом удерживая в руке телефон.

– Срешь, что ли? – поинтересовалась Ана, набивая рот чипсами.

– Вот как так получается – на толчке сижу я, чипсы ешь ты, а тошнит все равно меня?

– Почему меня должно тошнить? Я ведь даже говна не вижу, – удивилась Ана, похрустывая чипсами.

– Ты тупая?

– Я? Заметь, ты первая заговорила о говне. Что с ним не так? У тебя понос?

– Хватит!

– Жидкий стул? С чего бы это?

– Тебе что вообще надо?

– Эй, ты чего? Прости, что я есть! Хотела заехать за тобой на вокзал.

– У тебя нет прав.

– И?

– Мне надоело об этом спорить. Точка. Я поеду на автобусе.

– Почему родителям не звонишь?

– Тогда они приедут меня встречать.

– Да?

– Да!

– И в чем проблема?

– В том, что я не хочу их беспокоить. Им и так сейчас нелегко... Эй? Что с тобой?

– Просто чипсы не в то горло попали. Ой, экран теперь в слюнях. Погоди, вытру.

– Браво, Ана, ты в своем духе.

– Погоди-ка, это гитара? Ты что, таскаешь с собой гитару в сортир?

– Я еду в поезде, дура, иначе ее сопрут!

– Ну ты тупая, кому нужно такое барахло?

– Спасибо, родная, я по тебе тоже соскучилась!

– Да ладно, хорош трепаться, я знаю, что ты правда соскучилась.

Мая улыбнулась:

– Я соскучилась по моей лучшей подруге.

Немного смягчившись, Ана прошептала в телефон:

– Я по тебе тоже соскучилась.

Тут Мая не выдержала и съязвила:

– Надо вас познакомить, она такая крутая, не то что ты.

На ее счастье, беседа шла по видео, потому что Ана так замахнулась на телефон, что Мая вздрогнула. Потому что было дело, Ана шарахнула ее в шутку и переборщила, после чего Мая неделю не могла спать на боку.

– Сыграй что-нибудь, а? – Ана кивнула на футляр с гитарой.

– Я играю только для моей лучшей подруги, – ухмыльнулась Мая.

– Блин! Если б у меня было сердце, я б и правда обиделась! – сказала Ана, и обе захохотали.

Мая раскрыла футляр, достала гитару и сыграла для своего лучшего человека, сидя на унитазе в тесном туалете трясущегося поезда. За это Ана ее и любила. Песня была новой, а слова старыми.

Я с тобой ты со мной

И пусть весь мир нам грозит войной

Что он может против нас

Против твоих бесстрашных глаз

У него одни понты да пустое вранье

А у меня есть ты и твое ружье

Он только болтает целый век

А мы с тобой армия из двух человек
Пуškai оборутся пускai дерутся
Пуškai отступят и уберутся
Мне они не нужны я им не нужна
А мы с тобой – к спине спина
И если все рухнет в единый миг
Мы выстоим – вдвоем против них
Будь то радость или беда
Вместе всегда
Я с тобой ты со мной
И пусть весь мир нам грозит войной

Последние ноты метались от экрана к экрану, пока эхо не растаяло. На Маином конце провода грохотал поезд, на Анином – барабан сушилки: она стирала постельное белье отца. Мая сразу поняла, что у него был рецидив. Ана всегда звонила ей, когда запускала стирку, чтобы не сидеть в одиночестве. Они молчали минут десять, потом Ана сказала:

– Хорошая песня. Твоя лучшая подруга будет довольна.

Мая хохотала так, что гитара била ее по животу.

– Ну ты тупая!

– Ага. И это говорит девочка, которая учится в *музыкальной школе*. На чемпионате мира по спортивному тупизму тебя бы тупо отстранили за допинг. Жюри бы сказало: извини, девочка, но наши участники честно тупят не щадя себя, а ты просто-напросто свалилась в детстве в бочку с тупоболитками. Выступать с такими преимуществами – это неспортив-

но!!

Мая хохотала на весь поезд. Но ей было наплевать. Они не виделись сто лет, их разделяло пол-Швеции, но после этого разговора показалось, будто они не расставались. Будто ничего страшного не случилось.

– Прости, я не знала, что у вас буря, надо было мне... – начала Мая, но Ана ее перебила:

– Заткнись. Откуда ты могла знать.

– Я соскучилась, – прошептала Мая.

– Звони, как приедешь, – прошептала в ответ Ана.

Мая обещала позвонить, и от одной только мысли о том, человек ли тот человек, у которого в жизни нет такого человека, как Ана, у нее разболелась голова.

Они попрощались, и Мая протиснулась в дверь, вытаскивая за собой футляр с гитарой. Два года назад с этим футляром она уезжала из Бьорнстада, тогда ей было шестнадцать, а сейчас – восемнадцать, она уехала сразу после похорон Видара, а теперь возвращалась на похороны Рамоны. Поди пойми, отчего вдруг стало так грустно – из-за смерти Рамоны или от нахлынувшей ностальгии. Рамону Мая почти не знала, но та относилась к разряду людей, после смерти которых кажется, что улетел воздушный шар. Мы плачем не по тем, кого потеряли, а по тому, чего лишились с их уходом.

Мая гадала, кто придет на похороны. Будет ли Беньи? В кармане на дне потрепанного футляра по-прежнему хранился листочек с песней, которую она написала перед тем, как

они оба покинули Бьорнстад.

Желаю тебе любви и смятений
И самых потрясающих приключений
Я верю ты выйдешь из них молодцом
Я верю твоя сказка будет с хорошим концом

Мая много о нем думала. Таких отчаянных и одиноких она больше не встречала.

* * *

Беньи делал все, чтобы ни о чем не думать, но стук сердца о билет в нагрудном кармане рубашки пробивал оболочку из алкоголя и дыма. В руке Беньи держал последнюю открытку, которую собирался отправить Рамоне, – свободного места в его посланиях всегда было больше, чем слов, но он думал, что ей все равно будет приятно вешать открытки на стену в баре. Беньи давно уже не рассчитывал, что кто-то будет гордиться им, но все надеялся, что Рамоне за него хотя бы не стыдно.

По дороге в аэропорт он зашел в бар, похожий на «Шкуру». Чтобы понять, как мало Беньи изменился, достаточно знать, что после четырех рюмок он затеял драку с двумя парнями, которым не понравились его длинные волосы и татуировки. Чтобы узнать, как сильно он изменился, достаточно

знать, что драку он проиграл. Он уже не был таким сильным, ловким и злым.

Теперь глаз был подбит, в носу запеклась кровь, но боль его устраивала. По крайней мере, он впервые за долгое время чувствовал хоть что-то.

За кого его держат в Бьорнстаде? Бенни уехал от них хоккеистом и педиком, и теперь они вряд ли будут готовы мириться с последним, когда он перестал быть хоккеистом. В Бьорнстаде тебя любят, если ты побеждаешь, это он понял давно, – люди мирятся со многим, пока ты побеждаешь. А что теперь? Теперь он пустое место.

Он уехал так далеко и надолго в надежде найти ответы на все вопросы, но так не бывает. Ты можешь найти красивое тело, новый танцпол, утро с таким тяжким похмельем, что больно моргнуть. Но новую жизнь не найдешь, только вариации старой. Хотя и говорится «начать жизнь с начала», как будто это однажды с тобой произойдет, и готово; на самом деле оно продолжается и продолжается, ты начинаешь новую жизнь снова и снова, пока не сломаешься. Каждую ночь Бенни снилось, что он остался с Кевином на той вечеринке. Прошло почти два с половиной года, но это повторялось снова и снова, как только он закрывал глаза.

В детстве они все делали вместе, Бенни всегда был на стороне Кевина. У некоторых мальчишек, когда они обретают лучшего друга, – это как первая в их жизни любовь, они просто не знают еще, что значит влюбиться по-настоящему. Так

они узнают, что такое любовь – вместе лазая по деревьям, прыгая по лужам и не желая играть в прятки, потому что не хочешь расставаться ни на минуту. У большинства мальчишек это чувство с годами проходит, но у некоторых не проходит никогда. Бенни объездил весь мир, но не нашел места, где перестал бы ненавидеть себя за то, что по-прежнему жить не может без Кевина.

В детстве мальчики оставались ночевать друг у друга, читали комиксы про супергероев, делились своими страхами, о которых больше никому не рассказывали. Иногда Бенни просыпался оттого, что ему приснился кошмар, и махал руками так, что Кевин едва уворачивался. Когда они ездили на соревнования и спали в спортивном зале с другими парнями, Кевин всегда застегивал молнию на спальном мешке Бенни до самого подбородка, чтобы успеть вмешаться, прежде чем кто-нибудь ненароком его разбудит и получит по первое число. Летом они бегали в лес, купались в озерах нагишом, неделями ночевали на острове, про который никто не знал. Зимой Кевин был звездой хоккея, а Бенни болельщики прозвали «страховой компанией», потому что, если на Кевина кто-нибудь нападал, ему приходилось иметь дело с Бенни, а тот разделявал противника под орех. Для Кевина Бенни был лучшим другом, для Бенни Кевин был всей жизнью.

Бенни знал, что сам виноват. Он должен был защищать Кевина от всех и всех от Кевина. Если бы только Бенни не ушел с вечеринки, Кевин не изнасиловал бы Маю, и все бы

шло как прежде. Если бы Беньи остался, как просил Кевин, тогда бы жизнь Майи не разбилась. Она была бы счастлива. А Кевин бы сейчас играл в НХЛ. Никто бы, возможно, не узнал правды о Беньи, только на это ему было наплевать, он мог бы от себя отказаться, лишь бы все стало как раньше. Он по-прежнему играл бы в хоккей, и, возможно, оно того бы стоило. В нем все понятно и просто: главное – побеждай. И мы будем тебя любить. Он скучал по дракам, где защищал своих, ему хотелось снова что-то значить для других, хотелось увидеть, как противник пугается, что он сиганет через ворота, если они посмеют тронуть его товарищей. Ему не хватало раздевалки и пены для бритья у себя в ботинках, ему хотелось сидеть на заднем ряду в автобусе и кидаться арахисом в голову Бубу и других идиотов. Хотелось, чтобы тренер похлопал его рукой по шлему, как хозяин похлопывает пса по холке, давая знать, что он молодец. Беньи тосковал хоть по какому-нибудь дому, пусть тот лишь иллюзия, но это лучше, чем блуждать посреди правды.

У каждого внутри живут сотни личностей, которые проявляются в зависимости от того, с кем мы общаемся. Мы притворяемся, фальшивим и душим себя, лишь бы подстроиться под других. Последнее, что сказал Беньи Кевину: «Надеюсь, ты найдешь его – того Кевина, которого ты ищешь». Беньи не знал, получилось ли у Кевина. Сам он искал того Беньи, с которым ему было бы хорошо, но пока не нашел.

Поднявшись на борт самолета, Беньи пристегнулся, заты-

нув ремень так крепко, как мог, а потом засунул под него руки, чтобы не заехать спросонья тому, кто случайно его заденет.

Потом он заснул, и ему снились машины времени. Это были его самые страшные сны.

* * *

Когда электричество опять отключили, Лео пошел на кухню и сел за стол рядом с мамой. Сел рядом, а не напротив. Они ели бутерброды и пили шоколадное молоко, и даже подросток признает, что это приятно – таким простым способом сделать ее счастливой.

Маттео залез в дом к соседям через подвальное окошко и лег на полу, слушая их голоса. Он снова попытался открыть шкаф с оружием, но и на этот раз ничего не вышло.

Лео не сказал маме, что сестра едет домой. Пусть это будет сюрпризом.

Маттео хотелось бы позвонить сестре и попросить ее не приезжать, где бы она сейчас ни была. Он не хотел, чтобы сестра приезжала домой. Пусть будет хоть на другом конце света, только не здесь. Радость от того, что он прострелил голову Лео, постепенно улетучилась. У Лео по-прежнему было все, что потерял Маттео.

«Их всегда двое – одно видимое, другое нет», – говорила Рамона. Двое похорон. Два подростка в двух домах ждут

своих старших сестер. Две молодые женщины едут домой в город, из которого никогда по-настоящему не уезжали. Одна из них приедет на поезде, другая – в урне.

Мечты

Люди ошибочно полагают, что злодеи лишены чувств. Что они не сентиментальны. Это почти всегда не так, чаще всего сентиментальные и чувствительные люди бывают самыми опасными, они не только способны на насилие, но и оправдывают его. Чувствительные люди не понимают, что совершают ошибку, потому что их чувства всегда говорят им, что они на правильной стороне.

«Ох уж эти “Звездные войны”, – говорила Рамона. – Их смотрят тысячи мужиков с совершенно разными взглядами на политику, но каждый чувствует себя Люком Скайуокером. Ну хоть бы один засранец считал себя Дартом Вейдером!» Рамона не особо любила кино, но когда Видар был маленьким, смотрела «Звездные войны» вместе с ним – их она не любила, но любила Видара. А еще Рамона любила во всем быть правой, но даже она не обрадовалась бы тому, насколько окажется права в ближайшие дни.

Фрак уже не спал, когда узнал о ее смерти. Он пошел в ледовый дворец и помог вахтеру приспустить флаги. Затем приступил к обзвону. Не стоит недооценивать Фрака, на глазах у него были слезы, но уже тогда он смотрел дальше, чем кто бы то ни было. Рамона оставила после себя не только бар,

но и место в правлении «Бьорнстад-Хоккея».

Когда спустя много лет после бури люди попытаются рассказать историю по порядку, это получится не у всех. Психологи просят тех, кто пережил травму, выстроить цепочку событий, восстановить хронологию, потому что ужас заставляет нас путать даты. А иногда и людей. Но то, что запомнится всем, и в Хеде, и в Бьорнстаде, – это тишина. Она наступила, как только улегся ветер и перестали качаться деревья, и была по барабанным перепонкам так же, как до этого грохот бури. Центральные районы Хеда и Бьорнстада выглядели так, будто их изрешетили снаряды, но хуже было другое: за столами на кухнях в обоих городах сидели мужчины и женщины, на протяжении поколений владевшие лесом, и с калькуляторами подсчитывали, сколько следует вычесть из наследства детей и внуков – ветры втоптали их жизнь в землю, оставив после себя лишь руины и безмолвные трагедии. Мало у кого были страховки, а страховые компании, разумеется, делали все возможное, чтобы не платить даже тем, кто застрахован. Долгое время после бури те, кто помоложе, будут по очереди дежурить ночью возле своих стариков, чтобы те не взяли ружье и не отправились в лес. Так это называют охотники. Здесь не принято говорить «покончить с собой».

После бури все границы в Хеде и Бьорнстаде стерлись – не только те, что разделяли города, но и границы между участками соседей, – где-то это оказалось к лучшему, где-то наоборот. В течение многих лет мы будем думать о том, что

сделала с нами буря и что сделали в те дни мы, что было случайностью, а что стало прикрытием. Но началось все, как обычно, с политики.

Уже на следующий день после бури Фрак устроил встречу самых влиятельных мужчин и женщин коммуны. «Чтобы разработать антикризисный план», – повторял он в трубку. В ближайшие дни политики, конечно, еще не один раз будут встречаться с местными предпринимателями, в том числе из Хеда, но первая встреча состоится здесь, в офисе бьорнстадского супермаркета. Позже станет ясно, что это была плохая идея, в Хеде встречу сочли символичной. Там собрались все важные голоса из местной элиты, но больше всех говорил Фрак, хотя он и не являлся народным избранником, но командовал парадом именно он, и вскоре мы узнаем, что и эта идея оказалась не лучшей.

Первым пунктом в повестке стояли работы по расчистке местности. Пожарные и добровольцы уже были на местах и пытались убрать с дороги деревья, но следовало все же принять решение, какие дороги расчищать в первую очередь. Никто бы не удивился, если бы Фрак со свойственной ему скромностью предложил первым делом расчистить дорогу к своему магазину, однако он, поднявшись, сказал:

– Сегодня наша первостепенная и наиважнейшая задача – подумать *о детях!* Все согласны? Поэтому предлагаю в первую очередь принять решение о том, чтобы все команды из Хеда, которые при трагических обстоятельствах ли-

шились своего ледового дворца, могли заниматься в Бьорнстаде. Это очевидный жест солидарности, все согласны?

Когда по комнате прокатился одобрителный гул, Фрак добавил:

– Тогда первым делом надо расчистить дороги к ледовому дворцу Бьорнстада! Да?

Гул поутих – все знали, что дороги к ледовому дворцу по случайному совпадению ведут через супермаркет Фрака, но как теперь возразишь – ты же не против детей. Или того хуже – против хоккея. Чтобы заткнуть рот возможным критикам, Фрак поспешно произнес речь в свою защиту:

– Знаете ли вы, какой товар первым исчезает из моего продуктового магазина во время кризиса? Туалетная бумага! И знаете почему? Потому что она дает нам ощущение контроля над хаосом. Когда мир перестает быть надежным, люди закупаются, потому что им хочется что-то *сделать*. Они хотят что-то запасти, но не знают, что именно. Молоко? Ты не можешь купить сто литров молока, оно прокиснет. Консервы? Макароны? Люди носятся по магазину, как бешеные куры, и хватают все подряд, и знаете, что непременно лежит в корзине у каждого покупателя? Туалетная бумага! Потому что это товар, который люди покупают регулярно, вся семья использует ее каждый день. Можем ли мы прожить без туалетной бумаги? Конечно! Но в нашем сознании это символ обычной нормальной жизни, поэтому когда мы напуганы, то закупаем ее тоннами – вовсе не потому, что она нам нужна,

а потому, что она дает нам чувство контроля над происходящим. Понимаете? Во время кризиса людям нужна нормальная жизнь. А в наших краях туалетная бумага — это хоккей. Хоккей должен быть всегда. Он не должен кончаться. Нашей коммуне символы и мечты нужнее, чем электричество и обогрев. Вчера была буря, но сегодня жизнь продолжается. А начинается жизнь с хоккея!

Возразить было нечего, по крайней мере сейчас, поэтому вместе с решением расчистить дороги постановили, что Хед и Бьорнстад будут по очереди тренироваться в бьорнстадском ледовом дворце.

Все запомнят эту встречу по-разному, в зависимости от города, в котором живут. С годами многие не смогут вспомнить, были они там сами или так часто слышали эту историю из чужих уст, что стало казаться, будто и вправду были.

Единственное, в чем все будут единодушны, — оба решения обернулись для всех катастрофой. Мы разворошили осиное гнездо. Возможно, это была ошибка Фрака, а возможно, его цель.

Ясно одно: никто не любил «Звездные войны» так, как их когда-то любил маленький Фрак.

Афоризмы

На следующий день после бури Амат проснулся затемно. Непослушными пальцами зашнуровал беговые кроссовки, незаметно выскочил из дома и, как крыса, побежал, прижимаясь к домам, словно собирался сделать что-то постыдное. Ничего плохого в том, что он делал, не было, даже наоборот, но Амат не хотел, чтобы в случае неудачи кто-то об этом узнал.

Фатима видела, как он вышел из квартиры, но притворилась, что не заметила; и хотя внутри у нее все пело, она постаралась не позволять слезам танцевать в такт. После того как вчера ночью он подобрал ее на дороге и они вернулись домой, сын прошептал: «Мама, прости, что я тебя предал». А она, как всегда, ответила: «Ты не предашь меня, если не сдашься».

И он снова побежал. Сначала стыдливо и неуверенно, затем в полную силу. Страх и алкоголь сделали тело тяжелым, но ноги томились без движения. Теперь им предстояло учиться всему заново, он должен был превратиться в машину, уметь выключать мозг, не останавливая тела. В последние годы его часто называли «талантом» — так говорили люди, не знавшие о хоккее ровным счетом ничего. Они счита-

ли, что «талант» падает на человека с неба. Будто Ама т раннего детства каждый день не приходил в ледовый дворец первым и не уходил оттуда последним, будто не тренировался больше всех остальных на протяжении долгих лет, не провел тысячи часов на коньках, не бегал до тошноты, не гонял клюшкой пустые консервные банки по квартире до кровавых мозолей на руках и истерики соседей. Будто хоккей не стоил ему того же, чего и всем, кто хотел быть первым: всего.

За эти годы Ама т понял, что на самом деле талант – это непрерывные тренировки. Нужно терпеть и не сдаваться. Уже в начале пробежки он стал задыхаться, но вскоре дома закончились и он со всех ног побежал от Низины вверх в сторону леса, заваленного упавшими деревьями. Несколько раз он в испуге уворачивался от летящих стволов и веток – после бури лес еще опаснее, чем во время ее; но по-другому было нельзя. Ама т не хотел бегать в городе, потому что не выдержал бы осуждающих взглядов, к тому же он не знал, ждут ли его в ледовом дворце после всего, что случилось весной. Теперь он остался один на один с собой. Ама т остановился в самой высокой точке леса, на поляне, появившейся после бури, – невидимая рука вырвала с корнем все, что здесь было. Отсюда был виден весь город, но Амата вырвало от изнеможения, и глаза теперь слезились. Раньше он мог не запыхавшись взбежать сюда и спуститься обратно хоть сто раз, а теперь чувствовал себя как старый алкаш, который не может подняться по лестнице, не задохнувшись до сердеч-

ного приступа.

И все-таки он здесь. Он снова бежит. Бежит к самому себе.

* * *

– Что? Прямо *в машине*? – не поверил своим ушам похоронный агент, который наконец прибыл на место.

На следующий день после бури в городе царил хаос, но агент – серый человечек, которому всегда можно было дать лет шестьдесят начиная с подросткового возраста, – явился в костюме и туфлях.

– У нас сложные обстоятельства, – сказал Петер.

– К тому же она пристегнута, – добавил Теему.

С другим мужчиной и в другом городе похоронщик не стал бы церемониться, выбирая слова, но они были в Бьорнстаде и перед ним стоял сам Теему Ринниус, о котором ходила дурная слава, поэтому человечек прокашлялся и тихо сказал Петеру:

– Вообще-то у нас принято по-другому. Совсем по-другому.

Петер понимающе кивнул, признав, что принял необдуманное решение из-за бури, перебоев с электричеством и страшного потрясения. Он взял удар на себя, ничего не сказав про самодеятельность Теему. После нескольких напрасных попыток завязать светскую беседу Петер спросил агента:

– Как вам хоккейная команда последнего сезона?

– Я не слежу за спортом, – ответил тот.

Теему закатил глаза так, что Петеру показалось, будто он сейчас упадет в обморок. Агент вошел в похоронное бюро, и Петер, вздохнув, потащился следом. Пока тот делал необходимые звонки, чтобы запустить надлежащие процедуры с телом Рамоны, Петер и Теему сидели как два провинившихся школьника в кабинете директора и убивали время за чтением стихотворных цитат из некрологов, которые висели в рамочках на стенах. «Неужто не осталось ни следа от славной бабочки, что жизнью называлась?» – было написано на одной из них. Теему толкнул в бок Петера и ухмыльнулся:

– Скажи, старуху бы от этого стошнило? Высечем у нее на камне!

Петер корчился от смеха несколько минут, так что ему даже пришлось извиниться перед похоронщиком, который многозначительно поглядывал на них и бормотал: «Хулиганские выходки!» – думая, что они не слышат, и тогда пришла очередь Теему, который заржал так, что чуть не задохнулся.

Петер прочитал другое стихотворение на стене: «Когда уходит мама, мы теряем компас, теряем каждый второй вдох и выдох, теряем прибежище. Когда умирает мама, все зарастает мелколесьем».

– А рифма где? – удивился Теему.

– Ну ты у нас эксперт по части поэзии! – подколот его

Петер.

– Красные розы, белые лилии, а вы по морде дать смогли бы? – заржал Теему.

Петер кивнул на рамочку в дальнем ряду:

– А это ей наверняка бы понравилось.

Едва прочитав надпись, Теему помрачнел. «Однажды ты тоже будешь одним из тех, кто жил когда-то давно». Он кивнул. Как-то раз, когда один из мужиков в «Шкуре», как обычно, жаловался, что Рамона повысила цены на пиво, та, будучи слишком пьяной, чтобы выдумать новые ругательства, попросту ответила: «Все мы когда-нибудь сдохнем, но прежде чем это случится, лишимся всего, что любим. Кончай себя жалеть, чмошник!» Лучше не скажешь, в рамочку и на стенку.

Серый человечек прокашлялся – он явно был рад не меньше самих посетителей, что дело идет к концу, – и спросил, на какое число они планируют похороны. Петер об этом еще не задумывался, но прикинув в уме, сказал первое, что пришло в голову:

– Например, в воскресенье.

Серый человечек пришел в ужас.

– Послезавтра? Это невозможно! Обычно ждут по меньшей мере...

– На следующей неделе уже не получится, начнется лосиная охота, – серьезно ответил Петер.

– И через неделю тоже нельзя, начнется хоккейный се-

зон, – кивнул Теему с еще более серьезным видом.

– Так что в воскресенье, – твердо сказал Петер.

Похоронщик уставился в ежедневник и выдал:

– На воскресенье уже назначены одни похороны. Двое похорон в один день? В Бьорнстаде? У нас так не принято!

Теему весело пнул Петера в ногу и хихикнул:

– Знаешь, что мы напишем в некрологе? «От нас ушла Рамона. Пиво на небесах теперь подорожает».

Петер покосился на Теему, и вдруг на него нашло такое беспричинное веселье, какого уже давно с ним не случилось:

– Да уж. Некрологи – твой конек. Что ты там про меня написал?

– Это вообще не я был... – обиженно зашипел Теему, и Петер так громко расхохотался, что похоронщик горячо пожалел о том, что сегодня утром подошел к телефону.

* * *

Амат играл в хоккей сколько себя помнил, и знал, что каждая раздевалка – это фабрика афоризмов, к некоторым из них так привыкаешь, что не задумываешься о смысле, но в голове у него навсегда отпечатался один, который любил повторять Суне, старый тренер основной команды: «Единственный день, над которым ты властен, – это сегодня. Вчера и завтра изменить невозможно, но *сегодня* ты можешь все!» Амат раз за разом повторял про себя эти слова, когда горло

горело, а ноги подгибались от усталости, и думал только о том, сколько осталось до дома. Сегодня – это единственное, что у нас есть.

Оттуда, сверху, было видно, что многоэтажки в Низине, где квартиры сдавались внаем, пострадали от бури меньше, чем другие части города – на склонах, спускающихся к гравийному карьеру. Еще хуже обстояло дело с Холмом, самым богатым районом в другом конце города – на горе с видом на озеро. Ветрам наплевать, есть ли у тебя деньги, они срывали крыши с огромных вилл и швыряли дорогушие газовые грили в сияющие чистотой стекла панорамных окон. Впервые за долгое время Аमत увидел, что несправедливость бьет и по богатым. Всякий раз, когда его охватывало злорадство, он думал, что так, должно быть, чувствовали себя прошлым летом все остальные, когда все у него пошло к чертовой матери.

Он сбежал вниз, остановился, упершись ладонями в колени, чтобы как следует отдышаться, затем развернулся и снова с трудом побежал вверх. «Спорт всегда говорит правду, – в детстве Аमत часто слышал эту фразу от взрослых мужчин. – В таблице не спрячешься». Мужики обожали сентенции: «Прессинг – это преимущество», «Оправдания – удел проигравших», «Установки важнее, чем мастерство», «Свисток в конце матча – единственное настоящее освобождение, все остальное – серая зона», «В хоккее мы узнаём победителей по тому, что они побеждают». Все эти афоризмы об-

легчали спортивную жизнь, даже Амату, но под конец стали невыносимы.

Год назад ему исполнилось семнадцать, все считали его многообещающим игроком, но об НХЛ никто даже не думал. «Бьорнстад» – затерянный в лесной чаще маленький клуб одного из низших дивизионов; чтобы сюда приехали агенты и скауты, необходима сенсация. Осенью про Амата кто-то услышал, в начале зимы слух пошел дальше, в январе о нем уже знали все. Он подрос на несколько сантиметров, нарастил пару килограммов мускулатуры, и вдруг все стало просто. Он мог делать на льду все что угодно, словно время для него шло медленнее, чем для других; он ощущал себя бессмертным. Три года назад, когда ему было пятнадцать, он и мечтать не мог о том, что будет играть в команде юниоров с Кевином, Беньи, Бубу и остальными. И вдруг он там, и новой недостижимой мечтой стала основная команда, но вскоре он попал прямиком туда. В хоккее все происходит быстро: замена, матч, сезон – вот и время промчалось. Зимой все закрутилось с такой скоростью, что в конце концов земля ушла у него из-под ног.

Все началось с любви – как всегда. Каждый матч он забивал голы, и мужики в супермаркете стали здороваться с ним и с мамой, трясти ему руку и говорить, что он гордость города; те, кто прежде хватался за бумажник в кармане, когда Аamat проходил мимо, стали вести себя как родные. Они, понятное дело, любили пощупать его плечи и поворчать, что

ему «нужно наращивать мускулы», а иногда отпускали шуточки: «раньше завхоз перед каждым матчем запасался пятью метрами ниток, но иногда даже этого не хватало – приходилось заклеивать бровь скотчем и продолжать играть дальше!» Мужикам не нравилось, что Ама́т уворачивался от ударов на льду, они считали его слабаком, но его любили за то, что он побеждал. Они морщили нос, когда его товарищи из Низины приходили на матч, но он все выигрывал и выигрывал. Сначала дети в Низине во время игры стали кричать «Чур, я Ама́т!», потом за ними стали повторять дети с Холма. И наконец, даже дети в Хе́де захотели быть Ама́том, хоть и тайком от родителей.

И вдруг все заговорили о НХЛ, большом спорте и миллионах. Ама́т старался не слушать. «Будь благодарным и скромным», – учила мама, когда поздно вечером он помогал ей убирать в ледовом дворце, но если кругом все убеждены, что ты можешь далеко пойти, под конец начинаешь верить. Потом «можешь» превращается в «станешь», а «станешь» в «должен». Ты должен далеко пойти. Надежда начинает давить, радость становится прессингом, а мужики в супермаркете не хвалят тебя, если ты забил два гола, потому что должен был забить три. Когда сезон начинался, они были рады, что Ама́т спас «Бьорнстад-Хоккей» и тот не опустился в таблице, но когда они лидировали всю серию матчей в новом году, этого было уже недостаточно: все стали говорить, что клуб должен подняться в таблице. За несколько месяцев

мнение изменилось: если раньше все превозносили Амата за то, что он дал городу, то теперь говорили только о том, что он ему должен. Аमत тренировался, не поднимая головы. Он был благодарным. И скромным.

Он выполнил все, что они просили. Он все сделал правильно. И все равно все пошло не так.

* * *

Петер и Теему покинули похоронное бюро после того, как серый человечек спросил: «Как поступим с оплатой?» Петер удивился, как бесшумно и ловко Теему исчез, едва речь зашла о деньгах. Когда Петер вышел на улицу, Теему курил, стоя возле машины.

– Подбросишь меня до дома? – спросил Петер.

Теему кивнул, глядя в асфальт:

– Конечно. Разумеется. Слушай, не мог бы ты... могу ли я... ну, я про всякие документы на «Шкуру». Счета и... всякие взрослые штуки. Ты мне поможешь? И похороны... Не мог бы ты... Ну, сам понимаешь.

Петер неуверенно кашлянул.

– Может, попросишь кого-нибудь, кто был ближе к Рамоне?

– А кто ей был ближе, черт побери?

Петер онемел, словно получил под дых. Он не сказал

«нет», он вообще ничего не сказал, и они молча двинулись в сторону «Шкуры». По дороге Петер отправил сообщение Мире, что задержится еще на пару часов, и в ответ получил «ОК». Он потеревил в руках телефон еще пару минут, но ничего не добавил.

Казалось, при ведении бухгалтерии Рамона использовала специальный шифр, чтобы спрятать концы, ведущие к сундуку с сокровищами, который пираты зарыли в секретном месте, хотя в действительности ключом к шифру были невыплаченные налоги и отсутствие налоговых деклараций. Распутывая этот клубок, Петер долго сидел на телефоне и сам себе удивлялся: как приятно снова быть у руля! На мгновение ему показалось, что он опять стал спортивным директором, и он заподозрил, что Рамона умерла нарочно, чтобы его подколоть.

– Видал? Твоя фотка висит на самом видном месте, мистер Отличник! – сказал Теему, ткнув пальцем в стену, где висели старые фотографии бьорнстадских хоккеистов.

Петер никогда не любил этот снимок, в том сезоне они почти стали лучшей командой в стране. Почти. Снимок напоминал ему, что он так и не оправдал ожиданий. «Однажды ты тоже будешь одним из тех, кто жил когда-то давно», – подумал он и рассеянно спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.